

ВОПРОСЫ
ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1952 ГОДА

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

*Издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

3

МАЙ-ИЮНЬ

СОДЕРЖАНИЕ

А.М. Молдован (Москва). Славистика сегодня (о XIII-м Международном съезде славистов в Любляне).....	3
А.А. Зализняк, Е.Н. Носов, В.Л. Янин (Москва). Берестяные грамоты из Новгородских раскопок 2003 г.	15
С.А. Бурлак, И.Б. Иткин (Москва). Тохарский текст А 446: еще одна рукопись тохарской версии <i>Maitreyasamiti-Nāṭaka</i>	24
В.В. Левицкий (Черновцы). Аномальный аблаут в индоевропейском и германском ..	36
О.Н. Красавина (Москва). Употребление указательной группы в русском повествовательном дискурсе.....	51
В.В. Гуревич (Москва). Актуальное членение предложения в его разных проявлениях.....	69
А. Мустайоки, М. Копотев (Хельсинки). К вопросу о статусе эквивалентов слова типа <i>потому что</i> , в зависимости от, к сожалению.....	88

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Рецензии

Н.Н. Болдырев (Тамбов), Е.С. Кубрякова, Е.В. Петрухина (Москва). <i>А.В. Бондарко</i> . Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка.....	108
Н.А. Купина, О.А. Михайлова (Екатеринбург). Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация.....	114
Н.Д. Аругюнова (Москва). <i>Тань Аошуан</i> . Проблемы скрытой грамматики: синтаксис, семантика и прагматика языка изолирующего строя (на примере китайского языка).....	123
В.М. Алпатов (Москва). <i>Suziko Tamura</i> . The Ainu language.....	127

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Хроникальные заметки.....	130
---------------------------	-----

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Ю.Д. Апресян, И.М. Богуславский, А.В. Бондарко, В.А. Виноградов (зам. главного редактора),
В.Г. Гак, Т.В. Гамкрелидзе, В.З. Демьянков, В.А. Дыбо, В.М. Живов, А.Ф. Журавлев,
Е.А. Земская, Вяч.Вс. Иванов, Н.Н. Казанский, Ю.Н. Караулов,
А.Е. Кибрик (зам. главного редактора), М.М. Маковский (отв. секретарь), А.М. Молдован,
Т.М. Николаева (главный редактор), В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина
Зав. отделами: М.М. Маковский, Г.В. Строчкова, М.М. Коробова
Зав. редакцией Н.В. Ганнус

Адрес редакции: 119019, Москва, Г-19, ул. Волхонка, 18/2,
Институт русского языка им. В.В. Виноградова
Редакция журнала "Вопросы языкознания"
Тел. 201-25-16

© 2004 г. А. М. МОЛДОВАН

**СЛАВИСТИКА СЕГОДНЯ
(О XIII-М МЕЖДУНАРОДНОМ СЪЕЗДЕ СЛАВИСТОВ)**

В середине августа этого года в Любляне (Словения) состоялся XIII Международный съезд славистов. Съезды славистов являются самым крупным научным форумом, на котором один раз в пять лет встречаются ведущие слависты мира с целью обсуждения актуальных, прежде всего междисциплинарных проблем, обмена информацией и установления научных контактов. Проводятся съезды под патронатом Международного комитета славистов (МКС), в состав которого входят председатели национальных комитетов славистов; в течение пяти лет между съездами МКС возглавляет представитель страны, организующей проведение следующего съезда¹.

На съезде в Любляне, по данным оргкомитета, было 618 участников из 37 стран, в том числе 550 докладчиков. На этом фоне заметно выделялась делегация из России – более 70 ученых². Количественно этот съезд был в два раза меньше, чем предыдущие съезды, в частности, в Братиславе и Кракове число участников достигало 1200.

Такое уменьшение численности участников съезда имеет, безусловно, позитивную сторону: чем меньше квота участников от разных стран, тем выше качество избранных докладов; ограничение числа докладов позволяет избежать чрезмерного дробления на секции, которое приводит к разобщению участников съезда и тем самым к профанации его замысла. Кажется, веселое время "мегасъездов" уходит, и можно было бы, наверное, не горевать о нем, если бы не опасение, тревожащее многих, что эта статистика отражает неутешительные тенденции, которые наблюдаются в последнее десятилетие во всем мире и отрицательно сказываются на положении славистической науки. Участники съезда выразили глубокую обеспокоенность ситуацией в области славистических исследований в таких странах, как США, Швеция, Великобритания, Италия, Франция, Канада, Израиль, отчасти Германия, Финляндия, – но в немалой степени это относится и к самой Словении, в которой славистика стремительно вытесняется словенистикой. В связи с этим нужно высоко

¹ Потребность в таких встречах возникла еще в начале прошлого века в связи с осознанием славистикой своих специфических задач, таких как исследование и научное издание славянской Библии, изучение эволюции церковнославянского языка – общего для большинства славян языка письменности, история славянских литературных языков, этногенез славян, ареальные исследования, славянский фольклор и др. Стало очевидно, что комплексное решение этих задач требует взаимодействия различных гуманитарных дисциплин и коллективных усилий ученых, специализирующихся в разных областях славистики. У истоков проведения съездов славистов стояли русские ученые. В 1903 году они впервые собрали выдающихся деятелей славянской филологии на "предварительный" съезд в Петербурге, на котором обсуждались вопросы подготовки всеславянского съезда. Провести первый международный съезд славистов удалось только в 1929 году в Праге. С тех пор съезды состоялись в Варшаве (1934 г.), Москве (1958 г.), Софии (дважды: 1963-й и 1989 г.), Праге (1968 г.), Варшаве (1973 г.), Загребе (1979 г.), Киеве (1983 г.), Братиславе (1993 г.) и Кракове (1998 г.).

² На краковском съезде квоты участников были больше, и от России в нем участвовало 100 человек.

оценить самоотверженную деятельность Национального комитета славистов Словении, Оргкомитета по проведению XIII съезда славистов и особенно председателя Международного комитета славистов проф. А. Шивиц-Дулар и ответственного секретаря Оргкомитета С. Торкара, обеспечивших успешное проведение съезда.

Политические условия, в которых сегодня приходится существовать славистам, все чаще становятся объектом их научной рефлексии. Поиски славистикой своей идентичности связаны с глубоким обновлением Европы, которая после исчезновения bipolarного мира еще не выработала нового общепонятного языка. Славистика стоит на распутье и вынуждена искать и отстаивать свои позиции и обосновывать свою практическую необходимость.

На пленарном заседании первым было выступление профессора Ф. Берника (бывшего президента Словенской академии наук и искусств) "Культурная идентичность в период глобализации". Докладчик говорил о нивелирующем воздействии глобальной культуры, которое в Словении наложило на проблему внутренней неоднородности культурного пространства (диалектная раздробленность, тяготение отдельных регионов к итальянскому, венгерскому, австрийскому и другим векторам культуры). По мнению Ф. Берника, в период глобализации национальная культура, взаимодействуя с культурами других народов, несет ответственность за сохранение национальной идентичности.

Актуальные для современных обществ и государств вопросы были фоном и для двух других пленарных докладов: Г. Невекловского (Австрия) "Традиция и перемены в современных южнославянских языках" и Д. Броджи-Беркоф (Италия) "Русь, Украина, Галиция, Великое княжество Литовское, Речь Посполитая, Москва, Россия, Центрально-Восточная Европа: о культурной многослойности и полифункциональности". Пленарный доклад О.Н. Трубачева "Опыт Этимологического словаря славянских языков: к 30-летию с начала публикации (1974–2003)" был представлен российской делегацией в печатном виде.

Тематика съезда была распределена по двум традиционным разделам – 1.0. **"ЯЗЫКОЗНАНИЕ"** и 2.0. **"ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА"**. В области славянского языкознания были выделены следующие аспекты, обсуждавшиеся на соответствующих секциях: **1.1. Лингвогенетический и этногенетический аспекты и историко-филологические аспекты:** Генезис славянских языков в контексте праславянской диалектологии (с акцентом на южнославянских языках). Славянская этимология в словообразовательном и семантическом аспектах. Палеославистика. Текстология и издание памятников; **1.2. Ареальные аспекты:** Ареальное изучение славянских языков (балтистика, карпатистика, германославика, австрославика, угрославика, дакославика, балканистика). Диалекты славянских языков: возникновение, развитие, современное состояние. Интердисциплинарность в диалектологических исследованиях. Перспективы, методы и техника лингвистической географии; **1.3. Структурные, типологические и сравнительные аспекты (на всех уровнях):** Актуальные проблемы научного исследования современных славянских языков (на всех языковых уровнях). Динамика и типология изменений в процессе развития славянских языков. Типологическая форма славянского предложения в метаязыковом сравнительном плане. Лексикологические и фразеологические неологизмы в славянских языках на рубеже тысячелетия. Процессы развития в области терминологии и связи между славянскими языками. Структурная типология славянского именного фонда; **1.4. Социолингвистические и прагматические аспекты:** Языковая теория стилей. Языковые контакты (славянско – славянские, славянско – неславянские). Роль национального языка в процессах формирования национальной культуры. Языковое планирование и языковая политика в странах с одним из славянских языков в качестве официального. Положение славянских языков в мире современной коммуникации и технологии в связи с вопросом о многоязычии. Социолингвистические аспекты и периодизация славянских литературных языков. Критерии литературности в славянских языках. Изменения, произошедшие в последние десятилетия в южнославянских лите-

ратурных языках. Сосуществование литературного языка и некоторых других языковых форм (вариантов) в славянских языках. Славянские языки и процессы европейской интеграции и глобализации; **1.5. Теоретические и методологические аспекты в изучении славянских языков:** Использование новых технологий на материале славянских языков. Корпус текстов на славянских языках. Когнитивный подход в языкознании.

Раздел **"ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ, КУЛЬТУРЫ И ФОЛЬКЛОРИСТИКИ"** включал секции **2.1. Особые темы** (с подразделением – 2.1.1. Адам Мицкевич, Александр Пушкин, Франце Прешерн в славянском и европейском контексте. 2.1.2. Проблематика творческой деятельности в эмиграции); **2.2. Теоретические аспекты:** Современные направления литературоведения в славянском мире. Функции литературы в славянском мире. Общее сравнительное литературоведение и славянские литературы. Тематология на распустье между литературоведением, культурологией и лингвистикой (тема, интертекстуальность, модель мира); **2.3. Историко-литературные аспекты:** Типология возникновения славянских литератур. Эволюционная типология жанров в славянских литературах. Континуитет и дисконтинуитет литературного процесса с периода средневековья до постмодернизма (с акцентом на проблеме литературности). Связи между славянскими литературами в аспекте соотношения тематической и образной структуры. Фантастика в славянских литературах. Литература сопротивления. Регионализм и диалектность в литературах славянских народов. Славянские литературы национальных меньшинств и диаспоры. Славянские литературы на фоне или в окружении неславянских литератур; **2.4. Культурологические аспекты:** Изменения в литературной жизни на переломе тысячелетия (влияние социально-политических изменений и новейших средств массовой информации). Обретение национальной независимости и реинтерпретация прошлого (литература, язык, культура и история). Глобализация, культурное самосознание и мультикультурализм как проблемы славянского мира. Восприятие славянской драматургии на неславянской почве. Литература и философско-религиозная мысль. Массовая культура; **2.5. Фольклористика:** Фольклорный текст в культурном контексте. Тексты современного славянского фольклора. Понятие традиции в истории литературы и в фольклористике. Соотношение между устной и письменной формами литературы (с акцентом на изменения границ между ними). Современные тенденции в истории литературы и в фольклористике.

В качестве отдельного раздела **3.0** была выделена **"ИСТОРИЯ СЛАВИСТИКИ"** с юбилейной темой **"Йозеф Добровский (1753–1829) в контексте европейского просвещения и общественных наук"** (Роль Йозефа Добровского в формировании славянских национальных филологий. Взгляды Йозефа Добровского и Е. Копитара на старославянский язык и культурологические и языковые аспекты славянской письменности в Карантании, Паннонии и на Балканах. Й. Добровский, Е. Копитар и славянская фольклористика).

Кроме того, на съезде было организовано 19 тематических блоков:

- "Распределение семантического анализа в статьях этимологического словаря";
- "Критическое издание древнейшего славянского текста библейских книг и его альтернативы";
- "Хорватский язык во взаимодействии с европейскими языками";
- "Интернационализация в современных славянских языках";
- "Inter-Slavica";
- "Сравнительный синтаксис славянских языков 2-й половины XX-го века";
- "Лингвистический корпус по славянским языкам";
- "Топика славянских литератур";
- "Библиейские цитаты в славянской литературе";
- "Динамика насилия: Виды постсоветской популярной литературы и детектива";
- "Перевод художественных текстов – коммуникация народов, языков, культур";
- "Gender-Block";

"Роль религии в формировании национального самосознания и национальной культуры у славянских народов";

"Древнеславянская литургическая поэзия";

"Этнокультурное взаимодействие восточных славян в XVII–XVIII веках";

"Славянские языки и литературы в образовании";

"Фольклор и фольклористика на рубеже тысячелетий";

"Пища; продукты питания и культурно-семантические аспекты";

"Дунайские славяне в VII–IX вв."

Содержание докладов не вполне совпадало с установленной тематикой съезда, во всяком случае доклады далеко не равномерно наполняли ее разделы. Это отчасти говорит о недостаточной репрезентативности утвержденной Международным комитетом тематики (многие направления, в том числе активно развивающиеся, оказались не представленными на съезде), отчасти о недостаточно критическом отборе докладов, отчасти о несовершенстве съездовских правил: Оргкомитет не имел возможности корректировать тематику, приводя ее в соответствие с поступившими заявками, даже если в ней обнаруживались явные промахи. Например, важнейшая для съездов славистов тема "**История славянских литературных языков**" в перечне тем оказалась пропущена, и при формировании программы поступившие по этой теме доклады были помещены отчасти в конец секции 1.2. Ареальные аспекты (с. 81), отчасти в секцию 1.4. Эта последняя, а также секция 1.5 оставляют впечатление сформированных случайным образом. Впрочем, несомненным достоинством осуществленной группировки докладов является то, что не было излишнего дробления секций по тематике.

Охватить вниманием все разнообразие прозвучавших на съезде докладов было, конечно, невозможно (хотя в силу сокращения масштаба съезда, наиболее интересные из докладов оказались относительно доступными). И хотя предлагаемые заметки опираются не только на мои личные впечатления, программные материалы съезда и резюме докладов, но и, в значительной мере, на информацию, полученную от коллег – С.М. Толстой, Ж.Ж. Варбот, Е.Л. Березович, Т.И. Вендиной, Г.П. Клепиковой, В.А. Хорева, Л.Н. Будаговой, Л.Е. Горизонтова, А.А. Плотниковой, Е.Е. Левкиевской, Н.Н. Стариковой, Ю.А. Созиной, Л.И. Сазоновой, Е.Г. Водолазкиной и Т.Г. Руди, А.И. Чагина, Т.Б. Диановой, Л.Н. Виноградовой, О.В. Беловой и др., – за которую я приношу им свою глубокую благодарность – составить здесь сколько-нибудь полную картину происшедшего на съезде было заведомо нереально, приходится ограничиваться частичной.

По единодушному мнению участников съезда, наиболее успешно работала секция 1.1, которая объединила специалистов по этногенезу, этимологии и этнолингвистике и по истории славянской письменности. В этой секции, насыщенной интересными докладами, собрались такие ученые, как В.А. Дыбо, А.А. Зализняк, В.В. Седов, Г. Шустер-Шевц, Х. Поповска-Таборска, Л. Мошинский, И. Дуриданов, Ж.Ж. Варбот, С.М. Толстая, А.А. Алексеев, Х. Кайперт, Е. Хелимский, Й. Райнхарт и др., возможность услышать их выступления в дискуссии привлекала других участников³.

В.В. Седов (Россия) представил на этой секции доклад "Славяне в римское время", в котором новейшие интерпретации археологических данных сопоставляются с историческими свидетельствами и данными лингвистики. Удачным соединением лингвистических и исторических данных отличался и доклад А. Ломы (Сербия и Черногория) "Евразийский степной пояс как фактор языкового и культурного прошлого славян".

³ К сожалению, даже на этой секции не было недостатка в докладах теоретически слабых, тривиальных – Э. Тау-Кнудсен (Дания) "Вампир и табу. К этимологии летучих мышей" и научно несостоятельных – Р.М. Козлова (Беларусь) "Славянские континуанты праслав. **kyld*-, **skylid*- // **čold*-, **ščold*- (этимология, реконструкция)".

Доклад **В.А. Дыбо** (Россия) "Балто-славянская акцентологическая реконструкция и индоевропейская акцентология" был важен обоснованием значения славянских данных для реконструкции индоевропейской акцентологии.

Е.А. Хелимский (Германия) обобщил в своем докладе ряд наблюдений и аргументов, изложенных в его публикациях последних лет и позволяющих предполагать, что одним из основных языков аварского этнического конгломерата и, вероятно, родным языком правителей Аварского каганата в эпоху его сложения (VI в.) был язык тунгусо-маньчжурской группы.

В этимологической проблематике, которая была весьма представительной в этой секции, преобладал интерес к лексической семантике. Специально этот аспект обсуждался в рамках тематического блока по проблемам подачи семантической информации в этимологических словарях. В докладе **Я. Влаич-Попович** и **М. Белетич** (Сербия и Черногория) о первом выпуске "Этимологического словаря сербского языка" на примере конкретных статей была наглядно обобщена практика не только этого, но и других этимологических словарей славянских языков; при этом обнаруживались их сильные и слабые (проблема семантических универсалий) стороны. Глубокий анализ перспектив этимологической разработки региональной лексики с обсуждением проблем праславянских архаизмов, внутриславянских изоглосс, диалектного членения праславянского был представлен в докладе **В. Борыся** и **Х. Поповской-Таборской** (Польша) о значении "малых" языков (в частности кашубского и чакавского) для праславянской этимологии. Как отмечает **Ж.Ж. Варбот**, в этом докладе методологически существенным является установление в словаре нижней границы этимологического анализа: не глубже праславянского.

Ж.Ж. Варбот (Россия) представила на этом съезде свое исследование о народной этимологии как одном из важнейших факторов исторического изменения лексики.

Интересные сведения о многоязычных источниках румынских лексем были сообщены в докладе **Д. Гамулеску** (Румыния) "Славянские этимологии в Румынском этимологическом словаре".

Плодотворность привлечения этнолингвистического материала при исследовании семантических параллелей в славянских языках была продемонстрирована в докладе **С.М. Толстой** (Россия) "Семантическая реконструкция и проблема синонимии в праславянской лексике" на основе изучения корней **kras/kvĕt*.

На этой секции обсуждались и другие доклады, посвященные реконструкции древнейшей славянской культуры и картины мира. В этом направлении были ориентированы доклады **А.Ф. Журавлева** (Россия) "Диалектный словарь и культурные реконструкции", **Л.В. Куринной** (Россия) "Система пространственных представлений древних славян", **И. Янышковой** (Чехия) "Отношение древних славян к деревьям с точки зрения их названий", **М. Рачевой** (Болгария) (о семантических проблемах цветообозначений), **И.А. Седаковой** (Россия) "Судьба сакральных слов в славянских языках (между язычеством и христианством)"; тематически к ним примыкает доклад **А. Петровой** (Болгария) «"Страх" в балканских языках: культурные вариации и сходства», прочитанный на секции 1.2, и др.

Съезд еще раз показал, что взаимное сближение этимологии и этнолингвистики, занимающейся отражением культуры народа в языке и фольклоре, позволяет обеспечить большую достоверность семантического анализа и реконструкции культуры. Важным событием явилось на съезде создание Международной комиссии при МКС по этнолингвистике во главе с известным польским ученым Ежи Бартминьским. До настоящего времени этнолингвистическая проблематика была "рассыпана" по разным секциям, что затрудняло и научное общение, и плодотворные дискуссии. Теперь у языковедов, фольклористов, этнологов, культурологов появилась возможность непосредственно обмениваться результатами своих исследований.

Несколько докладов было посвящено новому освещению проблем исторической фонетики, основанному на новых материалах или более тщательном анализе старого. В частности, в докладе **Г. Шустера-Шевца** (Германия) о метатезе плавных и диф-

ференциации славянских языков (см. Х. Шустер-Шевц. Славянская метатеза плавных и процесс дезинтеграции праславянского // ВЯ. 2003. № 1) традиционная реконструкция процесса "метатезы" была дополнена важными наблюдениями над вариантами рефлексов в разных областях славянского мира (в частности, в полабском) и высказаны гипотезы о причинах такой вариантности (движение полабов-поморян на север с юга – что объясняет тождество рефлексов с южнославянскими языками), о первичности разделения славянских диалектов по рефлексам *orT, о более ранней хронологии метатезы (до V в.). В докладе **И. Рейзeka** (Чехия) о хронологии появления начального славянского x -достаточно убедительно были разделены процессы изменения $s > x$ после i, u, r, k (VII–V в. до н.э.) и $s > x$ в начале слова (ок. IV в. н.э.). В докладе **Ф. Мицлоса** (Россия) "Рефлексы слав. *CelC в восточнославянских языках" была обнаружена ранее не замечавшаяся закономерность рефлексации этого сочетания в [CeloC₂], если C₂ – губной или заднеязычный согласный и [CeleC₂], если C₂ – зубной согласный.

На материале древнеславянской письменности с учетом доступных диалектных данных были сделаны доклады по проблемам грамматики: **Й. Райнхарт** (Австрия) "Морфологические инновации старославянского языка", **А. Шивиц-Дулар** (Словения) "Эволюция адъективного склонения в историческом и ареальном аспекте", **О.Ф. Жолобов** (Россия) "Морфосинтаксис древнеславянских числительных".

В докладе **В.Б. Крысько** (Россия) "Русско-церковнославянские рукописи XI–XIV вв. как источник по истории старославянского и древнерусского языков: новые данные" был рассмотрен новый материал рукописей, расширяющий наши знания о древнейших диалектных грамматических особенностях древнерусского языка и его лексике.

Традиционная филология, изучение старославянских и церковнославянских памятников письменности были представлены рядом серьезных докладов палеославистов: **Л. Мошинский** (Польша) "Вопрос о литургии архиепископа Мефодия", **М. Мак-Роберт** (Великобритания) «К вопросу об отождествлении "Преславской редакции" Псалтири», **С. Богданова** (Болгария) «Среднеболгарский перевод "Пандект" Никона Черногорца», **Э. Блягова** (Чехия) "Языковые схождения старославянского паримейника с другими старославянскими библейскими текстами", **Е.М. Верещагин** (Россия) "Текстология древнейших славяно-русских переводных памятников", **М. Таубе** (Израиль) "Виленская Псалтирь № 262: еврейский перевод", **С. Шварцбанд** (Израиль) "Лексико-семантическая атрибуция церковнославянских текстов (реальные и мнимые гебраизмы)", **Л. Тасева** (Болгария) "Триодные синаксари у южных славян в XIV в. " и др. Более подробно эта тематика рассматривалась в рамках тематических блоков "Древнеславянская литургическая поэзия", "Критическое издание древнейшего славянского текста библейских книг и его альтернативы" и "Библейские цитаты в славянской литературе".

Крупным событием на съезде было выступление **А.А. Зализняка** (Россия) о новгородском восковом кодексе первой четверти XI в. и, в особенности, о содержащихся в нем скрытых текстах, так называемой тетралогии "От язычества к Христу".

Общее положительное качество многих из этих докладов состоит в том, что они, с одной стороны, опираются на большую научную традицию, а с другой, основаны на новых источниках и материалах, которые были введены в научный оборот в последние годы. Учет этого нового материала если и не приводит к новым решениям, то обнаруживает большую глубину проблем, позволяет увидеть несовершенство прежних классификаций и оценок.

Проблематика ареального изучения славянских языков на этом съезде переместилась в программе на второе место (в Кракове аналогичная секция была четвертой), что соответствует современному уровню развития славянской диалектологии⁴. К бесспорным достижениям славянского языкознания последних десятилетий в об-

⁴ См. более подробно в обзоре Л.Э. Калвынь, Г.П. Клепиковой. Вопросы диалектологии на XIII МСС // ВЯ. 2004. № 2.

ласти лингвогеографических исследований относятся "Общеславянский лингвистический атлас" (ОЛА), "Общекарпатский диалектологический атлас" (ОКДА, работа в ближайшее время завершается изданием 7-го выпуска), "Малый диалектологический атлас балканских языков" (МДАБЯ, издан пробный выпуск и описания ряда говоров, входящих в сетку исследования), а также "Восточнославянские изоглоссы" и др. Все эти работы осуществлялись как международные проекты и постоянно обсуждались на съездах. Теперь они становятся базой для осмысления языковых параметров отдельных выявленных ареалов, их сопоставительного изучения и интерпретации. Это было успешно продемонстрировано в докладах **Т.И. Вендиной** (Россия) "Лексика и семантика на картах ОЛА", **Я. Сятковского** (Польша) "Иноязычные заимствования в ОЛА", **А. Ференчиковой** (Словакия) "Сельскохозяйственная лексика в ОЛА" и **Л.Э. Калиньи** (Россия) "Фонетическая программа слова как инструмент типологической классификации славянских диалектов". На лексическом материале ОКДА основано исследование **Г.П. Клепиковой** (Россия) "Карпатологический аспект славянской лингвогеографии", в котором приводятся новые аргументы в пользу существования карпатской (карпато-балканской) общности; этот материал дополнило выступление **В.В. Нимчука** (Украина) "Проблема карпатоукраинско-южнославянских лексических параллелей". Материал МДАБЯ использован в докладе **А.Н. Соболева** (Россия) "Южнославянские языки в балканском ареале". При обсуждении этого доклада в связи с докладом **Е. Русека** (Польша) "Словарь балканизмов в южнославянских языках" обнаружилась сложность в понимании понятия "балканизм": являются ли "балканизмы" только результатом заимствования или влияния соседних неславянских языков или под ними можно подразумевать и собственные новообразования? С появлением фундаментальных диалектных атласов обнаруживается необходимость совершенствования диахронического истолкования их данных.

В ареальном аспекте рассматривалась этнокультурная лексика в докладе **А.А. Плотниковой** (Россия), наблюдения которой во многом согласуются с выводами **А.Н. Соболева** и, вместе с тем, позволяют устанавливать черты "культурных диалектов" в южной Славии.

Как отмечает **Г.П. Клепикова**, численность и качество представленных на этой секции докладов российской делегации (при том, что некоторые из докладчиков не смогли приехать) свидетельствует о том, что центр разработки славянской ареальной проблематики находится сейчас в России.

В разной степени ареальная проблематика затрагивалась в докладах **В. Астрэйка** (Беларусь) "Балто-восточнославянское зональное взаимодействие", **М. Флайера** (США) "О редкой инновации в восточнославянском глаголе: пример белорусской диалектной формы типа *идом* 'идем'", **С. Неверкла** (Словакия) "Заимствование германизмов через чешское посредство в польский и словацкий языки", **Ю. Накаджима** (Япония) "Опыт прагматического анализа местоименных форм в македонском языке", **И. Шаллерта** (Германия), **Р. Коссутты** (Словения) и др.

Вопреки съездовским установкам на обсуждение межславянских или общеславянских проблем, часть прочитанных на секции 1.2 докладов была посвящена сугубо частным вопросам единичных диалектов; таких докладов в программе было заявлено больше, но, по счастью, их авторы не приняли участия в съезде.

В последнее время актуальной стала проблематика диалектных контактов, функционирования диалектов в иноязычной среде или в зонах языкового пограничья, которая требует применения сравнительно новой для диалектологии социолингвистической методики. Эта методика обсуждалась в ряде докладов на секции 1.2 (доклады **Л. Бартко**, **Н. Дзэндзелевской**, **Ш. Липтака** (Словакия) "Словацкие диалекты на Закарпатской Украине в свете языковых контактов"; **Л.Л. Касаткина** и **Р.Ф. Касаткиной** (Россия) "Прародина орегонских старообрядцев-турчан по данным их говоров", **В. Ващенко** (Румыния) "О типологической классификации народных говоров (на примере говоров русских старообрядцев Европы)"; **И. Стоянова**, **Э. Стояновой** (Украина) "Пути развития устной и письменной форм болгарского языка на Украине"),

а также в секции 1.3 (доклады **Б. Вимер** (Германия), **А. Зелиньской** (Польша) "Об объединении диалектологических и социолингвистических методов в исследовании языковых контактов (на примере балто-славянского пограничья)"; **А. Зелиньской** (Польша) "О соединении социолингвистических и диалектологических методов в исследовании польского языка в Литве и Белоруссии"; **М. Краузе**, **Х. Саппока**, **В. Люблинской** и др. (Германия) "Ментальные карты диалектов и образ диалектов в России" и др.).

С этой тематикой был связан и доклад **Е.А. Земской** (Россия) о языке русских эмигрантов, подготовленный совместно с **О.П. Ермаковой** (Россия) и **З. Рудник-Карват** (Польша).

Ономастическая тематика на съезде была представлена всего девятью докладами, причем большинство из них было посвящено частным фактам и явлениям, а методика исследования не учитывает нового в лингвистической теории. Исключение составляет интересный доклад **Е.Л. Березович** (Россия) об этнолингвистическом аспекте топонимических исследований. Такая ситуация в ономастике, по мнению Е.Л. Березович, отчасти связана с ее методологической изоляцией от работ в смежных областях. Поэтому было бы целесообразно не стремиться выделить эту тематику в отдельную секцию, а, напротив, "растворить" ее в других секциях, чтобы обеспечить взаимообмен идеями между "апеллятивными" и "проприальными" докладами.

Характеризуя работу секций 1.3 (с подразделением на 1.3/1 и 1.3/2) и 1.4, нужно отметить, что, как всегда, приковывали внимание участников съезда выступления видных российских ученых **Т.М. Николаевой** "Пространство славянских партикул: дистрибуция и функции", **А.В. Бондарко** "Теоретические проблемы функциональной грамматики" и **Г.А. Золотовой** "Дискуссионные проблемы современной грамматики" – специалистов в области грамматики, за которыми стоят целые научные направления.

Симптоматичным был доклад **К. Гутшмидта** (Германия) о положении и перспективах славянских литературных языков в условиях европейской интеграции и глобализации. Он отметил, что славянские языки по численности говорящих на них находятся на первом месте в Европе, тем не менее результаты научных исследований и достижений не только в технических, но все больше и в гуманитарных областях публикуются сегодня на иностранных языках. Преодолеть эту тенденцию едва ли возможно, но в целях сохранения гармоничной европейской культуры необходимо бороться за сохранение славянских языков. О влиянии политических изменений на социолингвистическую ситуацию и состоянии славянских языков говорилось в докладах **А. Грыбощевой**, **М. Баловского** (Польша), **Б. Станковича** (Сербия и Черногория) и др.

Значительная часть докладов на секции 1.4 была посвящена проблемам стандартизации языка в постиндустриальную эпоху (о необходимости отказаться от термина "литературный язык" применительно к языку современной эпохи говорилось в докладе **М. Вингендер** (Германия) "К развитию теории стандартного языка"). Интересным был доклад **Д. Данна** (Великобритания) о критических явлениях в славянских пост-литературных языках: всем современным европейским языкам присуща значительная свобода языковой нормы (под влиянием процессов глобализации, регионализации, терпимости к сленгу и другим ранее невозможным формам, а также возросшей роли языковой игры), но в наибольшей степени это явление заметно в славянских языках. Термин "пост-литературные языки" отражает происходящую, по мнению Д. Данна, замену единого литературного языка совокупностью в разной степени стандартизованных идиомов, обслуживающих различные субкультуры и слои общества.

Из разнообразных докладов, обсуждавшихся на этих секциях, отметим доклады **Ингрид Майер** (Швеция) "Переводы западноевропейских газет в московском Посольском приказе (1660–1670 гг.)", **Я. Дорули** (Словакия) "Первый полный перевод Библии на словенский язык (в сравнении с чешским и польским переводом)", **Н. Запольской** (Россия) "Книжная справа в культурно-языковых пространствах Slavia Orthodoxa и Slavia Latina (XVI–XVII вв.)", **В. Московича** (Израиль) "Русский язык в Из-

равле", Г. Цыхуна (Беларусь) "Межславянское языковое взаимодействие", Х. Томмола (Финляндия) "К лексико-семантической типологии славянских языков", А.Я. Шайкевича (Россия) "Сеть семантических текстуальных связей в поэзии Пушкина и Мицкевича", А. Дерганц (Словения) "Некоторые различия в образовании перфективного презенса в словенском и русском", А. Мустайоки (Финляндия) "Функциональный синтаксис как основа сопоставления языков" и др.

Если секции 1.1 и 1.2 выделяли на вполне отчетливых тематических и проблемных основаниях, и секция 1.3 и 1.4 местами также демонстрировали некоторое единство тематики (хотя и уровень докладов был более неровным, и велик разброс проблем); то секция 1.5, которая заседала всего полтора дня, так что ее существование не всеми было замечено, – могла бы быть названа "разное". Вопреки названию секции, собственно теоретические и методологические аспекты здесь почти не обсуждались; напротив, в большей степени говорилось о практическом применении новейших компьютерных технологий в славистике.

Несмотря на то, что во многих докладах сравнительно-исторический подход (и даже сравнительность) отсутствовал, некоторое количество "монолингвальных" докладов (которых не удается избежать на всех съездах) не дает основания для опасения, что "славистика постепенно превращается в простую сумму русистики, полонистики, украинистики и т.п." (Е.Л. Березович). Съезд продемонстрировал, что в центре внимания славистов по-прежнему остается анализ источников, критика текста, сравнительная славянская филология, соединение литературоведческой проблематики с лингвистической и культурологической. При этом, по наблюдению С.М. Толстой, продолжается движение в сторону "внешней лингвистики" (социальные и культурные функции языка, языковые контакты, этно- и глоттогенез) и содержательной стороны языка (слова, текста); вопросы же структуры языка – фонологии, морфологии (за исключением, пожалуй, аспектологии), словообразования, формального синтаксиса – отошли на второй план. Г.П. Клепикова также отмечает, что интерес к ареалогическим и социолингвистическим аспектам славянской диалектологии может свидетельствовать о стремлении изучать действие не только собственно лингвистических ("внутрилингвистических") факторов ("законов"), но и факторов "внешнелингвистических", а также "экстралингвистических".

Доклады по литературоведению, культурологии и фольклористике на съезде отражали существенные изменения ориентиров в этих областях филологии. При этом, по общему впечатлению В.А. Хорева, идеологическое раскрепощение гуманитарных наук и более активное приобщение литературоведческой славистики к достижениям европейской теоретической мысли не привело ее пока к новым теоретико-методологическим или концептуальным построениям. Заметно преобладали на съезде доклады историко-литературного содержания, посвященные анализу частных, порой второстепенных вопросов.

Весьма остро изменения в положении литературоведческой славистики в современном мире и понимании ею своих методологических задач обсуждались в докладах чешских ученых. В докладе М. Зелешки (Чехия) "Традиции и перспективы литературоведческой славистики" говорилось о кризисе, переживаемом этой наукой, и необходимости реагировать на меняющийся мир поисками новых проблем и нетрадиционных решений. Специально этой проблеме на съезде был посвящен "Круглый стол" "Литературоведческая славистика в период глобализации" (руководитель И. Поспишил – Чехия). Выступавший на нем польский ученый Л. Суханек предложил в качестве возможного выхода из создавшейся глобализационной ситуации интердисциплинарный подход к славистике, например, комплексное изучение особенностей отдельного славянского региона путем комбинации таких дисциплин, как страноведение, география, этнография, философия, культура, литература, язык т.д. (так называемые *area studies*). В качестве примера он привел опыт Краковского университета, где уже введена специализация "россиеведение", и откуда выходят "россиеведы" (специалисты по Рос-

сии). Реализация такого подхода, наверное, полезна для представления отдельных языков и стран, но для славистики гибельна уходом от научной методологии.

В докладе об актуальной проблематике изучения славянских литератур **Л.Н. Будагова** (Россия) обобщила опыт создания в руководимом ею Центре истории славянских литератур трехтомной "Истории литератур западных и южных славян". По ее мнению, насущной задачей является ликвидация тех белых пятен в изучении славянских литератур (исторических эпох, национального литературного процесса, художественных течений, писательского творчества), которые возникли по идеологическим или цензурным причинам, а то и просто из-за недостатка знаний. Требуется изучения и возвращения в историю литературы творчество писателей-эмигрантов, диссидентов, писателей, подвергавшихся репрессиям, замалчивавшееся по политическим причинам. Нуждаются в переоценке нетрадиционные литературные направления (декаданс, модернизм, авангардные течения, религиозная литература).

Примером комплексного обсуждения этих литературоведческих проблем в их связи с современной жизнью был доклад польского ученого **Л. Суханека** "Эмиграция как травма". Применяя понятия "культурная травма" и "антропологическая травма" к жизни российской писательской эмиграции третьей волны, он выделил две модели их преодоления: адаптация к новой среде и ее системе ценностей (И. Бродский, Ю. Дружников) и резкая критика Запада при полном отрицании коммунизма (А. Солженицын) или сохранения положительного к нему отношения (Э. Лимонов).

В этом русле был организован тематический блок "Динамика насилия: виды постсоветской популярной литературы и детектива".

Интересными теоретическими поисками отличались доклады и дискуссии на секции, посвященной сопоставительному исследованию творчества словенского поэта Ф. Прешерна (доклады **В.А. Хорева** "Романтические поэмы А. Мицкевича и Ф. Прешерна", **Н.Н. Стариковой** и **Ю.А. Созиной** (Россия) "Франце Прешерн в кругу славянских поэтов-современников и изучение его творчества в России", **Г. Коцьяна** (Словения) "Характерные особенности баллад Прешерна, Пушкина, Мицкевича, их различие и сходство" и др.). Обсуждалось соотношение двух типов литературной близости: контактных связей (влияние, заимствование, реминисценции, филиации и т.п.) и типологических сходжений.

Темы литературоведческих докладов, как отмечают участники других литературоведческих секций (**Л.Н. Будагова**, **Е.Г. Водолазкин**, **Т.Р. Руди**) были весьма, порой даже чрезмерно разнообразны – от размышлений о судьбах славяноведения до толкований конкретных литературоведческих понятий [**М. Юван** (Словения) "Стиль и идентификация литературного текста"]; от текстологического анализа отдельных произведений [**Л. Мокроброродова** (Финляндия) «Цитата как гипотекст: роман М. Бутова "Свобода" (1999)», **У. Шольц** (Германия) «Литература и мифология: образ черта в "Борисе Годунове" А.С. Пушкина»] до концепций национального литературного процесса в общеевропейском контексте [**М. Наенко** (Украина) "Дискурс современного литературоведения 90-х годов XX в."; **Н. Радический** (Македония) "Направления связи македонского культурного пространства с другими южнославянскими народами"] и типологии литератур различных славянских народов [**Л.И. Сазонова** (Россия) "Кросс-культурные процессы в Европе: на материале книг кириллической печати второй половины XVI в."; **М. Якимовска-Тошич** (Македония) "Типология развития жанров в средневековых славянских литературах"; **И.И. Калиганов** (Россия) "Регионализм в древних литературах ареала Slavia Orthodoxa"; **Светлозар Игов** (Болгария) "Геоцентризм, этноцентризм и антропоцентризм. Европейский Ренессанс и славянское национальное возрождение" и др.].

Активную разработку получили на съезде проблемы литературных жанров средневековья. Эта тема была представлена как в общеметодологическом освещении (**М. Якимовска-Тошич**), так и в углубленных исследованиях конкретных жанровых форм (**М.В. Рождественская** (Россия) "Библейские апокрифы в литературе и книжности Древней Руси: апокриф как литературный текст"; **Е.Г. Водолазкин** (Россия)

"О жанровых особенностях древнерусских хронографов"; **И. Шпадиер** (Сербия и Черногория) "Гимнографический жанр и богослужбная практика – Феодосиевы каноны святому Симеону и святому Савве"; **А. Милтенова** (Болгария) "Литература в форме вопросов и ответов в славянском Средневековье – типология жанра"]. Вопросы типологии литературных текстов привлекли внимание исследователей также и в отношении других аспектов исследования средневековой поэтики [Т.Р. Руди (Россия) "Средневековая агиографическая топика: принцип *imitatio* и проблемы типологии"; Р. Кунчева (Болгария) "Поэзия болгарских католиков (XVIII в.) – стих и поэтика. Типологические параллели с южнославянским и западнославянским католическим миром в аспекте формирования лирического"].

Аморфной оказалась секция 2.4 Культурологические аспекты. Здесь не было недостатка в интересных докладах, однако заметно было отсутствие объединяющей их методологической основы. Вследствие этого, как отмечает А.И. Чагин, в докладе, например, украинского ученого **С. Виднянского** "Влияние процессов глобализации и европейской интеграции на национально-культурную жизнь славянского мира" говорилось о современных процессах дезинтеграции славянского мира, контрастирующих с тенденцией неславянских европейских стран к объединению, о расцвете национализма и "этноарциссизма", приводящих к культурной изоляции славянских народов. А в выступлении его коллеги **А. Скрипник** (Украина), обращенном к близкому кругу вопросов, подобные этнические трансформации характеризовались позитивно – говорилось о национальной и гражданской идентификации крупных групп населения, о влиянии происходящих изменений на повышение уровня и улучшения качества жизни и т.п.

Впрочем, в большей части представленных на секции докладов подобная проблематика рассматривалась или в сопоставлении двух национальных культур, или путем включения опыта одной культуры в широкий славянский контекст. Основной темой обсуждения было взаимодействие славянских культур, общности или близости их традиций и исторических судеб [доклады **И. Суецкой** (Польша) и **Р. Детрэ** (Бельгия), построенные на сопоставлении культурных традиций Болгарии и Македонии, выступление **И. Вирккула** (Финляндия), посвященное выбору имен для детей в Загребе и Софии как выражению национальной идентичности и др.]

Плодотворным было обращение ряда участников работы секции к вопросам национального самосознания в мультикультурном обществе, проблемы диаспоры [доклады болгарских ученых **К. Михайловой** об особенностях восприятия понятия *родина, отечество* среди поляков, постоянно проживающих в Болгарии, и болгар, постоянно проживающих в Польше, и **В. Пенчева** – о двойственной идентичности (на примере болгар в Чехии и Словакии и чехов и словаков в Болгарии); **М. Черного** (Чехия) – о литературе чешской Вены, **Л. Хладкого** – о чехах в Югославии в XIX-м и первой половине XX в., **И. Паская** – об изучении взаимоотношений языка и фольклора на материале "русской культурной зоны". К этому кругу вопросов примыкает доклад **А.И. Чагина** (Россия) "О целостности русской литературы XX века", посвященный судьбам разделенной после 1917 г. русской литературы.

По сравнению с предыдущими съездами значительно сократилось количество докладчиков по фольклорной проблематике: прежде бывало по 60–70 докладов, а на этом съезде было всего 30. Из-за финансовых трудностей от участия в съезде отказались болгарские фольклористы, уменьшились украинская и белорусская делегации (по три докладчика). Слабо оказалась представлена польская и словацкая фольклористика (по 2 доклада); никто не приехал из Чехии. Наиболее значительной и здесь была российская делегация: девять фольклористов. И без преувеличения можно сказать, что доклады наших ученых – **О.В. Беловой**, **В.А. Бахтиной**, **А.Л. Топоркова**, **В.М. Гацака**, **Т.Б. Диановой**, **А.В. Кулагинной**, **Л.Н. Виноградовой** – вызвали наибольший интерес (это было заметно и по числу слушателей, появлявшихся в моменты выступления российских фольклористов, и по высокой активности дискуссий). Они отличались постановкой крупномасштабных научных проблем, методологической основательностью и широким охватом общеславянского материала, что было особенно важно при

обсуждении вопроса об этно-определяющей и национально-государственной функции "своего" собственного фольклора, значения фольклористики для государственного самоутверждения, базирующегося на концепции "приостановки этнической разгерметизации" нации (доклад Л. Вахниной и Л. Мушкетика).

Оживленную дискуссию вызвали доклады тематического блока под названием "Фольклор и фольклористика на переломе тысячелетия".

Качество состоявшихся на съезде тематических блоков было неравным – некоторые из них были удачны, другие нет. К сожалению, организаторам не удалось соотнести по времени проведение блоков с работой секций, близких им по тематике. Особенное затруднение было в том, что заседания блоков проходили в другом здании. Вообще относительно блоков участниками съезда высказано больше всего отрицательных оценок: право подбора докладчиков того или иного блока отдано председателю блока; это создает льготные условия для слабых докладов. Часть докладов, относящихся к тематике блока, остается за его пределами на секции (так было, в частности, с докладами по библейским текстам и литургической поэзии) и т. д. В целом список блоков оставляет ощущение случайности, нет критериев их выделения. Вероятно, одним из основных критериев образования блока на съезде должна быть интердисциплинарность в решении славистических задач, что позволило бы привлечь к участию в съезде историков, археологов, специалистов в области материальной культуры и др. При этом блоки должны работать внутри ближайших по тематике секций, формируя их проблематику и используя их время – тогда более ответственно можно будет решать, какие из них нужны, какие нет.

Помимо "Круглого стола" "Литературоведческая славистика в период глобализации", на съезде были проведены "круглые столы" по темам: "Славянские языки в эволютивистической перспективе: функционирование, контакты, языковая политика" и "Университетская славистика в славянских и неславянских странах".

В ходе съезда также состоялась заседания всех комиссий при МКС, была принята правила их формирования и деятельности и проведены выборы новых руководителей. Количество комиссий уменьшилось с 29 до 25: некоторые комиссии по разным причинам перестали действовать, но появились и новые.

По традиции, на съезде была развернута выставка славистической литературы, в которой, как всегда, значительное место занимали публикации российских ученых.

В целом, можно сказать, что съезд прошел успешно и выполнил свою задачу. Общее положительное впечатление от съезда хорошо выражает отзыв С.М. Толстой: «...Произошла смена поколений: на наших глазах ушли корифеи славистики (не просто крупные ученые, но и видные деятели международного славистического сотрудничества), в Любляне представителей старшего поколения, с именами которых связана история послевоенной славистики, было уже очень мало, но – была яркая талантливая молодежь, которая, может быть, не столь привержена идеологии славянского единства, смотрит на славянство из более широкой европейской или мировой перспективы, но с увлечением и свежими силами занимается славянскими языками, литературой и культурой и смело обращается к "вечным" проблемам, поставленным классиками славистической науки».

Следующий съезд славистов намечено провести в 2008 году в Македонии. Представление о плачевном положении славистики плохо увязывается с той борьбой за место проведения следующего съезда, которая развернулась до съезда и продолжилась на заседании МКС во время съезда. Претендентами оказались три страны: Белоруссия, Македония и Чехия. Белоруссия уступила свое право, но выбор между Македонией и Чехией удалось сделать только посредством тайного голосования.

© 2004 г. А. А. ЗАЛИЗНЯК, Е. Н. НОСОВ, В. Л. ЯНИН

БЕРЕСТЯНЫЕ ГРАМОТЫ ИЗ НОВГОРОДСКИХ РАСКОПОК 2003 г.*

В Новгороде на Троицком раскопе продолжались работы на 13-м участке (руководитель работ А. Н. Сорокин) и на 14-м участке (руководитель работ А. М. Степанов). Здесь пройдены напластования до уровня середины XII века и найдено 10 грамот (№ 934–936, 940, 941, 943–947).

Продолжались также работы на открытом в 2002 г. Никитинском раскопе (руководитель работ Г. Е. Дубровин). Здесь пройдены напластования до уровня 2-й половины XIV века и найдено 6 грамот (№ 937–939, 942, 948, 949).

Кроме того, впервые найдена берестяная грамота в раскопках на Новгородском (“Рюриковом”) Городище, проводимых Новгородской областной экспедицией Института истории мировой культуры под руководством Е. Н. Носова. Грамота залегала в слоях начала XII века.

Мелкие фрагменты в настоящую предварительную публикацию не включены.

Принципы записи текста и комментирования — такие же, как в предшествующих публикациях данной серии. Указанные при грамотах стратиграфические датировки носят предварительный характер.

Грамота № 934. Троицкий раскоп, усадьба Т. Целое письмо из двух строк.

Стратиграфическая оценка пока еще затруднена. Внестратиграфическая оценка: предпочтительно 1180-е–1220-е гг.

⚡: ꙗ дѣмашеке къ братиле иди ѡже стоѡ во гѣродѣ въправиле ти есмѣ сыно съ гавошею

В начале грамоты крест с четырьмя точками по углам.

Перевод: ‘От Домашки к Братиле. Иди немедленно в город: я выручил твоего сына (= уладил дело твоего сына) с Гавшей’.

Въправиле означает ‘добился оправдания’, ‘выручил’, ‘освободил от какого-то долга или невыполненного обязательства’, ‘уладил чье-либо дело’.

Домашко фигурирует в грамоте № 926, найденной в 36 м к северу в слоях первой четверти XIII в.; и, возможно, он же выступает под именем Домачко в грамоте второй половины XII в. № 657, найденной неподалеку.

Братила — автор грамоты № 803, найденной в 46 м к северу в слоях 1160-х–1180-х гг. (в этой грамоте он сообщает о том, что в Полоцке умер какой-то человек, не сохранившееся имя которого начинается на букву Д).

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 03-04-00109а). Экспедиционные работы в Новгороде поддержаны проектом РГНФ № 03-01-18084е.

Как видно из № 803, Братила каким-то образом связан с Полоцком (хотя он сам не полочанин, а новгородец — это ясно из языка грамоты № 803 и из того, что, обращаясь к Братиле, Домашка называет Новгород просто “город”). При получении грамоты № 934 он находится вне Новгорода (не исключено, что в Полоцке).

Связь Братилы с Полоцком позволяет предположить, что Гавша — это не кто иной, как Гавко-полочанин из грамоты № 502 (последней трети XII в.), которая представляет собой записку, посланную одним из участников судебного разбирательства другому по делу некоего Ивана, арестованного Мирославом: ‘От Мир(о)-слава к Олисею Гречину. Тут войдет Гавко-полочанин. Спрашивай у него, где он стоит на постое. Если он видел, как я Ивана арестовал, поставь его перед теми свидетелями, которых он назовет’.

Если это так, то в грамотах № 502 и 934 может быть отражен один и тот же драматический эпизод: посадник Мирошка (Мирослав) арестовал Братилова сына Ивана на глазах у полочанина Гавка (Гавши). Его удалось освободить лишь благодаря активным действиям Домашки. Роль Гавка (Гавши) устанавливается неоднозначно: либо его свидетельские показания были в пользу Братилова сына и тем самым помогли Домашке, либо, напротив, он сам тягался с Братиловым сыном.

Грамотой № 934 Домашка срочно вызывает Братилу в Новгород: возможно, тот должен был вернуть заплаченные Домашкой за его сына деньги и/или произвести какие-то дополнительные юридические действия.

В этой связи любопытно будет выяснить положение автора грамоты № 934 Домашки. Почему этот человек имел возможность уладить конфликтное дело, рассматривавшееся в сместном суде князя и посадника? Грамота № 657, где, по-видимому, участвует он же, гласит: ‘Поклон от Пелаге Офимье. Вот, деньги твои от Домашка для монастыря святой Варвары в городе, а лежат у Жирослава. Поспеши же в город. А телка святой Варвары здорова ли?’

Монастырь святой Варвары находился в ближайшем соседстве с территорией, исследованной Троицким раскопом. Пелага (Пелагея) и Афимия (Офимья) — монахини, одна из которых (Пелагея) находится не в городе (Новгороде). Однако ей известно, у кого хранятся деньги, полученные от Домашка (Домашка) для Варварина монастыря. Очевидно, что Домашко был богатым и авторитетным человеком, к мнению которого могли уважительно прислушаться даже главные судьи Новгорода.

Так спустя тридцать лет мы узнали о благополучном завершении столь давнего судебного процесса.

Большой интерес представляет встретившееся в грамоте № 934 выражение *око стом* — вариант выражения *како стом* ‘немедленно’, ‘сразу же’, представленного в берестяной грамоте № 272: *како стом пришли конь* ‘немедленно пришли коня’; также в Псковской 3-й летописи под 1478 г.: *сими часы какъ стоя поедете* (повелит.) *к великому князю под Великои Новгородъ*. Буквальное значение *како стом* — ‘как стоишь’, т. е. ‘не сходя с места’, ‘не производя никаких промежуточных действий’; отсюда значение ‘немедленно’.

Редкий союз *око* очевидным образом имеет здесь то же значение, что и *како* (а именно, ‘как’). Ср. такой же параллелизм *око* и *како* (но уже в изъяснительном значении ‘что’) в примере: *и тѣ оканьнш вождова, цѣловавъ крѣтъ чѣньнш къ Мьстиславу и къ объма князема, око ихъ не избити, ... и сълга оканьнши* (Синодальный список НПЛ, под 1224 г., л. 99); в младшем изводе *око* заменено здесь на *како*.

Грамота № 935. Троицкий раскоп, усадьба Е. Это целый документ из пяти строк, который составил из двух найденных по отдельности кусков.

Предварительная стратиграфическая оценка: 1-я четверть XIII в. Внестратиграфическая оценка: 1180-е –1220-е гг.

Ѹ ѿдѡра ·к· Ѹ васила ·г· Ѹ ѿдѡра ·и· Ѹ гавориле
·д· Ѹ сидѡра ·д· Ѹ смьрьдо ·д· Ѹ соутимира ·г·
Ѹ гюргѡва старости ·г· а Ѹ бориса ·е· Ѹ
Ѹ гричина ·д· Ѹ якима ·к·д· Ѹ григе со радѡ
тою ·л·

Перевод: 'У Федора 20, у Василя 10, у [другого] Федора 8, у Гаврилы 4, у Сидора 4, у смердов 4, у Сутимира 10, у Гюргиева старосты 10. А у Бориса 5, у Гречина 4, у Якима 24, у Григи с Радятой 30'.

На первый взгляд, это малоинтересный список то ли должников, то ли вкладчиков в какое-то общее дело. Однако привлекает внимание вторая часть документа, начинающаяся союзом *а* и включающая ряд имен, неоднократно промелькнувших в ранее найденных берестяных текстах.

У Мирошки Несдинича, как об этом сообщает летопись, был сын Борис. Если в грамоте № 935 фигурирует не он, а какой-то другой Борис, то это имя встречено в грамотах № 581, 671, 806, 819 Троицкого раскопа, найденных в напластованиях последней трети XII в. (а также в несколько более поздней грамоте № 714), что идентифицирует его как местного жителя.

Особенный интерес в этом списке для нас представляет Гречин. Он практически надежно отождествляется с Олисеем Гречином, хорошо известным нам по серии грамот с троицкой усадьбы А, найденных в 1973–1982 гг. См. [Колчин, Хорошев, Янин 1981].

Имя Яким носил один из двух авторов берестяной грамоты № 735, найденной на Троицком раскопе в слое второй половины XII века.

Радята — почти наверное тот же, что в грамотах № 799 и 879 (сер. – 2 пол. XII в.), найденных на усадьбе Е. Имя Радяты ассоциируется также с Радятиной (Рядятиной) улицей, на которой расположена раскапываемая в 2003 году усадьба. Многие улицы средневекового Новгорода назывались по именам живших на них первопоселенцев. В этой связи уместно заметить, что Радятинина улица в летописи впервые упоминается под 1211 (6719) годом [НПЛ: 52, 250].

Если вторая часть документа этими именами прямо связана с той территорией, на которой уже тридцать лет ведутся раскопки, то перечень имен первой его части пока что остается неясным. Однако именно в этой первой части фигурирует некий "Гюргев староста", под которым можно понимать церковного старосту Георгиевского храма.

В Новгороде существовали три Георгиевские церкви. Одна из них расположена в Неревском конце, другая — около Торга; обе они никак не связываются с усадьбами Троицкого раскопа. Но третья, находящаяся в Юрьевом монастыре и бывшая его соборным храмом, стала в 1204 году местом почетного погребения Мирошки Несдинича. Не является ли грамота № 935 списком участников торжественного поминания умершего посадника и их вклада в этот поминальный обед? Даже если это предположение и не подтвердится, очевидно, что мы имеем дело с документом, происходящим из того же комплекса, что и другие грамоты, упоминающие Мирослава и Олисея Гречина.

Грамота № 936. Троицкий раскоп, усадьба Ж. Это левая часть первых двух строк письма.

Предварительная стратиграфическая оценка: конец XII – начало XIII в. Внестратиграфическая оценка: предпочтительно середина – 2-я половина XII в.

отъ ивана къ мирошекѣ же то[пъ](рьво)
вица[хѣ ѡ] т[ѣ ѡ] мѡнѣ [ѡ]укѣ т... (|...)

Адресная формула необычна: 'От Ивана к Мирошке же'. Это значит, что перед нами второе письмо к Мирошке, а первое либо было послано Иваном Мирошке раньше, либо было направлено Мирошке (может быть, с тем же посланцем) кем-то еще.

Судя по месту и времени, Мирошка — почти наверное Мирошка Несдинич (хотя, может быть, в это время еще не посадник).

От основного текста письма, к сожалению, осталось очень мало. Можно предполагать, что этот текст начинался словом *топерьво* 'теперь' и содержал, в частности, слова *а то е мѣнѣ* 'а это мне' (подразумевается: принадлежит, причитается, надлежит); но не исключены и другие варианты реконструкции (например, [ѡ]т[ѣ ѡ] вместо [ѡ] т[ѣ ѡ]). Фрагмент ...вицахо — скорее всего конец какого-то топонима типа *Кречевицахъ*.

Можно предположить, что автором письма является тот самый Иван, который фигурирует в грамоте № 502 как арестованный посадником. Основанием идентификации оказывается упоминание Луки. Человек, носящий такое имя и связанный с Мирошкой, упомянут в летописи под 1200 годом в рассказе о сражении новгородцев с литовцами. Среди погибших в этом сражении назван Лука "Мирошкинъ отрок" [НПЛ: 45, 239]. "Отроком" в средневековом Новгороде называли судебного исполнителя. Само присутствие Луки в цитированном тексте связывает автора этого текста Ивана с неким судебным делом. Если это тяжба Ивана с Гавком, то Иван мог быть вынужден писать посаднику Мирошке, ссылаясь на его судебного исполнителя Луку.

Следует заметить, что в том же сражении погиб еще один человек из числа известных нам жителей Людина конца — того его участка, на котором тридцать лет ведутся раскопки. Имеется в виду "Страшко серебряник весец" [НПЛ, там же]. В найденной в 1997 году коротенькой грамоте № 780, относящейся к 1180-м – 1200-м годам, упомянуты "графья" (т. е. абрис будущей фресковой или иконной композиции) и имена мастеров, среди которых фигурирует Страшко. Как показали раскопки усадьбы Олисея Гречина, в его иконописной мастерской работали не только живописцы, но и мастера по производству серебряных иконных окладов.

Грамота № 937. Никитинский раскоп, усадьба Б. Это первые две строки письма. Стратиграфическая оценка: последняя четверть XIV в.

Ѡ юреѡ к носу посладе ксемѣ
[с] миѡхалькою сто коробѣи м|...

Перевод: 'От Юрия к Носу. Я послал тебе с Михалкой сто коробей ...'

После *коробѣи*, возможно, стояло *м(олодога)* 'солоду'; ср. слово *молодогъ* 'солод' в грамотах № 689 и 863.

Адресат грамоты с высокой вероятностью опознается как Василий Есифович, по прозвищу Нос, упоминаемый в новгородской летописи и других документах под 1405–1421 гг. (не позднее, чем с 1405 г. тысяцкий, с 1418 г. посадник). Сведения о нем (в хронологическом порядке) см.:

1405: тысяцкий Василий Есифович, в грамоте Новгорода Юрьеву [ГВНП: 85–86, № 48]; 1409: тысяцкий Василий Нос, в немецком документе [LUB, IV, № 1796] (см. также [Янин 1994: 31], здесь же реконструкция генеалогии Носовых); 1410–11 [ГВНП: 88, № 50], 1415–16 [НПЛ: 406]: тысяцкий Василий Есифович; 1418 [НПЛ: 410], 1420 [НПЛ: 413], 1421 [ГВНП: 99, № 60]: (степенной) посадник Василий Есифович.

Грамота № 938. Никитинский раскоп, усадьба А. Целый документ из трех строк.

Стратиграфическая оценка: последняя четверть XIV в.

у савѣ у пачина полъ коробы ржи
в землѣ у братама полъ коробы
ржи

Это запись о размерах подати или недоимок.

Перевод: 'У Саввы Пачина за землю полкоробы ржи, у племянника [его] полкоробы ржи'.

Имя *Пача* и отчество *Пачинъ* в новгородских документах отмечены: см. [Писц. и перепис. книги 2003: 331, 463].

Грамота № 939. Никитинский раскоп, усадьба В. Это небольшой фрагмент, содержащий одну строку из средней части документа (на обороте много штрихов, но букв, по-видимому, нет).

Стратиграфическая оценка: последняя четверть XIV в.

...|ку со женои даи коро[бъ]ю рж[и] а |...

Для истории русского языка значительную ценность представляет окончание *-ои* в *со женои*. В берестяных грамотах это один из самых ранних надежных примеров утраты [у] в окончании Т. ед. жен.

Грамота № 942. Никитинский раскоп, усадьба В. Письмо из трех строк, утратившее большую часть первой строки.

Стратиграфическая оценка: последняя четверть XIV в.

...[ва къ]
жени свожи улыяни по
идь сивь какъ стона

В утраченной части первой строки почти наверное стояло *приказъ ѿ -----а* (например, *ѿ Василья*, *ѿ Игнатъя* и т. п.).

Перевод: '[Наказ от ...] к жене своей Ульяне. Пойди сюда немедленно'.

Это одно из самых лаконичных берестяных посланий.

Сивь вместо *сивь* похоже на простую описку; менее вероятно, что это гиперкорректное написание (связанное с тем, что вместо *имь*, *своимь* и т. п. обычно писалось *имь*, *своимь*) или элемент южнославянской орфографии.

Примечательно *пойди* из *пойди* (где конечная гласная первоначально была ударной); ср. современное просторечное и диалектное *подь сюда*.

Второй раз в течение одного археологического сезона встретилось выражение *како стон* 'немедленно', 'сразу же' (на этот раз в своем более позднем варианте); см. выше, при № 934, об *око стона*.

Отметим, что в составе этого выражения *стоа* не согласовано в роде (фраза относится к женщине).

Грамота № 943. Троицкий раскоп, усадьба Ж. Фрагмент двухстрочного письма. Предварительная стратиграфическая оценка: последняя четверть XII в.

... (р)ожъ купиши то купи тамо а сьмо са не нады
... (по де)[в]ати рьза а жито по двѣ ногаты [а в]охо ти ...

Вместо *купиши* автор, по-видимому, вначале по ошибке написал *тупити*, но затем переправил у на к, а о на слитное уо; при этом лишнее *т* осталось незачеркнутым.

Грамота состояла из двух строк. Слева утрачено довольно много: в первой строке должна была стоять адресная формула и, вероятно, *что* или *что ти* перед сохранившимся *(р)ожъ купиши*. В конце второй строки недостает лишь 8–10 букв.

Перевод (с конъектурами): '[От X-а к Y-у. Что касается того, чтобы] купить рожь, то купи там, а здесь не надейся'. После лакуны (где, вероятно, указывалась цена на рожь): '... [по] девяти резан, а ячмень по две ногаты. И всё [это] тебе [следует] ... (может быть: привезти) '.

Выражение "а здесь (*или*: отсюда) не надейся [достать]" явно было в древнерусском языке устойчивой формулой: ср. *а ѿтоселе са не надеи* в грамоте Ст. Р. 30, *а сдесе не надиса* в № 354.

Отметим очередной пример характерного древненогородского *вохо* 'всё'.

Грамота № 944. Троицкий раскоп, усадьба Т. Конечные три строки письма.

Стратиграфическая оценка пока еще затруднена. Внестратиграфическая оценка: 1160-е – 1210-е гг., предпочтительно не позднее конца XII в.

...|о о живото а то бѣгови и тобѣ на ручици п
ро села а про села сама веси а на то
бѣго

В конце автор сперва написал сокращенно *Бѣ*, но затем решил выписать слово целиком; при этом титло осталось: *Бѣго*. Начиная от слов *на Ручици*, в грамоте, по-видимому, меняется почерк (но для окончательного решения данных всё же недостаточно).

Перевод: '... по поводу имущества, так то Богу и тебе. На Ручье про села: а про села сама знаешь. А на то [свидетель] Бог'.

Формула "Богу и тебе" равносильна 'именно тебе', 'тебе и больше никому'; см. [ДНДз, § 5.14 и НГБ, VIII: 180–181] о выражениях *волень Богъ да и ты, положено на Бозѣ и на тобѣ* и т. п. Формула "а на то Бог" означает, что речь идет об устном договоре, происходившем без свидетелей, т. е. таком, исполнение которого гарантируется непосредственно всевидящим Богом; ср. *Бѣъ мѣжи нама послоухо былъ* в грамоте № 675. Отрезок *о животѣ* можно сравнить, например, с *о задъницю* во фразе *аже братья ростажуться передъ княземъ ѿ задъницю* [Правда Русская, ст. 108].

По-видимому, перед нами ответ на письмо, содержавшее ряд претензий или вопросов. Отвечавший начинал каждый следующий пункт ответа коротким заголовком по модели "про X". Предпоследний пункт касался какого-то имущества; автор объявляет, что оно безраздельно принадлежит женщине-адресату. В исходном письме был задан также вопрос про села на Ручье (где Ручей — это явно топоним). Этому посвящен последний пункт ответа: про эти села адресату и так всё известно, ведь на этот счет между ними уже есть нерушимый договор.

Грамота № 945. Троицкий раскоп, усадьба Ж. Фрагмент одной из срединных строк письма.

Предварительная стратиграфическая оценка: последняя четверть XII в.

...[с]з иноу роботуу дома а то тобѣ [г]о[стата] ... (|...)

Грамота № 947. Троицкий раскоп, усадьба Ж. Правая часть трехстрочного письма.

Предварительная стратиграфическая оценка: 2-я половина XII в.

...[б]ранѣ възь[ми]

... -оль гривнѣ гюрѣти

...є вѣда ѿ а пристави о[т]рокъ

Перед *бранѣ* одна буква (*р* или *г*) зачеркнута. В слове *отрокъ* между *о* и *т* стоит еще буква *а*, но она, по-видимому, зачеркнута.

Перед (*не* *вѣда* явно стояли слова со значением 'если же' (например, *оже ли* или *оже ти*). *Гюрѣти*... — явно начало какой-то формы слова *Гюрятинь* или *Гюрятинчъ* (с представляющей интерес для фонетики заменой *а* на *ѣ*).

Несмотря на то, что утраты велики, общий смысл документа достаточно понятен. Адресату предписывается взять с лица *X* полгривны. Эта сумма либо принадлежит Гюряте (или Гюрятиничу), либо взимается в его пользу. Если *X* ее не отдаст, следует вызвать отрока (судебного исполнителя). Ср. заключительную фразу берестяной грамоты № 15 из Старой Руссы: *али ти не дасть, а пристави на нь отро(к)ѣ*.

Грамота № 948. Никитинский раскоп, усадьба Б. Это первые четыре строки письма с частичными утратами в правой части (грамота составила из трех кусков.)

Предварительная стратиграфическая оценка: середина — 3-я четверть XIV в. Внестратиграфическая оценка: 20-е — 90-е гг. XIV в. (предпочтительно 60-е — 70-е).

приказъ ѿ парефеа (къ) крем-

что про рожѣ мину[л]--- не хо--(--)

да про възла посл[ю] - (к)сент[ѣ]ємо

к остафеи · [к]же буд[еш]е не ѿда[.]...

В *возла* буква *л* вписана над строкой. В -(*к*)сент[ѣ]ємо первая буква была *ω* или *о*. В [к]же чтение *к* более вероятно, чем *о*.

Перевод: 'Наказ от Парфея Еремею. Что касается ржи ...' Конец второй строки надежно восстановить не удается; можно предполагать, в частности: *мину[л](осл) не хо(ди)* 'то эта нужда] миновала — не ходи'. Далее: 'А насчет гончей: я пошлю [ее] с Оксентьем к Остафье. Если (или: Что) ты не отдал ...' (В отношении текстовой структуры ср. Пск. 6.)

Менее вероятна интерпретация 'А насчет гончей я пошлю [грамоту] с Оксентьем к Остафье'. Маловероятно также, что [к]же буд[еш]е не ѿда(н) относится к гончей, т. е. означает 'если ты [ее] не отдал', — прежде всего потому, что в берестяных грамотах придаточные условия, за ничтожным числом исключений, являются препозитивными.

Об имени Еремей см. следующую грамоту.

Для *Парефеа* и (к)сент[ѣ]ємо ср. *Парѣѣ* 307, *Оксинтии* 918.

Грамота № 949. Никитинский раскоп, усадьба Б. Это первые четыре строки письма (с небольшими остатками пятой строки).

Предварительная стратиграфическая оценка: середина – 3-я четверть XIV в. Внестратиграфическая оценка: не ранее 40-х гг. XIV в. (предпочт. 40-е – 70-е гг.).

поклонъ ꙗ ꙗ Петра ко смону и ко якову
и ко крѣмъи · и стѣпану что бы ма
ксте жаловалъ про свое коунѣ и нъ
нѣ [ма] жалоуите възмите два роу
(бла)[еса] и ꙗ[оуз]...

Перевод: 'Поклон от Петра Семену, Якову, Еремею и Степану. Пожаловали бы вы меня за ваши деньги. А именно, теперь [так] меня пожалуйте: возьмите два рубля ...' В дальнейшем тексте упоминался *пузь* — мера сыпучих тел, в основном зерна. По-видимому, Петр занимался сбором долгов или податей в пользу своих адресатов и теперь просит за это вознаграждения.

Еремей — явно тот же, что в № 948. *Крѣмъи* — закономерное народное соответствие каноническому *Икремим* (ср. другие народные варианты: современные *Еремей*, *Ерѣма*). Мы передаем это имя как Еремей с некоторой долей условности — подобно тому, как имя *Григорья* обычно передается как Григорий.

Отсутствие предлога *ко* перед *Степану*, если только это не случайный пропуск, может определяться тем, что Еремей и Степан чем-то объединены (скажем, это братья или компаньоны).

Отметим *по*, *мо* как способ передачи [п'о], [м'о] в *Потра*, *Смону*. Написание *мъ* в *Крѣмъи*, вероятно, отражает отверждение [м'] в данной позиции.

Жаловати, очевидно, имеет в данном тексте значение совершенного вида.

Грамота № 950 (= Городище № 1). Найдена на Новгородском (так наз. "Рюриковом") Городище 19 июля 2003 в 3 м по горизонтали и немного выше бревна с дендродатой 1099 и бревна с дендродатой 1105.

Это фрагмент письма, написанного на обеих сторонах берестяного листа.

Внутренняя сторона

...[ц]оу въдалъ бы къназоу
...[ити а] пог[ъ] ти [са] мо[л]илъ

Внешняя сторона

...а сеньникъ продаи а чѣто ти на немъ
...ано а оно азъ въ[в]правлоу емоу и не ве(-)
... (а)[зъ] т[и] са ^{по}к[ла]н[аю] по] сторовоу ва есмъ

В 1-й строке внешней стороны над *чѣто* надписаны буквы *чѣ* (по какой-то причине писец снова стал писать слово *чѣто*). Во 2-й строке между *а* и *оно* зачеркнута буква *н*. В 3-й строке в *са покланю* буквы *по* надписаны над строкой: писец вначале написал *азъ ти са кланю*, а потом решил заменить *са кланю* на *са покланю*.

Буквы на внешней стороне мельче, чем на внутренней, но почерк, по-видимому, все же один. Начало письма находилось на внутренней стороне, конец — на внешней. Последней строкой внешней стороны письмо, возможно, заканчивалось; но возможно также, что имелось еще короткое продолжение (из одного или нескольких слов) на дополнительной строке в несохранившейся левой части грамоты.

Связный перевод из-за утраты левой части невозможен. Отрезок ...[ц]оу — возможно, конец наименования адресата. Это могло быть, в частности, *къ отцоу*.

Далее сказано: 'Дал бы (ты [?]) князю ...'. После разрыва: 'А поп тебя просил'. На обороте: '... сеник продай; а что тебе за него ... (возможно: X-ом уже внесено [или что-то близкое по смыслу]), так это я ему возьму ...'. После разрыва: 'А я тебе кланяюсь. Мы у вас двоих благополучны (т. е. у нас все в порядке; букв.: мы вам двоим пребываем "поздорову")'.

Что означает здесь многозначное слово *сѣньникъ*, из-за отсутствия контекста неясно; вероятно, это сеновал или участок сенных покосов. После 'сеник продай' могло быть сказано, например, 'а что тебе за него [в качестве задатка дано] или 'а что тебе на нем [доведется потерять]' (ср. грамоту № 163). Кому именно автор собирался возместить убыток, должно было быть ясно из утраченной части текста.

По сторову — то же, что *по съдорову* (*по здорову*) 'благополучно', 'невредимо', ср., например: *допровадимъ с куплю ихъ по здорову* (Договор Олега с греками — Ипат. [911], л. 14); донныне сохраняется выражение *подобру-поздорову*. *Быти по сторову* — 'жить благополучно', 'пребывать в благополучии, в добром здоровье'.

Неожиданное двойственное число в конце ('у вас двоих') после единственного числа ('тебе кланяюсь') согласуется с гипотезой о том, что письмо адресовано отцу, а именно, в заключительной фразе сын уже имеет в виду обоих родителей. Множественное число *есмы* показывает, что в этой фразе он объединяет себя с кем-то еще — очевидно, с братьями или другими родственниками, вместе с которыми он отправился из дому для выполнения какого-то дела.

Написание *къназоу* (с *оу*) — такое же, как в грамоте № 745 (того же времени). Написание *в(ь)правоу* (с *оу*) примыкает к ряду других аналогичных примеров (см. [ДНД₂, § 2.44]).

Местоимение двойственного числа *ва* выступает в очень редкой для него роли *dativus ethicus*.

Словоформа *сторовоу* — один из двух самых ранних примеров *ст* в этом слове и единственный элемент древненовгородского диалекта в этой грамоте; в остальном она ориентирована на наддиалектные нормы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.
ДНД₂ — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004.
Ипат. — Полное собрание русских летописей. Том второй. Ипатьевская летопись. М., 1962.
Колчин, Хорошев, Янин 1981 — Б. А. Колчин, А. С. Хорошев, В. Л. Янин. Усадьба новгородского художника XII в. М., 1981.
НГБ, VIII — В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951–1983 гг.). М., 1986.
НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
Писц. и перепис. книги 2003 — Писцовые и переписные книги Новгорода Великого. Сборник документов. Сост. И. Ю. Анкудинов. СПб., 2003.
Правда Русская — Правда Русская. Т. 1–3. М.; Л., 1940–1963.
Псковская 3-я летопись — Псковские летописи, вып. 2. М., 1955.
Янин 1994 — В. Л. Янин. Генеалогия боярских родов Великого Новгорода // Историческая генеалогия. Екатеринбург; Париж, 1994. № 4.
LUB IV — Liv-, Est- und Curlaendische Urkundenbuch nebst Regesten. Bd. IV. Riga, 1865.

© 2004 г. С.А. БУРЛАК, И.Б. ИТКИН

**ТОХАРСКИЙ ТЕКСТ А 446:
ЕЩЕ ОДНА РУКОПИСЬ ТОХАРСКОЙ ВЕРСИИ MAITREYASAMITI-NĀṬAKA**

В 1998 г. в знаменитом издательстве "Mouton de Gruyter" вышла подготовленная китайским исследователем Цзи Сянь-Лином (при участии В. Винтера и Ж.-Ж. Пино) книга "Fragments of the Tocharian A Maitreyasamiti-Nāṭaka of the Xinjiang-Museum, China" [Li, Winter, Pinault 1998]. Книга представляет собой снабженную параллельным английским переводом и ценным справочным аппаратом публикацию тохарской А рукописи "Maitreyasamiti-Nāṭaka" ("Пьеса о встрече с Буддой Майтреей"), случайно найденной зимой 1974 г. недалеко от г. Яньци (Синьцзян-Уйгурский автономный район, Китай). Введение в научный оборот этой рукописи, с появлением которой объем материала по тохарскому А (иначе – восточнотохарскому) языку, имеющийся в распоряжении исследователей, увеличился фактически на треть, представляет собой поистине эпохальное событие в тохаристике; нельзя не согласиться с К.Т. Шмидтом, в своей рецензии отметившим исключительную важность книги Цзи Сянь-Ли, В. Винтера и Ж.-Ж. Пино для тохаристов, индоевропейцев, буддологов и исследователей Центральной Азии" [Schmidt 1999: 285].

"Maitreyasamiti-Nāṭaka" (далее MSN) – буддийская драма (натака), повествующая о встрече с Майтреей (Буддой будущего мирового периода). Полный текст MSN состоял из 27 актов, почти все сохранившиеся фрагменты рукописи из Яньци относятся к актам I–III. Сюжет о Будде Майтрее пользовался огромной популярностью в центральноазиатском буддизме; неудивительно поэтому, что MSN была переведена на целый ряд языков – китайский, тибетский, хотаносакский и др. Наибольший интерес для тохаристов представляет тюркская (древнеуйгурская) версия того же сочинения, известная под названием "Maitrisimit nom bitig" и, по-видимому, переведенная не с санскритского оригинала (до сих пор не обнаруженного), а именно с восточнотохарского (об этой запутанной проблеме см. в последнее время [Adams 2000 9–11]) В связи с этим важнейшее значение для исследования MSN и полной реконструкции ее тохарского текста имеет статья Ж.-Ж. Пино [Pinault 1999]. В этой статье, представляющей собой своего рода дополнение к публикации "Фрагментов...", впервые приводится полный перечень параллелей между всеми известными восточнотохарскими и тюркскими рукописями MSN, установленных к настоящему моменту.

Появление двух этих работ наверняка послужит стимулом к новому исследованию восточнотохарских текстов из Берлинского собрания, опубликованных в 1921 г. Э. Зиггом и В. Зиглингом [Sieg, Siegling 1921]. Речь может идти не только об уточнении перевода и републикации тех фрагментов, принадлежность которых к одному из актов MSN была установлена уже давно (работа в этом направлении также ведется, ср. [Pinault 1997] по поводу текста № 270 и [Pinault 1999: 206–235] по поводу текстов №№ 291, 292 и 307), но и об идентификации фрагментов, принадлежность которых к этому замечательному сочинению никогда ранее не предполагалась.

Реконструкция значительного по объему и очень плохо сохранившегося текста – тяжелейший труд, сопряженный со множеством препятствий. Поэтому, как мы полагаем, обнаружение даже одного-единственного и притом совсем маленького нового фрагмента представляет собой локальный успех и может принести немалую пользу. Именно это соображение побудило авторов, никоим образом не считающих себя специалистами в буддологии, к написанию настоящей статьи.

Речь идет о фрагменте № 446 Берлинского собрания, представляющем собой, как отмечено в [Sieg, Siegling 1921: 242], "единственный сохранившийся образец данного почерка" В публикации 1921 г этот текст выглядит следующим образом

V o r d e r s e i t e ?

- 446 a 1 // // // . ṣ . m m o k ā k ṣ ā m a ṃ k e n t r a ◊ // // //
 2 // // // [l u] n e k ā l k o n ā ṃ ◊ t ā m y o — — — . s . ṅ k a ṃ k a [l . .] // // //
 3 // // // m m . [:] p u t k o a ś a t p u t k o e l n ā ṃ ◊ t ā m y o ṣ a — // // //
 4 // // // . ṅ . p i s s a ṅ k a ṣ m ā n a s a l ◊ k u p r e n e n u k a // // //
 5 // // // p . — ṅ a c ā e l e s a ṃ || p t ā ṅ k a t k a ṣ ṣ i ā // // //
 6 // // // ā — — — e ṃ t s u r a ṣ ā // // //
 7 // // // [c c a] ś i n u c a ṃ . ā // // //

R ü c k s e i t e ?

- 446 b 1 // // // n u ś ā k k i s a ṃ // // //
 2 // // // w ā . t . — — — ṅ a s i ṃ a a ṣ y ā [k .] // // //
 3 // // // l k o r a ṣ t r a ṅ k a ṣ p a l k ā r k l y o m i ṃ k o s p r e ṃ k ā [s .] // // //
 4 // // // . i . ā m a ṣ t m a ṣ ṣ u t ā p a r k p o ṅ c ā ṃ j a m b u d u p . // // //
 5 // // // l a ṃ w a k o n e k a l p o ṣ n a s a ṃ ṣ o m c a ṃ // // //
 6 // // // s u w e ṅ ā ṣ t k l y o m . — . i — r ṣ t v a d a ṃ s a // // //
 7 // // // | ś ā ṃ t r a ṅ k a ṣ t a ṃ n e p y ā // // //

В публикации Э. Зига и В. Зиглинга (как и в [Ji, Winter, Pinault 1998]) подчеркнутыми буквами транслитерируются так называемые "чужие знаки" – символы, обозначающие сочетание согласного с гласным *a*, а также употреблявшиеся на конце слова, в последнем случае они ставились несколько ниже строки и снабжались знаком 'вирама', передаваемым в транслитерации как \backslash . Над согласными, не имевшими 'чужих знаков', в конечной позиции могли факультативно ставиться две точки (знак для гласного *ā*), не обозначающие в таком случае никакого реального гласного (о чем свидетельствует наличие вирамы); в транслитерации такие написания отмечаются как ^ā. Слова в тохарском письме не разделялись пробелами; в определенных случаях (в основном при наличии синтаксической границы) использовались пунктуационные знаки ◊, ⚡ и ||. Знак /// означает, что край строки оборван.

Далее в настоящей работе – кроме нескольких особых случаев, связанных с анализом графики, – мы придерживаемся упрощенного варианта транслитерации, принятого в тохаристике (ср., например [Krause, Thomas 1960]): "чужие знаки" передаются при помощи сочетаний согласных с *a*, вирама, а также конечное *ā*, не обозначающее гласного, не отмечаются.

Сравнение текста № 446 с рукописью из Янчи однозначно свидетельствует о том что перед нами – еще одна копия III акта MSN. Если быть более точным, первая строка этого фрагмента – 446 a1 – начинается так же, как строка YQ-18 [III 10]¹ a5 (/// (som)m (o)kāk ṣāmaṃ kentra), а последняя – 446 b7 – приблизительно совпадает с

¹ Все листы рукописи из Янчи (Yanqi) имеют индекс YQ. Следующее за этим индексом число обозначает номер под которым соответствующий лист хранится в музее Синьцзяна. Поскольку эти номера не имеют никакого отношения к реальной последовательности листов в пьесе, в настоящей работе в некоторых случаях используется двойная нумерация, принятая в [Ji, Winter, Pinault 1998] так, запись YQ-18[III 10] означает, что лист № 18 представляет собой десятый лист III акта MSN

концом строки YQ-19[III.11] a7 (... || śam trāṅkaṣ tām ne pyāmās ///), ср. [Ji, Winter, Pinault 1998: 188–192]. Таким образом, соотношение лицевой и оборотной сторон документа установлено Э. Зигом и В. Зиглингом верно.

Лист, на котором написан текст № 446, как, очевидно, и все прочие – не сохранившиеся – листы той же рукописи, содержит по 7 строк на каждой стороне (листы рукописи из Яньци – по 8 строк), но изначально эти строки были очень длинными. Каждая строка рукописи из Яньци состояла в среднем из 40–42 акшар; самые короткие строки насчитывали около 30 акшар, самые длинные – около 50². Эти оценки представляются вполне надежными, так как в ряде случаев утраченные места удастся восполнить благодаря наличию в Берлинском собрании других копий тех же фрагментов натаки, ср., например (текст, взятый из рукописей Берлинского собрания, заключен в угловые скобки):

⟨kam kus ne tam ne (wā)knu)minām wārce praṣṭ peni mā⟩ [ka]ś
torāṣ ; wkam wāknā saṁsārśinās klopantyo wāmeskunt ārkī
(214 b1 + YQ-2[II.1] b4; 39 акшар); ⟨dhari karsor tāśśī ;
spārtwā wārkant sne lyūtār marka⟩(mpalśi bārānas riyac
kūtse ; 1 || smimām akmalyo klyom metraḥ traṅkaṣ āntā a (214
a3 + YQ-2[II.1] a7; 44 акшары) [Ji, Winter, Pinault 1998: 68,
72].

Поскольку начало строки 446 a1 соответствует началу строки YQ-18[III.10] a5, а начало строки 446 b2 в точности совпадает с началом строки YQ-18[III.10] b8, можно считать, что суммарная длина 11 строк рукописи из Яньци примерно равна суммарной длине 8 строк рукописи № 446, которые, тем самым, должны были содержать по 55–57 акшар каждая. Если учесть, что ни одна из строк единственного уцелевшего фрагмента этой рукописи не содержит более 12–14 акшар, масштаб повреждений оказывается просто катастрофическим.

Несмотря на это, тот факт, что текст № 446 сохранился до наших дней, – несомненная удача. Во-первых, ранее лишь один текст из Берлинского собрания – № 263, входящий в рукопись №№ 251–294, – был надежно отнесен к III акту MSN, а именно – к самому его концу [Pinault 1999: 196]. Во-вторых, данный фрагмент MSN находит параллели сразу в двух тюркских версиях этого сочинения – из Турфана (листы 25 и 94, см. [Tekin 1980: 74–75, 222]) и из Хами (листы 10 и 11, см. [ZusTreff 1988: 206–211]). Сличение 4 (!) различных рукописей позволяет внести необходимые исправления и в публикацию текста № 446, и в публикацию листов 18 и 19 натаки из Яньци, значительно полнее восстановить содержание текста, а в ряде случаев и предложить возможные заполнения лакун.

Предпринимаемая нами републикация текста № 446 и соответствующих ему фрагментов рукописи YQ, без сомнения, не свободна от ошибок и неточностей. Мы надеемся, что дальнейшие исследования в данной области будут способствовать исправлению этих ошибок, и с благодарностью примем любые критические замечания.

При републикации **жирным шрифтом** даются те фрагменты текста, которые сохранились как во фрагменте № 446, так и в рукописи из Яньци. **Прямым шрифтом** дается текст, сохранившийся только во фрагменте № 446, **курсивом** – текст, сохранившийся только в рукописи из Яньци. **Курсивом в скобках** даются возможные заполнения лакун. Во всех случаях, кроме абсолютно тривиальных, указывается, кому именно – Э. Зигу и В. Зиглингу, П. Поухе, публикаторам рукописи из Яньци или авторам настоящей работы – принадлежит предлагаемая конъектура. **Фигурными скобками** отмечаются случаи расхождения между тохарскими версиями. В **квадрат-**

² Акшара – знак, занимающий одну позицию в строке: обозначение либо слога, либо конечного согласного (группы согласных) с вирамой.

ных скобках приводится перевод, основанный на тюркской версии текста, хотя и не обязательно совпадающий с ней во всех деталях, в **круглых скобках** – перевод, домысленный нами; в **угловых скобках** даются слова и выражения, отсутствующие в оригинале и необходимые лишь для придания русскому тексту связности. Ориентировочная длина разрывов между сохранившимися фрагментами тохарского текста всегда указывается **без учета конъектур**, даже наиболее очевидных.

Текст № 446 был дополнительно обследован нами по фотографии, размещенной в Интернете по адресу <http://titus.fkidg1.uni-frankfurt.de/texte/tocharic/t/tframe.htm>. Предпринятый д-ром Йостом Гиппертом проект по созданию общедоступных электронных версий тохарских текстов из Берлинского собрания (см. об этом проекте [Girpet 1998]) заслуживает самой высокой оценки.

Фрагмент III акта Maitreyasamiti-Nāṭaka
на тохарском А языке
(A 446, YQ-18[III.10] a5-b8, YQ-19[III.11] a1-a7)

ṣ(o)mm okāk ṣamaṃ kenträ ◇ *camam kālymeyā sparwatär* ◇ *puk pissankäntu*
... <если кто> даже и одного монаха к себе зовет ◇ и правильно с ним обращается, ◇ все общины...

Конъектура *ṣ(o)mm okāk* для строки 446 a1 была предложена уже П. Поухой [Poucha 1955: 42]; конъектуру (*ṣom*)*m (o)kāk* для строки YQ-18 a5 см. [Ji, Winter, Pinault 1998: 188].

<разрыв не менее 16 акшар>

(*a*)*ts yärkā yaträ* ◇ *āśai nu punerāpnawatti ṣolāram pkaṃ sne putkālune kälko nām* ◇ *tämyo (sām pis)s(a)ṅkaṃ käl[1](ko el pñi tämnäṣṣām)*

... даже почтение оказывает, ◇ а жилище вплоть до рождения в новом существовании, среди всех не делая различия, предоставлено (букв. "пошло") ему. ◇ Таким образом (этот) "в общину пошедший (дар)" заслугу рождает ему.)

Смысл выражения *pkaṃ sne putkālune*, переведенного здесь как "среди всех не делая различия", остается не вполне ясным. В тюркской версии этому выражению соответствует оборот *adartsz köngülin* "с неразличающим сердцем" [ZusTreff 1988: 206].

Предлагаемая нами реконструкция фразы, начинающейся с *tämyo*, по количеству слогов точно соответствует оценке, данной в [Sieg, Siegling 1921: 242], и представляется вполне надежной. Строки YQ-18[III.10] a5-8 (и, соответственно, 446 a1-3) содержат ответ Будды на вопрос о сути различия между даром *saṃghālabana* ("направленным на поддержку общины") и даром *pudgalika* ("индивидуальным"). Описание этих двух видов дарения строится по одной и той же схеме, так что заключительная фраза, относящаяся к дару *saṃghālabana*, должна соответствовать по структуре заключительной фразе, относящейся к дару *pudgalika*; последняя имеет вид *tämyo sām pudga)lik el ṣomāṣ ats pñi tämnäṣṣām* (446 a3 + YQ-18 a8; см. ниже). Санскритский термин *saṃghālabana* передается в тохарском А как *pissankam kälko el*, букв. "в общину пошедший дар" [Ji, Winter, Pinault 1998: 180].

Тюркский перевод этого места в целом существенно отличается от тохарского [ZusTreff 1988: 206–207].

<разрыв 5–6 акшар>

|| *pudgalik el nu k^ucaṃ ne kālymeyā spärtwāṣ camāṣṣ ats pñi mäska(trām)*

|| А пудгалик-дар: <если кто> с кем-нибудь правильно обойдется, даже из-за этого заслуга есть (ему)...

В [Ji, Winter, Pinault 1998: 189] фраза *pudgalik el nu k^ucaṃ ne kālymeyā spärtwāṣ* переведена как "If to anyone someone correctly gives a Pudgalika gift". На наш взгляд, это

неверно: выражение *puḍḡalik el ni*, стоящее в начале предложения, не может быть прямым дополнением глагола *spārtw-* "поворачиваться, обращаться (с кем-либо)", а сам этот глагол не имеет значения "давать". Перевод, предлагаемый нами, хорошо согласуется и с тюркской версией текста.

Форму глагола *masā-* "быть может, следует восстанавливать не в виде *māska(tar)*, как в [Ji Winter, Pinault 1998: 188], а в виде *māska(tr=am)*, с энклитическим местоимением 3 л ед ч. поскольку автор тохарского перевода MSN, как можно видеть даже по приведенным здесь фрагментам был склонен уточнять, к кому будет относиться дар, заслуга и т.п., ср. *el n=am* "дар есть ему" (446 а3), *pñi tamnaṣṣ=am* "заслугу рождает ему (YQ-18 а8) и т.д.

<разрыв 1–2 акшары>

[m]n [𐰽] putko āśai putko el naṃ 𐰽 tāmyo sā(m)

.. 𐰽: разделенное жилище разделенный дар есть ему 𐰽 Таким образом этот

Подсчет количества акшар показывает, что конец строки YQ-18 а7 практически совпадает с началом строки 446 а3. Однако достаточно четко видимое в начале этой строки буквосочетание [m]n, которое никак не может быть частью какой-либо словоформы глагола *māsk-*, заставляет считать, что между концом предыдущего предложения и причастием *putko* стояло еще одно (явно очень короткое) слово. Как показало дополнительное обследование фотографии текста № 446, над загадочным *mn* сохранились фрагменты "хвоста" какого-то гласного, скорее всего *o* или *ā*. Наименее вероятным способом разрешения данной проблемы представляется конъектура *(sā)[m]n(ā)* с монахом, однако и эта гипотеза имеет два существенных недостатка: во-первых, достаточно странным выглядит употребление в этом контексте формы перлатива (правда, модель управления глагола *putk-* "разделять", строго говоря, неизвестна), во-вторых, получается, что автор текста № 446 по ошибке поместил между дополнением и глагольной формой, к которой оно относится, разделительный знак 𐰽.

На конце строки 446 а3 несомненно представлено местоимение *sa(m)* "этот". Таким образом, конец этой строки (с учетом не менее очевидной конъектуры *(puḍḡa)lik*) смыкается с началом строки YQ-18 а8.

<разрыв 1–2 акшары>

(puḍḡa)lik el śomāṣṣ ats pñi tamnāṣṣām || maitram || kupre ne gautami (piāñkat kassinac et 𐰽)

пудгалик-дар даже из-за одного <монаха> заслугу рождает ему || <на мотив> "майтра || Если, <о> Гаутами, [учителю Будде <дар> дашь]...

Заголовки ' в форме локатива, предваряющие в обоих тохарских языках стихотворные вставки в прозаический текст, естественно считать, вопреки традиционному мнению, указанием не 'размера', а мотива (подобно русск «на мотив "Катюши »). В этом отношении мы следуем книге [Ji, Winter, Pinault 1998], где в соответствующих случаях используется слово *tune*.

Мотиву "майтра" (тохарское A *maitram*, тохарское B *maitarne*) нормально соответствует строфа из четырех строк по 12 слогов в каждой с обязательной цезурой после 5-го слога [Ji, Winter, Pinault 1998: 190; Adams 1999: 471]. Поскольку сохранившаяся часть первой строки насчитывает 6 слогов, в данном случае это правило не выполняется. Предлагаемая нами реституция шести оставшихся слогов поддерживается как несомненной параллелью со строкой 3 (*kupre ne nunak pissankacc et gautami*), так и тюркским переводом [ZusTreff 1988: 207]. Если эта реституция верна, перенос цезуры получает вполне естественное объяснение: данный набор слов не может быть уложен в два полустишия по 5 и 7 слогов без нарушения синтаксических правил

<разрыв около 12 акшар>

[p]ñ(i) pissankas mā nasāl ✧ kupre ne nu{ka}nak pissankacc et gautami ✧ pissank

.. (заслуга?) из-за общины не может быть. ✧ А вот если общине <дар> дашь, <о> Гаутами, ✧ община ..

Судя по упоминанию в тюркской версии "доброго деяния" (*adgu qulmē*) [ZusTreff 1988: 206–207], перед словом *pissankās*, вероятно, следует читать слово *pñi* "заслуга". Очертания левого нижнего фрагмента буквы, стоявшей над *ñ*, видимые на фотографии, не противоречат этой гипотезе; но точно так же они не противоречат, например, чтению [s]ñ(i) 'свой'.

Поскольку тюркский перевод этого места сильно испорчен, начальная часть второй строки четверостишия (5 слогов) не поддается восстановлению; возможно, следует предполагать нечто вроде "в этом случае тебе заслуги из-за общины не может быть"

Конъектура [m] перед *mā* в [Ji, Winter, Pınault 1998: 188] – ошибка, вызванная тем, что правый нижний элемент *m* сходен с правым нижним элементом *s*

Строка 446 а4 завершается слогом *ka*. Как показывает сопоставление со строкой YQ-18 b1 (*kupre ne nunak pissankacc et gautami*), ничего подобного в этом месте быть не должно. Автор рукописи № 446 порой допускал описки (см. ниже), однако в данном случае ситуация представляется более сложной.

Буквальный перевод третьей строки четверостишия выглядит так: "А вот если общине дашь, о Гаутами". Наречие *nunak* "снова" выполняет здесь чисто противительную функцию ("Если, о Гаутами, учителю Будде дашь... А вот если, о Гаутами, общине дашь") и вполне может быть опущено. В то же время объект глагола *e-*"давать" в этой строке отсутствует и лишь подразумевается: речь идет о принадлежащей Гаутами одежде из хлопка (*kanak*). Вероятно, автор рукописи № 446 – по недоразумению или сознательно – вставил это слово в текст. Такая гипотеза позволяет объяснить тот паразитический факт, что с добавлением слога *ka* рассматриваемая строка **остаётся грамматически правильной**, а ее смысл почти не меняется: *kupre ne nu kanak pissankacc et gautami* "если же одежду из хлопка общине дашь, о Гаутами" (*nu* – усилительная частица). Разумеется, в результате такой "редактуры" количество слогов в строке изменилось с требуемых 12 до 13; к сожалению, мы уже не сможем установить, нашел ли автор выход из положения³.

.. [получишь ты тоже всецело от учителя (Будды) заслугу". Когда она эти (слова услышала), сказала (царица Гаутами) с большим почтением так: ("Если) это так]

Этот перевод целиком основан на тюркской версии [ZusTreff 1988: 206], ни в одном из тохарских списков MSN соответствующие фрагменты не сохранились.

<разрыв около 17 акшар>

[r]āss āsānik pissankac el esam || ptāñkāt kāsṣi ānantām (kākkuras trankas)

будет, <о> достойнейший, общине дар даю я". || Учитель Будда, Ананду [позвав, говорит] ...

Конъектура *p(issa)nkac* для строки 446 а5 была предложена уже в [Sieg, Siegling 1921 242, сн. 1].

³ В текстах Берлинского собрания слову *kanak* "одежда из хлопка" сопутствовало удивительное "незвездие" оно ни разу (!) не сохранилось в целости и в итоге вообще не вошло в тезаурус П. Поухи [Poucha 1955]. Лишь теперь, с публикацией рукописи из Яньци, появляется возможность восстановить это слово в таких фрагментах, как *wsā-yokam kana(k)* "золотого цвета одежду из хлопка" (438 b4, жанровая принадлежность рукописи №№ 436–445, к которой относится текст № 438, не установлена, и не исключена ее связь с MSN), (*kana*)[k] *emtsuras* "одежду из хлопка взяв" (446 а6, см. ниже). Если наша гипотеза верна, рассматриваемый пример должен быть отнесен к тому же ряду.

Предлагаемая нами конъектура *kākkuraš trañkaš* "позвав, говорит" представляется вполне надежной: она не только подтверждается тюркским переводом, но и имеет параллели в других тохарских текстах, ср (*ptāñkā*)[*t ka*][*šsı simhem lānt kākkuras trankas* (258 a7) "Учитель Будда, царя Симху позвав, говорит..."

<разрыв около 18 акшар>

(*pi*)*ssañk kākropu tās tmañ tu cañ kanakši ñemi cāru pyām* ◇ *ā(nant kana)*[*k*] *emtsuraš ā*
". . (коль скоро?) община собрана будет, тогда ты это сокровище – одежду из хлопка – выдай! ◇ Ананда, (одежду из хлопка) взяв...

Утраченный текст представляет собой начало слов Будды. Последняя акшара строки YQ-18 b3 является одновременно первой сохранившейся акшарой строки 446 a6; между начальным *ā* и *emtsuraš* имеется лакуна примерно в четыре акшары. По нашему мнению, здесь надежно восстанавливается фрагмент *ā(nant kana)*[*k*] (конъектура *ā(nant)* предложена и в [Ji, Winter, Pinault 1998: 188]). Поскольку акшар четыре и после них стоит знак для начального *e*, следует предполагать, что слово *ānant* было написано без вирамы на конце, а слово *kanak* – с вирамой (акшара, предшествующая *e*, находится несколько ниже строки и однозначно определяется как "чужой знак" для *k*, как и должно быть при написании конечного *k* с вирамой).

Разрыв между концом строки 446 a6 и началом строки YQ-18 b4 составляет не более 7–8 акшар. Поскольку перед первым сохранившимся в строке YQ-18 b4 словом (*l*)[*ā*]*ts* почти наверное стояло имя *gautami*, лакуна оказывается совсем небольшой. Тем не менее восстановить слово, следующее за *emtsuraš*, не удастся. Возможно, здесь следует предполагать нечто вроде *ā(rāntās kenāš/kāk)* "архатов зовет/позвал" (см. непосредственно ниже), но это ненадежно.

<разрыв 7–8 акшар>

(*l*)[*ā*]*ts trāñkas āntā ne sārīputrām maudgalyāyanāss aci ārāntā(ñ)*

. . (Гаутами)-царица говорит 'Если начиная с Шарипутры и МAUDГАЛЬЯНЫ архаты

[имеются и прочие великие могучие бодисатвы]

Этот перевод также полностью основан на тюркской версии [ZusTreff 1988: 208]. Можно думать, что утраченный тохарский текст выглядел примерно как *neñc ālyek šāwe tampewātse bodhisat-āñ*, что, кстати, полностью соответствует ожидаемому размеру лакуны, однако сколько-нибудь точной параллели для данного фрагмента ни в одном из восточнотохарских текстов найти не удастся, а потому надежность такого "обратного перевода" невелика.

<разрыв около 18 акшар>

(*tā*)*keñc sām tšam ysomo pissank trāñktār kucc ašši nu {cam} ptāñkat kāšši*

будут, это здесь полноценной общиной называется. Как учитель Будда

Конъектура (*tā*)*keñc* [Ji, Winter, Pinault 1998: 188] поддерживается тюркским переводом и практически не вызывает сомнений.

Как указал нам Д И Жутаев (устное сообщение), тох. А *ysomo* "в целом", по всей вероятности, передает здесь скр *samagra* "весь, целый", применительно к буддийской общине употреблявшееся в специфическом значении "полноценный в отношении количественного и качественного состава своих членов".

Слово *cañ* (вин. п. ед. ч м. р. от *cañ* "тот, он"), стоящее в конце строки 446 a7, отсутствует в строке YQ-18 b5, и его синтаксическая роль не вполне понятна.

[все деяния великого Будды сделал, так теперь учитель Будда мне такие слова (сказал) "Тогда]

Этот перевод опять-таки основан исключительно на тюркских данных [ZusTreff 1988: 208]. Сколько-нибудь точное восстановление соответствующего тохарского фрагмента, который почти наверняка был более лаконичным, представляется затруднительным.

<разрыв более 20 акшар>

(ś)[ā]kkeñ kātkmām nāmtsus ptāñkāt kaṣyap pem wināseñc tri (waknā āpat twantam ureiṣam lo yiñc)

Щакьи обрадованные стали, учителя Будды стопы почитают, три [раза обходят его, обратившись к нему правой стороной, и уходят].

Выражение *āpat twantam ya-* букв. "обратившись правой стороной, почтение делать" (24 а6, YQ-4 б1, YQ-5 а6) представляет собой перевод санскритской формулы *pradakṣiṇam kṛ*, обозначающей ритуальный обход вокруг, при котором правая сторона почитающего обращена к почитаемому лицу или предмету [Копов 1942: 207 и сл.; Sieg 1944: 28, сн. 10, J1, Winter, Pinault 1998: 104].

Наша реституция заключительной части фразы, основанная на допущении, что тюркский текст в данном случае совершенно точно соответствует тохарскому, конечно же, остается сугубо гипотетической. Ср., впрочем, близкую конструкцию, встретившуюся в начале I акта MSN: *kātkmām nāmtsus ṣṇi sṇi kalymeyam lo yiñc* (288 б2 + YQ-30 а2) "обрадованные стали и каждый в свою сторону уходят". По предположению Вяч.Вс. Иванова (устное сообщение), выражения *lo yiñc* в первом случае и *ṣṇi sṇi kalymeyam lo yiñc* – во втором, возможно, должны интерпретироваться как театральные ремарки, относящиеся не к изображаемым событиям, а к передвижениям актеров на сцене. Подробнее о театральные ремарках в MSN см. [Иванов 1992: 234–235].

<разрыв 11–12 акшар>

pu śākkisam

[В полной мере учитель Будда] у Щакьев [великие пользы и блага]

<разрыв примерно 6 акшар>

(wāwle)suras śākkisās lac ype ureyā puttīṣparṣṣāms wlesa(nt wlesmām)

совершив, из <страны> Щакьев ушел, <и,> в каждой стране приличествующие достоинству Будды деяния [делая, отправился в столичный город Бенарес]..

Конъектура *(wāwle)śurās* [J1, Winter, Pinault 1998: 188] представляется абсолютно надежной.

Ясно видный знак для *ṣṣā* над акшарой *ṣṣā* – ошибка автора рукописи из Яньци: прилагательное *puttīṣpar-si* "соответствующий достоинству Будды" не имеет формы **puttīṣpar-ssāms* (только *puttīṣpar-ssās*).

<разрыв более 20 акшар>

(wkaṃ) wāknā bārānas rimsās yārkañt wārpnāmām bārāna(s riyac kātse)

... (всеми) способами от бенаресских жителей знаки почтения получая, [в расположенный] возле города Бенареса [Ршиваданский монастырь пошел]. .

Как показывает сравнение со строкой YQ-18 б8, вторая из сохранившихся акшар строки 446 б2 содержит, вопреки [Sieg, Siegling 1921: 242], именно *n*, а не *t* (в большинстве случаев надежно различить эти знаки невозможно). Под знаком для *s*, которым оканчивается название города (*bārānas*), четко видно отсутствие *r* – ошибка автора текста № 446.

Конъектуру *bārāna(s riyac kātse)* см [J1, Winter, Pinault 1998: 192].

<разрыв более 20 акшар>

(*bārāṇas ri*)ṣi *citratathe waṣṭā-lmo* ◇ *śnac pālkorāṣ trāṅkāṣ pāl-kār klyomiṃ kospreṃ kās(u)*

... [бенааресский] богатый домохозяин Читрататха, ◇ на жену посмотрев, говорит: "Посмотри. о славная, сколько добра [для всех приносит его закон... В то время учитель Будда]

Реституция (*bārāṇas ri*)ṣi "бенааресский" [Ji, Winter, Pinault 1998: 192] не вызывает сомнений.

В написании слов (*pā*)*lkorāṣ trāṅkāṣ* автор текста № 446 допустил небольшую графическую неточность: "чужой знак" для *ṣ* не должен в лигатуре предшествовать основному знаку для *t*. Более стандартным способом написания этой последовательности было бы (*pā*)*lkorāṣ, trāṅkāṣ* (с вирамой при "чужом знаке" для *ṣ*) или (*pā*)*lkorāṣ trāṅkāṣ* (с лигатурой, в которой *ṣ* обозначено основным знаком).

Кажущаяся очевидной конъектура *pā(klyos)* "слушай!", предложенная для конца строки YQ-19 a1 в [Ji, Winter, Pinault 1998: 192], тем не менее неверна: в соответствии с 446 b3 следует читать *pāl-kār* "посмотри!".

Реституция *kās(u)* (совершенно бесспорная, ср. то же выражение *kospreṃ kās(u)* в 46 b1) приведена в [Poucha 1955: 88].

<разрыв около 17 акшар>

(*gautami*)s *kanak pālkorāṣ spāt wāknā pissāṅkaṃ kālkont e(lant)*

[принадлежащую Гаутами] одежду из хлопка увидев. семи видов "в общину идущих дар(ов)" [плод давания проповедовал]...

Реституции (*gautami*)s и *e(lant)* см. [Ji, Winter, Pinault 1998: 192].

<разрыв 6–7 акшар>

[*ṣi-āmās tmās ṣu tāpār-k poñcām jambudvip(am) wrasañ mā-k wāknā pissāṅkāntu yār-kā ypan-trā* || *wa(ṣṭā-lmontāp sām tām kāklyuṣurāṣ trāṅkāṣ)*

... С тех пор и донныне по всей Джамбудвипе (= Индии) люди многими способами общинам почтение оказывают. || [Жена богатого домохозяина, услышав это, говорит так: "Раньше]...

Начальный согласный в строке 446 b4, не прочитанный в [Sieg, Siegling 1921: 242], возможно, следует восстанавливать как *s*; но это ненадежно. Нельзя исключать также наличия еще одного согласного между *s* и *i*. Однако целиком восстановить слово, предшествующее наречию *tmās*, не удастся: оно явно содержит окончание 1 л. мн. ч. (скорее всего, конъюнктива), что полностью противоречит как тюркскому переводу, так и общей логике повествования. Соответственно, синтаксис всего предложения остается неясным, и это, в свою очередь, лишает нас возможности заполнить лакуну – очень небольшую – между концом строки YQ-19 a2 и началом строки 446 b4. Нет уверенности даже в конъектуре *e(lant)*: не исключено, что слово *el* "дар" в данном случае стояло не в ном.-акк., а в одном из косвенных падежей мн. ч.

Форма слова *jambudvip* восстанавливается однозначно, поскольку в данном контексте ожидается локатив: "по всей Индии".

Подсчет акшар показывает, что строка YQ-19 a3 начинается непосредственно после окончания сохранившейся части строки 446 b4. Таким образом, хорошо заметный на фотографии знак для завершающего лигатуру *r* (не учтенный в [Sieg, Siegling 1921: 242]) является общим для этих двух фрагментов.

Предлагаемая реконструкция фрагмента, предшествующего ответной реплике жены Читрататхи, вполне убедительно объясняет происхождение акшары *wa* и совершенно точно соответствует тексту тюркской версии. Выражение "жена богатого домохозяина" по крайней мере один раз встречается в тохарском А тексте, ср. (*wa*)ṣ(t)

Imontāp sām (435 b3). Однако серьезную проблему представляет то обстоятельство, что данная фраза оказывается практически единственным примером, в котором чрезвычайно частотный оборот *tām kāklyuṣurāṣ* "это услышав" стоит не в абсолютном начале предложения, а после подлежащего.

<разрыв около 20 акшар>

kātse kemnn ats tāpārk ptāñkte mārkaṃpalaṃ wsokone kālpoṣ nasam(āś)} ṣom caṃ
... еретиками <бывшие> даже, теперь в законе Будды веселья достигшие (мы) есть. Одного этого ...

Утраченная начальная часть реплики жены Читрататхи была очень короткой (содержала не более 2–3 слов), однако ни восстановить ее, ни даже определить точный смысл сочетания *kātse kemnn ats* не удастся. Трагикомическим образом, то же выражение (*kātse kemnn ats*) встретилось в тохарском А тексте еще раз (56 b4) и также после обрыва.

Строка YQ-19 a4 заканчивается последовательностью *kālpoṣ na*. В [Ji, Winter, Pinault 1998: 192–193] предлагается конъектура *na(samās)*, а вся конструкция переведена как "(we) have attained". Между тем соответствующее место в строке 446 b5 читается совершенно четко и однозначно: *kālpoṣ nasam*. Тем не менее мы принимаем реконструкцию *na(samās)* и считаем написание *nasam* опiskой. Это определяется целым рядом факторов, прежде всего тем, что конструкция *kālpoṣ nasam* невозможна: форма *kālpoṣ* представляет собой мн. ч. м. р., а форма *nasam* – 1 л. ед. ч. Наличие синтагматической границы между *kālpoṣ* и *nasam* также совершенно невероятно: появление личной формы бытийного глагола в начале фразы практически исключено. Кроме того, слова жены Читрататхи с очевидностью относятся не только к ней, но и к нему самому. Наконец, механизм, приведший к возникновению предполагаемой нами описки, представляется вполне ясным: форма *nasamās* имеет на конце два очень похожих знака – "чужой знак" для *m* и "чужой знак" для *s* (оба представляют собой два квадратика, расположенных друг над другом, и различаются лишь углом наклона). Можно думать, что писец, изобразив знак, состоящий из двух квадратиков, решил, что написал конечное *s* от формы *nasamās*, поставил вираму и перешел к следующему слову⁴. Разумеется, мы отдаем себе отчет, что утверждение о такого рода описке в древнем тексте практически никогда не может быть доказано, но в данном случае оно подкрепляется еще и тем, что даже в том крохотном фрагменте рукописи № 446, который дошел до нас, содержится, по крайней мере, одна несомненная описка – пропуск *r* после *s* в композите *bārānas-rimsās* (446 b2; см. выше). Правда, "чужие знаки" для *m* и *s* различаются еще и местом присоединения вирамы: "чужой знак" для *m* присоединяет ее к левому верхнему углу ВЕРХНЕГО квадратика, а "чужой знак" для *s* – к левому верхнему углу НИЖНЕГО квадратика. Однако это различие не слишком велико и, как кажется, не дает оснований для отказа от выдвинутой здесь гипотезы.

<разрыв около 15 акшар>

(po)[sā]c kucyo wasām sarkā kem-pālkuneyo yāmu omāskem tyalypu nutā(štār ||)

... давай мы начнем! Чем наше непрерывно из-за ложных взглядов совершавшееся плохое деяние загладится?" [Тогда богатый домохозяин Читрататха говорит жене так:]

⁴ Психологическую реальность подобной ошибки подтверждает следующая курьезная параллель: на двери подъезда, в котором живут авторы статьи, некоторое время фигурировала выполненная от руки надпись: "Прсим (sic!) не хлопать". Пропуск (ударного!) *o* в слове "прсим" может быть объяснен только тем, что автор надписи принял за *o* петлю от *p*, исполненную им в виде широкого овала.

Конъектуру (po)[sā]c см. [Ji, Winter, Pinault 1998: 192]

По нашему мнению, глагол *ni-* 'исчезать' здесь должен быть в каузативной форме (ср некаузативную конъектуру *niā(tra)* [там же]), поскольку в противном случае едва ли можно объяснить присутствие в тексте местоимения в форме инструменталиса (*kisyo* 'чем'), интерпретируемого нами как инструментальное дополнение при каузативе

Как явствует из тюркского перевода, утраченный фрагмент содержал упоминание о том, что следующая реплика принадлежит Читрататхе. Если соответствующая конструкция была использована здесь без каких-либо нетривиальных модификаций, она легко восстанавливается в виде *imas citrarathe wasta-lmo śnac trankaş*, что хорошо согласуется с предполагаемым размером лакуны, но, разумеется, быть в этом полностью уверенными мы не можем

<разрыв около 15 акшар>

(kā)su weñāst klyomim ◊ su piş rşi {v/w}a {d/t}am sankrāmamc pines kupre ne ysomo (pissank)

Хорошо сказала, о славная! Приблизься! К монастырю Ршивадана давай пойдём мы с тобой! Если целой (общине)

Строка 446 бб с сохранившимся *si* и *eñāst* подтверждает правильность конъектуры (*kāsu* и *eñāst* в [Ji, Winter, Pinault 1998: 192]).

Название монастыря Ршивадана передано как *rsivadam* в строке 446 бб и как *rsivatam* в строке YQ-19 аб

Напрашивающаяся конъектура *pissank* принадлежит нам

[почтение оказывать нашей силы не хватит,]

Перевод основан на сопоставлении двух сохранившихся тюркских версий [Tekin 1980 222; ZusTreff 1988: 210]. По-видимому, и в этом случае тохарский текст был значительно более кратким, нежели тюркский

<разрыв 17–18 акшар>

(p̂kā)kāc cesmi was ārts-kom yārḱ pyāmas || śām trānkāş tām ne pyāmas

(хотя бы двух монахов к себе) давай позовем, и им мы каждый день почтение давай будем оказывать || Жена говорит: "Так давай сделаем!"

Конъектура (p̂kkā)kāc, предложенная в [Ji, Winter, Pinault 1998: 192], не может быть правильной, поскольку "вписанное и" не встречается перед двумя согласными [Burlak 1999; Burlak 2000: 33–34]. Реконструкция с двумя *k* явно основана на тохарском В соответствии *pokkāka*, однако тохарским В двойным согласным в тохарском А нормально соответствуют одиночные [Бурлак 2000: 84–85], кроме того, в тексте А 119 а5 засвидетельствована хотя и не вполне надежно, другая форма императива от глагола *ken-/kāk-* "звать" – p̂kkā[sa]m (мн ч. актива с энклитическим местоимением). Таким образом, единственно приемлемой представляется реконструкция (p̂kā)kāc*

* Авторы выражают искреннюю благодарность И С Якубовичу, без содействия которого эта статья не могла бы быть написана, а также П М Аркадьеву, Д И Жутаеву и Вяч Вс Иванову прочитавшим первоначальный вариант текста и внесшим ряд ценных уточнений и дополнений

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бурлак 2000 – *С А Бурлак* Историческая фонетика тохарских языков М, 2000
- Иванов 1992 – *Вяч Вс Иванов* Памятники тохароязычной письменности // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье Этнос языки, религии М, 1992.
- Adams 1999 – *D Q Adams* A dictionary of Tocharian B Amsterdam, Atlanta, 1999
- Adams 2000 – *D Q Adams* Some observations of peoples, places, and languages in the Tarim Basin in the first millenium AD // Tocharian and Indo-European studies V 9 Copenhagen 2000.
- Burlak 1999 – *S Burlak* A peculiar feature of the Tocharian script I. (Towards an explanation of the usage of additional u' in Tocharian A) // Tocharian and Indo-European studies V 8. Copenhagen, 1999
- Gippert 1998 – *J Gippert* Digitization of Tocharian manuscripts from the Berlin Turfan collection // Manuscripta Orientalia International journal for Oriental manuscript research St -Petersburg; Helsinki 1998, № 4 / 1
- Ji, Winter Pinault 1998 – *Ji Xianlin* (in collaboration with W Winter and G -J Pinault) Fragments of the Tocharian A Maitreyasamiti-Nātaka of the Xingjiang Museum, China Berlin New York, 1998
- Konow 1942 – *S Konow* Notes concerning Khotanese // Norsk tidsskrift for sprogvidenskap T. 13 Oslo, 1942
- Krause, Thomas 1960 – *W Krause, W Thomas* Tocharisches Elementarbuch Bd 1 Heidelberg, 1960.
- Pinault 1997 – *G -J Pinault* Nouvelle lecture du fragment A 270 du Maitreyasamiti-Nātaka // Tocharian and Indo-European studies V 7 Copenhagen, 1997
- Pinault 1999 – *G J Pinault* Restitution du Maitreyasamiti-Nātaka en tokharien A. Bilan provisoire et recherches complémentaires sur l acte XXVI // Tocharian and Indo-European studies V 8 Copenhagen, 1999
- Poucha 1955 – *P Poucha* Thesaurus linguae Tocharicae dialecti A Praha, 1955
- Schmidt 1999 – Tocharian and Indo-European studies. V 8 Copenhagen, 1999 – Rec Ji Xianlin, W Winter, G -J Pinault Fragments of the Tocharian A Maitreyasamiti-Nātaka of the Xingjiang Museum, China
- Sieg 1944 – *E Sieg* Übersetzungen aus dem Tocharischen // Abhandlungen der Preußischen Akademie der Wissenschaften Jahrgang 1943 Philosophisch-historische Klasse. № 16 Berlin, 1944
- Sieg, Siegling 1921 – Tocharische Sprachreste // Hrsg von E Sieg und W Siegling. Bd. I Die Texte Berlin, Leipzig 1921
- Tekin 1980 – *Ş Tekin* Maitrismit nom bitig Die uigurische Übersetzung eines Werkes der buddhistischen Vaibhāsika-Schule – 1 Tl Transliteration, Übersetzung, Anmerkungen – 2 Tl : Analytischer und rückläufiger Index Berlin, 1980
- ZusTreff 1988 – Das Zusammentreffen mit Maitreya. Die ersten fünf Kapitel der Hami-Version der Maitrismit – Tl I Text, Übersetzung und Kommentar. – Tl II Facsimiles und Indices In Zusammenarbeit mit H Eimer und J P Laut, hrsg , übersetzt und kommentiert von Geng Shumin und H.-J. Klimkeit Wiesbaden, 1988

© 2004 г. В.В. ЛЕВИЦКИЙ

АНОМАЛЬНЫЙ АБЛАУТ В ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ И ГЕРМАНСКОМ*

1. Понятие "чередование звуков"

В одном из словарей лингвистических терминов чередование определяется как "факт различия звуков в одном и том же месте в одной и той же морфеме" [Ахманова 1966: 513]. Это, казалось бы, простое и исчерпывающее определение на практике оказывается не всегда пригодным. Так, в случае *рука – ручей* [к] и [ч] со всей очевидностью не вступают в чередование, так как *рук-* и *руч-* являются вариантами различных корней. Точно так же со всей очевидностью [к] и [ч] вступают в чередование в *рука – рученька*, так как *рук-* и *руч-* являются в данном случае альтернантами одной и той же морфемы. Наконец, в случае *рука – ручка* морфологическая связь между обоими словами становится не столь очевидной (по крайней мере, для "наивного" носителя русского языка), если под словом *ручка* понимать не только уменьшительную форму слова *рука*, но и "то, за что берут рукой" (ручка двери) или "приспособление для писания" (шариковая ручка).

Таким образом, мена определенных звуков в корне слова может рассматриваться как чередование этих звуков, если они относятся к вариантам одной и той же морфемы, а идентификация двух морфем как вариантов одного корня основана, в свою очередь, на семантическом критерии: если значения двух морфологических элементов связаны общим семантическим компонентом (*рука – рученька*), то мы имеем дело с единым корнем; если такого общего компонента нет, то налицо различные корни (*рука – ручей*). Дополнительными средствами идентификации двух морфологических элементов как вариантов единого корня может служить диахронический или сравнительно-исторический анализ. Отсутствующее семантическое звено может быть засвидетельствовано либо на более ранних этапах развития языка, либо в других родственных языках. Так, отсутствующая в современном немецком языке связь между *heben* "поднимать" и *Hefe* "дрожжи" легко восстанавливается на материале древневерхненемецкого языка, где современной форме *heben* соответствует форма *heffen*; это дает основание идентифицировать немецкие морфемы *heb-* и *hef-* как альтернанты единого корня.

Однако ситуация меняется коренным образом, когда мы имеем дело не с фактами реально существующего или существовавшего (мертвого) языка, а с реконструированными морфемами, каковыми являются и.-е. корни. Здесь единственным основанием для отождествления формально сходных корней является семантический критерий.

Таким образом, под чередованием звуков в конечном итоге следует понимать мему гласных или согласных, находящихся в одной и той же позиции в морфемах с близким или тождественным значением. Еще одним немаловажным признаком подлинного чередования (это касается, прежде всего, согласных) является наличие не-

* Мы уже касались понятия "аномальный аблаут" в некоторых работах, посвященных семантическому синкретизму и семантической типологии (см., например [Левицкий 2001: 100; 2003: 38]). В данной статье проблема аномального аблаута рассматривается более детально.

которого общего фонетического компонента в чередующихся звуках, так как исторически чередования согласных в и.-е. языках возникали в результате изменения ("расщепления") одного и того же звука (например, в результате аккомодации или ассимиляции). Так, германское чередование *ð/f* (нем. *b/f*) могло возникнуть как следствие "расщепления" и.-е. *p* ("закон Вернера"), а чередование *к – ч, к – ц* и т.п. в славянских языках – как результат взаимодействия гласных и согласных.

2. Варианты и.-е. корня и его расширители

В и.-е. языке-основе двухсложные морфемы типа **genə-* могли преобразовываться в корни типа **gnē-*, которые, в свою очередь, в результате чередования гласных по аблауту могли выступать в виде вариантов *gnē-/gnā-/gnō-/gno-* и т.п. Корни типа **bhā-* "сиять" могли давать дериваты *bhel-*, *bher-*, которые, далее, порождали корни **bhlei-*, *bhleg-*, *bhleig-* и т.п. Аналогично: *sek-* > *skei-*, *sker-* > *skrei-*. В результате такого рода процессов возникали различные варианты и.-е. корня.

Хотя трансформации типа *genə-* > *gnē-* основаны на четко сформулированных в компаративистике фонетических правилах, реконструкция двухсложных морфем зиждется на общепризнанных сопоставлениях форм слова (в рамках единой грамматической парадигмы) или различных слов – не обязательно с тождественным значением. Очевидно, что такие сопоставления осуществляются на основе сходства фонетических и семантических признаков сравниваемых лексических элементов, так что в конечном итоге – это важно подчеркнуть – формальные, на первый взгляд, процедуры отождествления и реконструкции и.-е. корней основаны на неформальных семантических критериях. Это было понятно уже тем исследователям, которые стояли у истоков теории и.-е. корня. Так, П. Перссон пишет: "существуют, кроме того, сотни таких случаев, где допущение этимологического родства между краткими и удлинненными¹ формами корня трудно доказуемо" [Persson 1912: 557]².

Как видно из изложенного, каждый из альтернантов и.-е. корня, возникших в результате трансформации двухсложных морфем, чередования гласных, отпадения/присоединения подвижного *s* и других процессов, мог расширяться с помощью различных формативов ("определителей"). В качестве такого рода расширителей выступали, как известно, чаще всего сонанты *ɾ, l, m, n, i, u*, согласные *p, b, t, d, k, g* и др. звуки.

В некоторых случаях корни, образованные с помощью различных расширителей, настолько близки по значению, что их семантическое сходство дает основание говорить о чередовании формативов в составе этих корней.

3. Параллельные и.-е. корни с *ɿ/ʉ*

Корни с чередующимися формативами принято называть параллельными (Parallelwurzeln). Приведем в качестве примеров несколько и.-е. корней с формативами *ɿ/ʉ*, которые признаны как параллельные в авторитетных источниках.

3.1. И.-е. **peuǵ-/peuǵk-* "колоть": лат. *pingere* "колоть, ранить", греч. *πεύκη* "ель", прусск. *peuse* "сосна", нем. *Fichte* "ель", др.-в.-нем. *fiohta*³. Наряду с корнем **peuǵ-* зафиксирован "параллельный" корень **peig-/peik-/prik-* (*prik-* – назализованный вариант *peik-/pik-*) "колоть": лат. *pingere* "вышивать иглой, писать красками", греч.

¹ Имеются в виду двухсложные базы типа *genə-*.

² Книга П. Перссона не утратила своего значения до сих пор. Касаясь структуры и.-е. морфемы, О. Семереньи пишет: "Наиболее значительной в этой области продолжает оставаться книга Перссона" [Семереньи 1980: 115].

³ Здесь и далее приводится минимальное количество примеров, необходимое для иллюстрации того или иного утверждения или доказательства той или иной гипотезы.

λοκίλος пестрый', русск *пестрый*, *писать*, др.-англ. *fāh* "пестрый", гот. *filu-faihs* разнообразный; ст.-слав *рѣгъ* "пегий, пестрый" < и.-е. **peǵk-/peǵ* "колоть, резать, высекать" (> "рисовать, испещрять, делать пестрым") [Walde, Hofmann 1938, 2: 305, 383].

3 2 И.-е. **speis-/speis-* "дуть": лат. *spīrāre* "дышать", ст.-слав. *piskati* "свистеть, играть на дудочке", нем. *Fist* "испускание газов из организма", др.-исл. *fisa* "дуть" (< **speis-*). Этот корень мог чередоваться с и.-е. **speis-/spēs-*: русск. *пыхать*, лат. *pustula* "пузырек", русск. *запах*, *пахнуть* [Walde, Hofmann 1938, 2: 392, 575–576]

3 3. И.-е. **gḥē-/gḥa- > gḥē-/gḥē-* "звать, зевать", лат. *hiscere* "зевать, зиять", греч. *χάσσω* "зеваю, зияю", др.-инд. *vi-hāya-* "воздушное пространство", русск *зиять*, др.-англ. *gīman*, *gānian* "разевать рот, зиять", нем. *gahnen* "зевать", др.-исл. *gīna* "разевать зев" (< **gḥē-*); но. русск. *зев*, др.-в.-нем. *gewōn* "зевать", др.-англ. *gīwan* "требовать" (< **gḥē-*) [Walde, Hofmann 1938, 1 648; Persson 1912: 708]

3.4. И.-е. **sleib-/sleib-* "скользящий": лат. *lubricus* "скользящий, гладкий", др.-англ. *slūpan* "скользить, выскользнуть", гот. *sluipan* "красться, проскользнуть", нем. *schliefen* др.-в.-нем. *shofan* "проскользнуть" (< **sleib-*), но. греч. ολίβρος "скользящий, гладкий", нем. *schleifen*, др.-в.-нем. *slifan* "шлифовать, делать гладким" (< **sleib-*) [Walde, Hofmann 1938, 1 795, 823]

3.5. И.-е. **ster-/sterā-/strē- > strē-, strē-* "проводить полосу": нем. *streichen* "гладить, мазать", др.-в.-нем. *strihhan*, гот. *striks* "мазок, полоса", лат. *stringere* "натягивать, стягивать" (< и.-е. **strēj-g-*), др.-исл. *strjúka* "гладить, мазать", русск. *смыг* (< и.-е. **strēj-g-*) [Pokorny 1959, Persson 1912: 904].

3.6. И.-е. **sp(h)er-, sprej-, sprej-* "рассыпать, сеять": др.-в.-нем. *sprīzan* "раскалывать на куски" (< **sprej-d-*), но нем. *spreizen* "широко расставлять ноги", др.-в.-нем. *spruzan* (< **sprej-d-*) [Pokorny 1959: 994].

3.7. И.-е. **iā-/iā-, iā-/iā-, tā-/tū-* "таять, плавиться": лат. *tābēscere* "таять, чахнуть, истлевать", русск. *таять*, др.-в.-нем. *douwen* "таять", нем. *verdauen* "переваривать", но. др.-в.-нем. *deisk* "нечистоты, навоз", греч. *τίλος* "понос" [Pokorny 1959, Persson 1912: 709]

3.8. И.-е. **dha-, dhā-/dhā-* "видеть" др.-инд. *dhyāti* "думает" (< "рассматривает в уме"), но. греч. *θεά* (< **thāFā*) "взгляд" [Persson 1912: 707, ср. Pokorny 1959 243].

3 9 И.-е. **st(h)ā-/stā-, stā-, stā-* "стоять, быть прочным": лат. *stare*, др.-инд. *sthāyin-* "спокойно стоящий", *stīma-* "медлительный, вялый", но. др.-англ. *stōw* "место".

3.10 И.-е. **senā-/snē-* "связывать, плести, шить": литовск. *nūnis* "бердо" (< **snē-*), но. др.-инд. *snāvan-* "связь", др.-исл. *snúa* "поворачивать, крутить" (< **snē-*) [Persson 1912: 813]

3.11 И.-е. **skera-/skrē-* "расщеплять" греч. *κέρω* "отрезаю" (< *(s)kre-*); но. др.-в.-нем. *scrōtan* "резать, рубить", лат. *scrūta* "хлам" (< **skre-*) [Persson 1912 786–787].

3 12. И.-е. **dera-/drē-* "обдирать, сдирать, расщеплять": латышск. *drīsmē* "трещина, шель" (< **drē-*) но среднеперс *drūn* (< **drē-*) "убирать урожай" [Persson 1912 778–779].

3 13. И.-е. **bhera-/bnrē-* "тереть". лат. *frāre* "растирать", но др.-исл. *broma* "обломок, осколок" [Persson 1912: 781–783].

Во всех рассмотренных выше случаях имеются прямые указания целого ряда исследователей (обзор литературы см. в названных источниках) на идентичность и.-е. корней, содержащих формативы *ι* и *υ*. Поскольку, однако, наблюдаются более существенные различия в семантике и.-е. корней, а семантический критерий (при формальном сходстве морфем), как сказано выше, остается в компаративистике одним из наиболее важных, отождествление некоторых и.-е. корней сопровождается определенными оговорками. Это относится, в частности, к корню **gel-*.

3 14. И.-е. **gel-/glē- > glē-/glē-* "сдавливать в комок": лат. *gluere* "стягивать", др.-инд. *glāuh* "комоч, шар", др.-в.-нем. *kliuwa* "клубок", нем. *Klaue* "коготь", др.-в.-нем. *klāwa* "лапа", др.-исл. *klō* "коготь" (< **glē-/gle-* "сдавливать, сжимать") [Walde, Hofmann 1938, 1: 611–612], но греч. *γλία* "клей", лат. *gluttus* "липкий, вязкий", литовск. *glūnis* "липкий", русск *глей* "глинистая почва", др.-в.-нем. *kliban* "держатель, приклеивать" (< **glē-* "клейкий, вязкий") Касаясь возможной связи и.-е. **glē-* "клеить" с

корнем **gel-/gleu-* 'сдавливать', авторы указанного словаря пишут: «Связь с *gel-* "сдавливать в комок" допустима, но значение явно стало самостоятельным еще в общеиндоевропейском» (с. 612) Множество других корней с чередующимися *i/ɥ* представлены в [Persson 1912 770–820; Vries 1958] (90 гнезд).

Рассмотренный материал позволяет сделать важные предварительные выводы. С помощью формативов *i* и *ɥ* расширяются преимущественно односложные корни типа *ghē-* или *glē-*, причем последние возникли в результате преобразований *gela-/glē-*, как полагал П. Перссон, или в результате альтернатив и трансформаций и.-е. корня типа *pet-/pt-* > *pter-*, *sen-/sn-* > *sneɫ-*, как показал Э. Бенвенист [Benveniste 1935: 147–160]. Иными словами, гласный, к которому могли присоединяться *i* и *ɥ*, не только был долгим (первоначально сочетание с ларингалом типа *eH*), но и кратким.

Значения расширенных *i/ɥ*-derivатов настолько близки, что это дает основание рассматривать их как "Parallelwurzeln", т. е., с нашей точки зрения, как альтернанты одной морфемы. Корни типа *ghē-* могут иногда расширяться с помощью иных формативов (например, с помощью *n*: ср. **ǵhən-* > нем. *Gans* "гусь"). Однако, как правило, в качестве расширителей выступают именно *i* и *ɥ*, создавая своего рода формообразующую (функционально-семантическую) бинарную оппозицию⁴. Именно это обстоятельство и дает нам основание говорить о чередовании *i* и *ɥ* в и.-е. корне.

Следует также обратить внимание на то, что *i* и *ɥ* выступают в качестве некоторых первичных расширителей и -е. корня, к которым могут присоединяться вторичные расширители. Эти вторичные расширители могут быть материально (фонетически) идентичными (*speɫ-s-* и *speɥ-s-*, *sleɫ-b-* и *sleɥ-b-*) или фонетически близкими элементами (*g* и *k*: см. 3.1).

Возможно, что функциональная близость *i* и *ɥ* объясняется тем, что в раннеиндоевропейском эти звуки [Гамкрелидзе, Иванов 1984 160–161], будучи различными фонемами, противопоставлялись по одному и тому же признаку (закрытости) низкому (открытому) гласному (выступавшему в виде вариантов *e*, *a*, *o*). В свете таких допущений чередование *i/ɥ* в и.-е. корне может, в свою очередь, дать повод фонологам рассматривать эти звуки как варианты первоначально единой фонемы (такая гипотеза высказана, например, В.Г. Таранцом [Таранец 1992: 46–52]). Так или иначе, происхождение чередования *i/ɥ* представляет отдельную, самостоятельную, проблему, которая, возможно, найдет свое решение в свете ларингальной гипотезы [Gąsiorowski 1998] или в свете гипотезы о происхождении и.-е. вокализма [Мельничук 1979; Mottausch 2000].

В индоевропеистике (особенно часто – в работах по германским языкам) чередование в германском корне *e – ai – i* вместо ожидаемого ряда *i – ai – i* (соответствующего и -е чередованию *eɫ – oɫ – i*) принято обозначать термином "Ablautentgleisung" (буквально "соскальзывание с колеи аблаута"), который можно перевести как "аномальное развитие аблаута". Трактование указанного чередования как "соскальзывания" обусловлено тем, что принято считать, что и.-е. *eɫ – oɫ – i* преобразуется в ряд *e – o – i*. Так, например, нем. *Stich* "укол", др.-в.-нем. *stih* "укол, точка", др.-англ. *sticca* "кольшечек", гот. *stiks* "момент, мгновение", др.-исл. *steikja* "поджаривать на вертеле", *stikill* "острый край рога для питья" (< герм. **stik-/staik-* "колоть, острый") сопоставляются с греч. *στίχια* "укол, точка", лат. *stinguere* "колоть", др.-инд. *tigmá-* "острый". Все гнездо возводится к и.-е. *(*s*)*teɫg-/stoɫg-/stig-* "колоть" < *(*s*)*teɫ-* "быть острым" [Walde, Hofmann 1938, 1: 707]. В германских языках в этом случае наблюдается "нормальный" ряд аблаута *i – ai – i*. Такое же чередование восстанавливается в германском корне **pihstila-/pihstila-*: англ. *thistle* "чертополох", др.-англ. *pistel*, нем. *Distel*, др.-в.-нем. *distil, distula*, др.-исл. *pistill* "то же" (< и.-е. **steɫ-* "колоть" без подвижного *s* в начале корня).

⁴ Вот что пишет по этому поводу П. Перссон: "В таких возникших по аналогии чередующихся формах (*sterei-g-*, *stereu-g-*, *stere-g-*) можно говорить, если угодно, о некотором инфиксе *i, ɥ*" [Persson 1912 903].

От двух рассмотренных герм корней (**stik-* и **pih-/bih-*) невозможно отделить еще одно германское гнездо, которое также возводят к и-е **stei-* "колоть" нем *Stachel* "жало, шип, колючка", др.-в.-нем *stahhula*, гот *staks* "отметина от раны", др.-исл *staka* "колоть", нем *stechen* колотить, др.-в.-нем *stehhan* Поскольку и-е **steig-/stoig-/stug-* должно закономерно дать герм *stik-/stak-/stik-*, делается вывод, что в данном случае и.-е. *ei - oi* трансформировалось в и-е *e - o* (> герм *e - a*) [Walde, Hofmann 1938, 1: 707]

Аналогичные изменения нередко наблюдаются и в других случаях, однако они не всегда квалифицируются как Ablautentgleisungen Так, в [Kluge, Seebold 1989] нем. *schneiden* "резать" объединяется в одно гнездо с *Schnat* "молодые побеги, ветки", а также с *Schnatte* "рана, рубец" и *Schneise* "просека" и сопоставляется с кимр *naddu* "резать" но при этом отмеченный в словаре "аномальный вокализм" в германских и кельтских языках никак не объясняется Между тем, нет никакого сомнения, что чередование гласных в ряду *schneiden - Schnat - Schnitt* (герм *i - a - i*) полностью совпадает с чередованием в ряду, образуемым др.-исл и гот словами *steikja - staka - sitks* (см выше)

Смешанное чередование *i - a - i* или *ai - a - i* в германских языках обусловлено тем, что рефлексы форм с и-е [ei/oi] в герм языках часто сосуществуют с рефлексами [e/o]-форм наряду с формой *schneiden*, берущей свое начало от **snei-*, существует форма *Schnat*, восходящая к **sne-*, наряду с **stak-* "укол" существует **pih-* колючка и т.д. Когда явное семантическое сходство подобных форм "принуждает" лингвистов к их сопоставлению, германское чередование *i/a* рассматривается как некоторое отклонение (см статью *schneiden* в [Kluge 1989]) Чаще же всего формы с [i] и с [a] рассматриваются раздельно, и их этимологизация заходит в тупик (как это имеет место, например, с нем *schlagen*, происхождение которого считается неясным) Между тем, сформулированные выше правила об аномальном аблауте позволяют с нашей точки зрения, не только сопоставить некоторые формы, в которых наблюдается "отклонение" в вокализме, но и объяснить происхождение целого ряда корней, этимология или структура которых остается неясной

4. И.-е. и германские корни с аномальным аблаутом

4.1 И.-е. **bheṷ-/bheṷa-/bhū-* "расти, быть" англ *be* "быть", др.-англ *beon*, нем *bauen* "возделывать землю", др.-в.-нем *būan* "жить, населять, возделывать землю", гот. *bauan* "жить", греч φῶβ "расту", др.-инд *bhu-* "становиться, существовать", литовск. *būti* "быть", русск *быть*

Наряду с рефлексами корня **bheṷ-/bhū-* в и-е языках зафиксированы слова, которые формально восходят не к **bheṷ-*, а к **bheṷ-* [ср лат *fiō, fieri* "становиться, возникать", *filum* образ, ст.-слав *bě, běchъ*, нем *bin* (формы глагола со значением "быть")]. Обычно происхождение форм с *-ei-* объясняют следующим образом *bheṷa- > bhūē- > bhūē-* Тот факт, что *-ṷ-* исчезает в нескольких группах и-е языков (ср приведенные выше латинские, германские и славянские формы, берущие свое начало не от **bheṷ-*, а от **bheṷ-*), заставляет допустить, что утрата *ṷ* произошла еще до распада и-е общности [Фортунатов 1956, т. 2 124] С нашей точки зрения, проще допустить, что исходной и-е формой со значением "быть", была **bhē-*, которая расширялась с помощью функционально сходных формативов *ṷ* и *ṷa*, давая соответственно **bheṷ-* и **bheṷa-*. В основе наименования одного из древнейших понятий "расти-жить" лежала по-видимому, простейшая, элементарная (без расширителей) форма **bhe-*. Такая гипотеза позволяет предложить новую версию происхождения герм **bau-* "кость". англ *bone* "кость", др.-англ *ban*, нем *Bein* "нога", др.-в.-нем *bein* "кость", др.-исл *bein* < герм **baina-* "кость" Несмотря на то, что происхождению герм **baina-* посвящено огромное количество работ (наиболее полный список литературы содержится в [Lloyd, Springer 1988, 515-516]), происхождение этого германского корня остается неясным. Чаще всего **baina-* возводится к и-е **bheṷ-* "бить" [Markey 1983, Hamp 1984, 1985, Vammesberger 1990] Проблема может быть решена, как нам представляется, с

опорой на семантическую типологию и аномальный аблаут Семантическое соответствие между и -е **es-/os-* "быть" и **ost-* "кость" (<"сущее, брненное, материальное, мирское"), а также между **es-/os-* "быть" и герм **sanþ-/sunþ-* "грех, вина"⁵ дает основание допустить аналогичные семантические дериваты для и -е **bheɣ-*. В этом случае герм **bain-* "кость" <"сущее, мирское" образовано по той же семантической модели, что и и -е **ost-* "кость" <**os-* "быть" [Трубачев 1974, вып 11 168–169]. Значение "грех, вина" могло развиться в противопоставлении "сущее, мирское (> греховное)" – "духовное (> праведное)" «Развитые религии мира, – пишет в этой связи О Н Трубачев, – наделив кость атрибутами греховности, брнности, сущего похоже, лишь оживили при этом древние этимологические истоки прежде всего и -е. *ost-* "кость" Достаточно сослаться на иран *astvant-* "брнный, преходящий, материальный" (букв "костяной")» [Трубачев, там же] Таким образом, наша гипотеза сводится к тому, что герм **bain-* восходит к и -е **bheɣ-* "быть" с исходным значением "сущее, брненное" > "кость"⁶ Связь герм. **bain-* с и -е **bheɣ-* не обязательно предполагает существование двух вариантов корня **bheɣ-/bheɣ-*, возникших из единой исходной формы **bhē-*. Но если в качестве исходной и -е формы принять не **bheɣ-/bheɣ-*, а **bhe + -ɣɪ-*, то германское **bain-* вполне сопоставимо с русск *бедро*, праслав **bedro*, лат. *femur/femur* "то же" (<**bhe-* + различные расширители) Семантическое соотношение аналогично и -е **ost-* "кость" – лат *costa* "ребро"

42 И -е корень **leudh-*, для которого реконструируется значение "расти" (нем *Leute* "люди", др -в -нем *luti* "люди", др -исл *lǫðr*, др -в -нем *lotan*, гот. *ludan* "расти", лат *liber* "свободный человек", *liberi* "дети", греч ελευθερος "свободный человек", др -инд *rodhati* "растет", литовск *liáudis* "народ", русск *люди*), неоднократно привлекал к себе внимание многих исследователей (Бругманн, Бенвенист, Гамкрелидзе/Иванов, Трубачев и др.) Отклонение в вокализме лат *liber* (i вместо ū), гласный в начале греческого слова дают основание предположить, что в основе всего гнезда лежит корень **elā-/lē-/le-* "гнуть" (с характерными для него дериватами *leɣ-* и *ley-*) Состав сем, объединяемых этим корнем, – [сустав, изгиб]: ср англ *limb* "конечность, ветка", др -исл *limr* "тонкая ветка, сустав", нем *Glued* "член", др -исл *liðg*, гот *liþus* "член тела", лат *obliquus* "кривой, косой", [ребенок] ср лат *liber*; [рождаться] ср алб *lenj* (<**leudh-n-*), [бог зачатия] ср лат *Liber* [Walde, Hofmann 1938, 1 791–793] – аналогичен сочетанию сем [колени], [ребенок], [рождать] в корне *ḡen-* ср гот *kniu* "колени", лат. *genū* "колени", др -инд *jānu* "то же", хет *genu-/ganu-* "колени", а также "половой орган" < и -е *ḡenu-/ḡneɣ-/goneɣ-* "колени", но др -в -нем *kunni* "род", гот *kuni* "род, племя", лат *genus* "род, племя", др -инд *jātā-* "рожденный", лат *nānō* "род, племя, народ", < и -е **ḡen(ə)-* "рождать" Все сказанное позволяет, как нам представляется, реконструировать и -е **leudh-* со значением "зачать, родить" < "гнуть" Семы [расти] и [свободный] являются производными – ср лат *lūma* "колючее растение", греч λύος "гибкая ветка", нем *Lauch* "лук", < **leuɣ-g-* "гнуть" Не связан ли этот корень с и -е **leuɣbh-* "любить" (англ *loving* "любимый, дорогой", др -англ *lēof*, др -исл *lǫfr*, гот *lufs*, лат *libere* "нравиться", укр *любий*)? Сема [любить], кстати, также может породить сему [свободный] –

⁵ Англ *sin* "грех", др англ *synn*, нем *Sunde* "грех", др -в -нем *suntea*, гот. *sunja* "истина", *sunys* "истинный", др -исл *sannr* "то же", др -в -нем *sand*, англ *sooth* "истина" <герм **sundþ-/sanþ-* "истинный" По форме германский корень является причастием с суффиксом *-nt-* от и -е глагола **es-* "быть" (> *sont-/snt-*) и сопоставим с хет *ašant* "сущее, верное", др -инд *sant-*, лат *sōns* "виновный"

⁶ Если герм **bain-* расширено с помощью того же партиципального суффикса *n*, что и ср -англ *bēn*, англ *been* (< герм **biun-*), то первоначальным значением *bain-* было "бывшее" Морфологической структурой герм **bana*, которое сопоставляется с лат *finis* "посвящена" статья А Баммесбергера [Bammesberger 1990 264-267] латинские и германские корни рассматриваются в этой статье как расширение и -е **bheɣə-* "бить" с помощью суффикса *-ni/-no* Таким образом, предлагаемая нами морфологическая структура герм **bana-* соответствует реконструкциям последнего времени

ср. нем. *frei* "свободный", др.-инд. *priyā-* "желанный, любимый", *pri-* "любить, радоваться" < и.-е. **prǝj-/pzi-* "нравиться, любить".

4.3. И.-е. *bhāy-/bhey-/bhej-* "бить". В [Walde, Hofmann 1938 : 452] высказывается гипотеза о существовании и.-е. корня **bhā-* со значением "бить" наряду с корнем **bhāy-* (англ. *beat* "бить, ударять", др.-англ. *bēatan*, др.-исл. *baita*, лат. *con-fūtāre* "сдерживать, останавливать, сваливать" < и.-е. **bhāy-/bhaṅ-* "бить, ударять"). Известен, однако, еще один и.-е. корень со значением "бить, резать": англ. *bill* "меч, секач", др.-англ. *bil* "топор, короткий меч", нем. *Beil* "топор", др.-в.-нем. *bihal*, др.-исл. *bíldr* "наконечник стрелы", русск. *бумь* < и.-е. **bhej(ə)-* "бить, расщеплять". В свете обсуждаемой нами гипотезы логично реконструировать в качестве дериватов корня **bhā-* корни **bhej-* и **bhey-* (точно так же, как дериватами **bhā-* "сиять" являются **bhei-* и **bher-*). В итоге в одном гнезде объединяются *bhā-*, *bnāy-/bhey-/bhej-* "бить".

4.4. И.-е. **skeṅ-/skej-* "резать". Корень **skej-p-* зафиксирован в лат. *cippus* "остроконечный столб, кол", др.-инд. *śēpa-* "хвост, репс", лат. *scīpiō* "палка, посох". Похоже, что наряду с этим корнем существовал корень **skeṅ-* со значением "острый", дериватом которого мог быть и.-е. **ku-/kū-* (лат. *cuspis* "колючка, шип, вертел", др.-инд. *śūka-* "шип, колючка" [Pokorny 1959: 626]). Изолированность и необычная форма корня **ku-* вызывает сомнение в том, что эта морфема представляла собой отдельный самостоятельный корень, а не была вариантом другого корня. В соответствии с теорией П. Перссона существование вариантов *skeṅ-* и *skej-* предполагает наличие общей исходной базы **sekā-/skē-*. Такой базой мог быть известный корень **sek-* "резать", в котором *k* чередовалось с *ĥ* (о возможном чередовании *k* – *ĥ* в этом корне см. [Walde, Hofmann 1938, 1: 219–220]). Итак, мы исходим из того, что корень **sek-/skē-/skē-* расширялся первоначально с помощью *ǝ* и *ɥ*, а затем все три варианта – *ske-*, *skej-*, *skeṅ-* – расширялись с помощью одних и тех же формативов, например, *p* или *sp*: *skēp-* давало [Walde, Hofmann 1938, 2: 219–220]: русск. *щена* (< **šĉēpa*); *skej-p-* давало лат. *cippus*; *skeṅp-* давало гот. *skuft* "волосы на голове", нем. *Schopf*; *skeṅ-sp-* > лат. *cuspis*; *ske-sp-* > герм. **haspa*: нем. *Haspe* "крюкообразное приспособление для навешивания дверей и окон", др.-в.-нем. *haspa*, нем. *Haspel* "мотовило", др.-в.-нем. *haspil*. В качестве исходного значения в [Kluge 1989: 359] реконструируется "крюк, на котором что-то вращается". В словаре [Muller 1926] др.-в.-нем. *haspa* сопоставляется с лат. *cuspis* "колючка, шип, вертел, копье". Поскольку вокализм лат. *cuspis* явно отклоняется от вокализма германских форм, Муллер предлагает в качестве исходной формы **kop-bh-s-*, сопоставляя латинское и германское слова с русск. *скоба*. Судя по небольшой ремарке в [Walde, Hofmann 1938], гипотеза Муллера отклоняется по семантическим причинам ("Bedeutung!"). Однако, если речь идет о семантике, то она так раз сомнений не вызывает: основу значения др.-в.-нем. *haspa* составляет не сема [вращать, мотать], а сема [остроконечный стержень, на который что-то наматывается или навешивается]. В качестве такого стержня, крюка и могло первоначально выступать приспособление в виде шипа, вертела и т.п. Иной вопрос – формальное соответствие между лат. *cuspis* и др.-в.-нем. *haspa*. Их сопоставление возможно только при условии, что исходным корнем был не **ku-/kū-*, как значится в [Walde, Hofmann 1938] в статьях *cuspis*, *culex*, *cuneus*, а **kē-* > **kē-/kēṅ-/ku-*. Но поскольку корень *kē-* не зафиксирован, следует полагать, что конечной формой в этом случае является, как сказано выше, **sek-/sek-*. Преимущество нашей гипотезы заключается не только в том, что она позволяет объединить несколько герм. и лат. форм, но и в том, что она дает возможность избежать упомянутых выше сложных фонетических преобразований, приводящих в соответствие формы с *-bh-s-* и *-sp-*.

4.5. И.-е. **sēj-/sēṅ-* "отпускать": англ. *sear* "увядший, сухой", др.-англ. *sēar* "сухой", нем. (диал.) *sohr* "высохший", ср.-н.-нем. *sōr*; < герм. **sauzaz* "сухой" // греч. *σῶσος* (< **sau-sos*) "сухой", лат. *sūdus* (< **suzdos*) "сухой", авест. *huška-* "то же", литовск. *saūsas* "то же", русск. *сухой* < и.-е. **saṅs-/sus-* "сухой". Судя по названным выше рефлексам, в и.-е. корне смешались *seṅs-/sus-* и *sau-*. Ж. Вандриес (цитируется по [Walde, Hofmann 1938, 2: 624]) исходит из закономерного *seṅs-/sus-*, а "нерегулярное" *-a-* в славянских,

балтийских, германских и греческих словах объясняет влиянием "экспрессивных" факторов. Следует, однако, обратить внимание на существование параллельного корня, зафиксированного в лат. *siccus* "сухой", нем. *seißen* "процеживать". др.-в.-нем. *sihan*, др.-исл. *sia* "процеживать", др.-в.-нем. *sigan* "падать по капле, капать" (герм. **sihw-/sīgw-* "цедить, выливать по капле" < и.-е. **sejk^h-* "выливаться, капать" < **sēj-* "отпускать (воду), дать течь"). Это дает основание полагать, что исходной базой могла быть **sē-/sə-* с двумя вариантами – **sēj-* и **sēj-* "отпускать, выпускать (воду)". Вариант **sēj-* > герм. *sihw-*, лат. *siccus* "сухой", авест. *hiku-* "то же", а вариант **sēj-/səj-* > лат. *sūdus*, авест. *huška-* и т.д. Такой подход к толкованию корня **sēj-/səj-* позволяет не только объединить два явно родственных гнезда слов, но и объяснить наличие *-a-* в корне **sa^hс-* как совершенно закономерное явление (*ə^h* > *au*).

4.6. И.-е. *ǵhej-/ǵhej^h* "отпускать > метать, швырять, лить". В [Pokorny 1959: 418, 419, 424] различается несколько омонимичных корней *ǵhē-/ǵhēj-*. Один из этих корней определяется как "быть пустым, отсутствовать"; "отпускать, уходить > идти". Второй корень, который определяется как "зевать, зиять" (см. выше п. 3.3), Ю. Покорный связывает с первым, т. к. "зевать, разевать" можно истолковать как "зияющая пустота". Кроме этих двух корней, зафиксирован корень *ǵhēj-/ǵhej-* (с. 424) со значением "погонять, швырять, метать; снаряд для метания". Наконец, есть еще один корень с формативом *j* – *ǵhej-*, определяемый как "лить", но включающий в свою семантическую структуру также значения "выливать, высыпать, швырять" и т.п. (лат. *fundere* "выливать, высыпать, швырять", др.-инд. *juhōti* "делает возлияния, подливает масла в огонь", арм. *joyl* (< *ǵheulo-*) "вылитый", jew "форма, образ". др.-исл. *gjōta* "рожать, метать" (о животных), гот. *giutan* "лить"). Совершенно очевидно, что сема [метать, швырять] является производной от [отпускать, выпускать]. Такое сочетание смыслов наблюдается во множестве случаев. Наиболее ярким примером является греч. *ἵψι* (< и.-е. **sēj-* "отпускать"), объединяющее значения "посылать, отсылать, метать, швырять, дать течь, выливать, быстро двигаться". Почти все эти значения присутствуют в приведенных выше дериватах корня *ǵhē-/j-*; значения "лить, швырять", в свою очередь, порождают значения "кашеобразная жидкость", "глина", "обмазывать глиной", "месить, формовать" [Варбот 1974: 47] и т.п.

Таким образом, можно полагать, что исходной базовой морфемой для всех реконструируемых форм является **ǵhē-* со значением "отпускать, выпускать, позволять" (> "быть пустым, зиять, зевать"; "делать пустым, уходить"; "выпускать, метать, швырять, лить" > "обмазывать глиной, формовать")⁷. В свете этих допущений могут получить новое этимологическое толкование несколько известных корней.

В частности, появляется возможность пересмотреть этимологию славянского **zъdati* (русск. *создать* и т.д.). Праслав. **zъdati* предполагает и.-е. **ǵhej(d)(h)-*. Вслед за Г. Хиртом и А. Мейе [Hirt 1898: 255; Meillet 1925: 13] праслав. **zъdati* возводят к и.-е. корню **dhejǵh-* (лат. *ingere* "лепить, создавать", русск. *дежа* "квашня", гот. *daigs* "тесто" и т.д.), допуская метатезу *ǵh – dh*. Между тем, можно исходить из того, что никакой метатезы в *zъdati* не произошло. Форма **ǵhej(d)-*, к которой закономерно восходит это слово, означала "швырять", а значение праслав. **zъdati*, интерпретируемого как "лепить, формовать", возникло на основе "швырять глину, обмазывать". Эта гипотеза подтверждается семантикой родственных балтийских и славянских форм: латышск. *zīest* "обмазывать печку глиной", литовск. *žaidas* "печь", ст.-слав. *zъdъ* "глиняная стена, глина", др.-прусск. *seydis* "стена".

Таким образом, форма **ǵhej(d)-*, к которой восходит слав. **zъdati*, коррелирует с формой **ǵhej(d)-*, к которой восходит герм. **giutan* "лить". Третье звено в этой коррелятивной цепочке форм с аномальным аблаутом образует и.-е. **ǵhed-*, давшее гнез-

⁷ К установленному кругу дериватов корня **ǵhej-* следует отнести также "омонимичный" корень со значением "зима". Это было убедительно сделано еще в 1957 г. О.Н. Трубачевым, который истолковал зиму как "сезон дождей" [Трубачев 1957: 29–31].

до со значением "проход, отверстие, дыра": др.-инд. *hadati* "испражняется", авест. *zaðah-* "зад", греч. *χεζω* "испражняюсь", др.-исл. *gat* "дыра, отверстие" (ср. др.-исл. *gjōta* "узкий проход" < и.-е. **ǵhēyd-*).

4.7. И.-е. **ghela-/ǵhela-/ghlē-, ghlei-, ghley-* "сиять, блеснуть". Дериватами этого корня могут быть три гнезда, возводимых обычно к различным формам.

4.7.1. Англ. *glad* "рад", др.-англ. *glæd* "блестящий", нем. *glatt* "гладкий", др.-в.-нем. *glat* "блестящий", др.-сакс. *glad* "радостный", др.-исл. *gladr* "веселый, блестящий" < герм. **glada-* "блестящий" // лат. *glaber* "гладкий, голый" < и.-е. **ghel-/ghla-* "блестеть".

4.7.2. Англ. *glide* "скользить", др.-англ. *glīdan*, нем. *gleiten* "скользить", др.-в.-нем. *glitan* < герм. **glīð/glaið-* "скользить" // греч. *χλιδή* "роскошь"; < и.-е. **ghlei-* "блестеть". Сюда же относится, с нашей точки зрения, еще одно германское гнездо, происхождение которого считается неясным, т. к. число надежных соответствий за пределами германских языков ограничено.

4.7.3. Англ. *glee* "веселье, ликование, песня", др.-англ. *glēo* "радость, веселье, музыка", др.-исл. *glý* "радость, веселье"; < герм. **glīw-* "радоваться". Это гнездо сопоставляют с греч. *χλεύη* "шутка", литовск. *gláudoti* "шутить", русск. *глум* и реконструируют и.-е. **ghley-/ghloy-* "быть веселым". Русск. *глум* в словаре [Трубачев 1974, 6: 148] относится к другому корню. Мы полагаем, что германская и греческая формы сопоставимы с двумя предыдущими гнездами и вместе с ними восходят к корню **ghela-/ghlē-* (с расширителями *i* и *y*), образуя три деривата: *ghlē-/ghla-, ghlēi-, ghlēy-* с возможным первоначальным значением "резать, сечь > блеснуть".

4.8. Герм. **aik-/auk-/ak-* "расти". Одним из трудно этимологизируемых корней в герм. языках является обозначение дуба: англ. *oak* "дуб", др.-англ. *āc* "дуб; судно из дуба", др.-сакс. *ēk*, нем. *Eiche* "то же", др.-в.-нем. *eih*, др.-исл. *eik* "дуб; челн, судно" < герм. **aik-* "дуб". За пределами германских языков надежных соответствий не обнаружено. В большинстве этимологических источников герм. **aik-* сопоставляют с греч. *αίγλωψ* "черный тополь" (а также "разновидность овса, травы"), лат. *aesculus* "горный дуб", однако эти сопоставления считаются ненадежными. Происхождение корня остается неясным. Высказываются даже гипотезы о неиндоевропейском ("средиземноморском") происхождении корня. Тем не менее, есть множество попыток этимологизировать этот корень: < и.-е. **aig-* "дрожать" (> "дрожащее дерево") < **aju-* "жизненная сила" (> "дерево жизни").

В. Грипентрог [Griepentrog 1995], опираясь на разыскания Р. Риттера [Ritter 1975], возводит герм. **aik-* "дуб" к и.-е. **aig-* "светлый" (по цвету коры или сердцевины дерева, т. е. ядровой древесины). Э. Зеболд [Seebold 1999], подвергая сомнению это этимологическое решение (ни кора дуба, ни его ядровая древесина не могут характеризоваться признаком "светлый"), выдвигает иную гипотезу: в основу наименования дуба в германских языках положен мотив [твердый, прочный], как, например, в греч. *δρῦς* (< и.-е. **d(e)r(e)u-* "дерево, древесина"). Поскольку слов с таким значением ("твердый") в дериватах всех известных и.-е. корней **aig-/aig-* не зафиксировано, Э. Зеболд пытается найти иной и.-е. корень с близкой к *aig-* формой и приемлемой (для реконструкции значения "твердый") семантикой. Таким корнем оказался и.-е. **jeg-* "лед". Чтобы привести в соответствие герм. **aik-* и и.-е. **jeg-*, Э. Зеболд реконструирует и.-е. *(a)j(e)g- "твердый", который может дать два варианта – **aig-* (> герм. **aik-* "дуб") и **jeg-* "лед" (др.-исл. *jaki* "лед, сосулька, льдина", ср.-ирл. *aig* "сосулька"). При этом предполагается, что значение "лед" развивается из значения "нечто твердое, застывшее, затвердевшее".

Понятно, что предложенная Э. Зеболдом гипотеза, хорошо обоснованная с позиции семантической типологии (дуб – "нечто твердое"), не может быть принята в качестве окончательного решения уже хотя бы потому, что значение "лед", судя по семантике других сопоставлений в гнезде **jeg-* (в кельтских и, возможно, в хеттском языках [Pokorny 1959: 503]), может быть связано не с понятием "твердый", а с понятием "холодный", а прямых указаний на значение "твердый" ни в гнезде **jeg-*, ни в гнездах **aig-* Э. Зеболду найти все же не удалось.

С нашей точки зрения, к этимологизации герм. **aik-* возможны, по крайней мере, еще два подхода. Во-первых, и.-е. **aĭ-g-* (как дериват и.-е. **aĭ-* "гореть, светить") может быть истолкован как "дерево-очаг", "дерево-святилище" (с корнем **aĭ-* связаны некоторые культовые термины). Следовательно, если исходить из уже предложенных ранее гипотез, то **aĭg-* или **aĭġ-* не обязательно нужно интерпретировать как "светлый" (<"гореть"). Если, все же, с другой стороны, все попытки найти удовлетворительные сопоставления в обширной лексико-семантической сфере корней-омонимов **aġg-/aġġ-* следует считать исчерпанными и безуспешными, и, следовательно, необходимо искать какие-то "нетрадиционные" решения, как это сделал Э. Зеболд, можно предложить еще одну гипотезу, основанную на аномальном чередовании и.-е. расширителей *i-* – *u-* нуль. Иначе говоря, можно допустить, что герм. **aik-* является одним из вариантов и.-е. **aġg-/auġg-/ag-* со значением "расти". Вариант **auġg-* представлен, в частности, такими лексемами, как литовск. *áugti* "расти", *augmiù* "рост", лат. *augēre* "увеличивать, умножать, преувеличивать, превозносить", *augmentum* "прирост", др.-инд. *ōj-man* "сила", гот. *aukan* "увеличиваться" (см. [Роконгу 1959: 85]); вариант **aġg-* представлен греч. *αἴγλωψ* "трава, разновидность овса", *αἴγλος* "трава"; вариант **ag-* представлен гот. *akran* "плод, урожай", др.-исл. *akarn* "плод дикорастущих деревьев", др.-англ. *æcern* "желудь, орех", ср.-в.-нем. *ackeran* "желудь" (это гнездо возводят обычно либо к и.-е. **aġ-* "гнать", либо к и.-е. **ōg-* "расти").

Чередование герм. **aik-/ak-* допускал Г. Кун [Kuhn 1954: 151] при сопоставлении др.-исл. *eik* "дуб" и *akarn* "желудь"⁸. Таким образом, герм. **aik-* может быть истолковано как "растущий, дерево" (>"дуб" – с такой же специализацией, как греч. *δρῦς* < "дерево"), либо как "сильный, могучий" (ср. др.-инд. *ōjas-* "сила, мощь", латышск. *aiŋksts* "высокий"). Семантическое сходство вариантов *aġg-*, *auġg-* и *ag-*, как видно из приведенных выше значений "плод", "урожай", "трава", является более очевидным, чем сходство значений дериватов предложенного выше корня **aġeg-*. Фонетически вполне удовлетворительно согласуются с и.-е. **aġġ-/auġġ-/aġġ-*, приводимые Э. Зеболдом в иной связи (с. 465) балтийские формы – литовск. *ažuolas*, *aižuols*, *aužuolas*, др.-прусс. *ansonis* "дуб" (**anġ-* можно рассматривать как назализованный вариант *aġ-*, а в других формах, похоже, представлены варианты *aġġ-* и *auġġ-*). Наличие этих балтийских форм является, пожалуй, наиболее убедительным подтверждением выдвинутой нами гипотезы.

4.9. Герм. **skatt-* "скот": нем. *Schatz* "богатство, сокровище", др.-в.-нем. *scaz* "богатство, состояние", др.-англ. *sceatt* "деньги, богатство", др.-сакс. *skatt* "деньги, скот", др.-исл. *skattr* "налог, дань", гот. *skatts* "деньги" < герм. **skattaz* "скот" (с экспрессивной геминацией *tt*) // русск. *скот*, ст.-слав. *skotъ*. Предполагается, что слав. слово заимствовано из герм., хотя имеются и обратные утверждения. Семантическое сочетание "скот + богатство, деньги" носит регулярный характер и обусловлено экстралингвистическими причинами: скот служил в древности мерой богатства и стоимости. Этимология корня неясна.

А.Ф. Журавлев сопоставляет *skotъ* со слав. **kotiti* (*se*) "плодиться", русск. *котиться*. Однако этимология русск. *котиться*, в свою очередь, также неясна. О.Н. Трубачев [Трубачев 1974, вып. 11] не исключает идентичности этого слова с *катить* (>"бросать, метать"). С учетом этой семантической типологии ("скот" < "помет") можно реконструировать герм. **skatt-* со значением "метать" (т. е. "скот" – это "помет, приплод"). В этом случае **skatt-* сопоставимо с нем. *schießen* "стрелять" (< герм. **skiut-* "метать") с чередованием *eġ/oġ > e/o* (герм. *iu – a*).

Семантическое развитие "помет > скот" повторяется, возможно, в корнях **g^hōc-* "крупный рогатый скот" и **g^hōc-* "нечистоты" (в [Роконгу 1959] рассматриваются как два омонимичных корня).

⁸ Г. Кун пытается увязать появление *a*, *au*, *ai* в и.-е. корне (вместо *e* и *o*) с развитием земледелия и скотоводства: новая лексика включала в свой состав чаще *a*, чем другие звуки, – возможно, под влиянием *ā* в суффиксе основы.

4.10. Герм. **bak*- "спина, зад": англ. *back* "спина, зад", др.-англ. *bæc*, др.-фриз. *bek*, др.-исл. *bak* < герм. **baka*- "зад, спина". Происхождение неясно (в основе должен лежать и.-е. корень **bheg*-). Если допустить чередование в и.-е. корне *e/ey*, то и.-е. **bheg*- сопоставимо с **bhegg*- "гнуть". В этом случае для **bheg*- можно реконструировать значение "гнуть > нечто выпирающее, толстое".

4.11. Герм. **biuð*- "блюдо, миска": нем. *Beute* "улей", др.-в.-нем. *biutta* "дежа, кашня, улей", др.-англ. *bēod*, др.-сакс. *biod*, др.-в.-нем. *beot* "стол, миска", др.-исл. *bjōð*, гот. *biuþs* "стол"; < герм. **biuð*- "блюдо, миска". Происхождение неясно. Одна из гипотез – связь с гот. *biudan* "предлагать" (> "предложенная еда"). Другая гипотеза, оставленная без должного внимания, – связь гот. *biuþs* с *bauþs* "глухой" [Petersson 1908: 395]. С нашей точки зрения, герм. **biuð*- надо рассматривать как один из элементов морфологической микросистемы *biuð-/bauð-/biuð*-, где рефлексы всех трех альтернантов (гот. *biuþs* "стол", *bauþs* "глухой, немой" и герм. **biuð*- > англ. *body*, др.-англ. *bodig*, др.-в.-нем. *botah* "тело"), рассматриваемые отдельно, не получают этимологического толкования и считаются словами неясного происхождения. Между тем, общим исходным значением для всех трех корней может быть сема [бить] < и.-е. **bheut*- "бить, рубить" (ср. лат. *fatuus* "глухой" < **bhat*- "бить" [Walde, Hofmann 1938, I: 464]). Развитие значения: "бить > сколачивать"; "бить > оглушать".

С фонетической точки зрения, и.-е. *bheu*- является коррелятивным элементом в микросистеме *bhej-/bheu*- (с расш. *j* и *u*). Оба корня являются дериватами и.-е. *bhā*- "бить, резать". Вариант *bhej*- представлен в *bil*- (см. 4.3) и др.

4.12. Герм. *grīð*- "шаг": нем. *gritt* (диал.) "шаг", ср.-в.-нем. *grit* "то же", гот. *grīps* (только вин. п. *grīd*) "шаг"; < герм. **grīð*- "шаг; шагать". Этимология неясна. Близкими по форме и значению являются лат. *gradus* "шаг", *gradī* "шагать", др.-ирл. *in-grennim* "преследую", русск. *гряду, грядущий*, праслав. **gredq* < и.-е. **ghredh-/gnrendh*- (в славянском и кельтском – с инфиксом *n*, т.е. с назализацией) "шаг; шагать". Однако германское гнездо предполагает и.-е. **ghrej-/dh*-, а не **ghredh*-. Это формальное несоответствие снимается, если исходить из того, что в и.-е. корне наблюдается чередование *e* – *ei* и что это чередование обусловлено "аномальным аблаутом". Как показано выше, такие чередования возможны при наличии общей исходной базы – в данном случае **ghrē*-, которая может дать варианты **ghrej*-, **ghrə*-, **ghre-dh*- и т.п. Если, далее, учесть семантику ср.-в.-нем. *griten* "расставить ноги", нем. (диал.) *graiteln* "растопырить пальцы, ноги", то можно полагать, что мы имеем дело с и.-е. корнем, который зафиксирован в следующем гнезде: др.-исл. *grein* "ветка", швед. *gren* "ветка", а также "шаг" (< "угол между двумя ветками"), англ. (диал.) *grain* "ветка"; < герм. **grain*- "ветка, разветвление" [Vries 1962: 186]. Гипотеза о связи гот. *grīps* и швед. *gren* (< герм. **grī-/grai*-) высказывалась ранее [Торп, Falk 1909: 143], однако при этом приходится оставить в стороне лат. *gradus*, русск. *гряду*. Предложенный нами подход позволяет непротиворечиво объединить все названные выше гнезда. И.-е. **gher*- могло иметь первоначальное значение "резать", типичным семантическим дериватом которого является "ветка".

4.13. И.-е. **reib-/reyb-/reb*- "пестрый, пятнистый, рябой". С учетом аномального аблаута может быть уточнена этимология слав. **ryba*, предложенная в свое время В.Н. Топоровым [Топоров 1960]. В.Н. Топоров полагает, что русск. *рыба* является дериватом корня со значением "пестрый, рябой", реконструируемого для славянских форм *рябчик, рябой*, укр. *рібий* в виде **roib-/remb*- [Трубачев 1996]. Поскольку вокализм этого корня не позволяет возвести к нему слав. -у-, В.Н. Топоров предлагает "аномальную" форму **ruib*-, т.к. в некоторых случаях слав. -у- может восходить к -*ui*-. С нашей точки зрения, и.-е. корень **reib*- мог чередоваться, как уже было показано нами ранее [Левицкий 2003: 51–52], с **reyb*- (оба варианта – со значениями "пестрый, рябой", ср. значения др.-исл. *rjúpa* < **reub*- "куропатка"). Поэтому для русск. *рыба* можно реконструировать вполне закономерную (в рамках гипотезы о чередовании и.-е. *ei* – *eu* – нуль) форму **reyb-/rüb*-.

4.14. И.-е. **sne-/snej-/sneŭ-* "резать". Как показано в разделе 3, в германских языках наблюдается аномальное чередование в дериватах корня **sen-* (> **sne-/snej-/sneŭ-*) "резать". Все три варианта расширяются чаще всего с помощью вторичных формативов с дентальными *þ/ð*, хотя встречаются и иные расширители (*s, g*). К дериватам этого корня, подробно рассмотренного нами ранее [Левицкий 2001: 103–106], могут относиться (кроме слов, названных в разделе 3), в частности: нем. *schneiteln* "подрезать ветки"; др.-исл. *sneid* "разрез, ломоть", швед. (диал.) *snaid* "борозда", др.-фриз. *snēde*, ср.-н.-нем. *snēde* "пограничная линия", др.-в.-нем. *sneita* "просека, путь в лесу", н.-нем. *snāt* "граница", др.-англ. *snæd* "отрезанный кусок", а также "просека, граница"; англ. *snead* "косовище, рукоятка косы" (< "отрезанный кусок дерева"; в [Holthausen 1934: 303] происхождение англ. *snead* считается неясным); др.-англ. *snid* "пила"; др.-исл. *sneis* (< **snaiþþo?* [Vries 1962: 523]) "палка", норв. *sneis* "тонкая ветка", др.-англ. *snæs, snās* "колышек, острие", ср.-голл. *snese* "шнур, связка; 20 штук", ср.-в.-нем. *sneise* "нить для напизывания ч.-л."; нем. (алем.) *schnattwa* (< **snadwō*) "разрез, надрез", др.-исл. *naddr* "жало, стрела", др.-исл. *snata* "копье, острие", фарерск. *snati* "выпирающая остроконечная скала", ср.-в.-нем. *snez* "щука" (без расш. *-i-*); др.-исл. *snaga* "топорик с острыми зубцами", норв. *snage* "колышек" (с расш. *-g-*). Аналогичное чередование и.-е. *ei/e* в корне *(*s*)*neiġh-/sneġh-* "резать" проявляется в соотношении праслав. **nyzi* (> др.-русск. *нызи*, русск. *про-нзить*), праслав. **nizati* (> русск. *на-низывать*) и праслав. **nožь* (> русск. *нож*). В [Трубачев 1974, вып. 26: 68–69] в качестве исходной формы допускаются оба корня – **neġh-* и *neiġh-*. Бросающееся в глаза семантическое и формальное сходство этого слав. гнезда с приведенными выше герм. формами позволяют допустить, что **neġh-* и *neiġh-* могут быть дериватами и.-е. **senā-/sne-* "резать". В германском названном слав. лексемам соответствует др.-исл. *snaga* "топорик".

5. Возможные причины возникновения аномального аблаута

В принципе аномальный аблаут может порождаться двумя противоположными фonomорфологическими процессами – усложнением корня и его упрощением. В первом случае к *e/o* в и.-е. базовой морфеме прибавлялось *i* или *u*, а во втором – в дифтонгах базовой морфемы *ei/oi* и *eu/ou*, *-i-* или *-u-* исчезали. Оба пути фонетических преобразований обсуждаются в книге П. Перссона [Persson 1912] при рассмотрении им корней с детерминативами *i/u*. Полемизируя с Л. Зюттерлином, П. Перссон отклоняет гипотезу последнего о том, что морфологические варианты *spejd-/speud-* возникали в результате выпадения *i* или *u* из корней типа *spejeid-*. Теория П. Перссона, не утратившая, как уже говорилось ранее (см. прим. 3), своего значения в современном языкознании, строится на допущении, что такие корни, как *era-/rē-* "двигаться" или *stera-/strē-* "проводить полосу", расширялись с помощью формативов *i* или *u*, порождая соответственно формы *stera-*, *strei-*, *streŭ-*. Если, далее, при определенных условиях все три корня наращивались за счет одного и того же форматива, например, *-g-*, то возникали варианты *si(e)re-g-*, *strei-g-*, *streŭ-g-*, засвидетельствованные в германских языках в виде корней *striġ-/straik-/strik-* или *striuk-/strauk-/struk-* (ср. гот. *striks*, нем. *streichen*, но др.-исл. *strjúka*).

Если исходить все же из теории "упрощения корня", то возможно допустить, например, что изменение строения *ei/oi* > *e/o* связано с ударением, на что косвенно указывает наблюдаемое в некоторых германских формах чередование согласных по закону Вернера (*h/g, þ/ð*). Однако таких случаев сравнительно немного [Vries 1958]. Поэтому представляется, что аномальное развитие аблаута могло быть обусловлено иными, например, звукосимволическими причинами и носит экспрессивный характер⁹. В

⁹ Существует множество попыток объяснить происхождение "нормального" и.-е. аблаута влиянием звукосимволических значений чередующихся звуков (*e – o – нуль*). Одна из последних такого рода попыток (и, надо заметить, вполне успешная) предпринята М. Лауденом [Louden 2000].

пользу такой гипотезы свидетельствует тот факт, что перестроение апофонических рядов наблюдается преимущественно в корнях со значениями "резать", "царапать", "колоть", "скрести", "швырять", "жать" и т.п., т.е. в тех семантических сферах, где чаще всего (по данным психолингвистики [Левицкий 1994]) проявляется действие звукоизобразительных факторов. Нередко при этом происходит удвоение согласного. Такое удвоение может возникнуть как следствие "стандартных" причин (например, перед *ij* после краткого гласного), но чаще всего оно обусловлено так называемыми экспрессивными факторами. Хотя Р. Люр [Lühr 1988: 378–379] не без оснований полагает, что германская геминация не обязательно связана с экспрессивностью, не приходится все же сомневаться, что в определенных понятийных сферах геминаты выполняют звукоимпульсивные функции. Не случайно, по-видимому, Я. де Фрис [Vries 1958] считает основной причиной варьирования гласных не расширение корня, а "афффект", т.е. тот фактор, который мы обозначили как "звуковой символизм". Правда, рассуждения Я. де Фриса об афффективном характере "светлых" и "темных" гласных (*i* и *u*) в обозначениях понятия "маленький" носят субъективный характер (в духе работ XIX в.) и не учитывают не только экспериментальных работ американских лингвистов и психологов [Sapir 1929; Newman 1933], которые европейской науке долго оставались неизвестными, но и таких довольно популярных публикаций, как статьи О. Есперсена и Дж. Орпа [Jespersen 1933; Opp 1944]. Важно подчеркнуть, что в работе Я. де Фриса смешиваются два очевидно различных явления: изменение строения и.-е. аблаута, которое, как показано нами в предыдущем разделе, действительно, могло быть обусловлено звукоимпульсивными факторами ("афффектом"), и чисто звукоизобразительные (преимущественно звукоподражательные) образования (например, ср.-в.-нем. *krīzen* "кричать, вопить", др.-исл. *krytja* "ворчать, брюзжать"; ср.-в.-нем. *krīschen*, ср.-н.-нем. *krūschen* "визжать"; др.-в.-нем. *kichazzan* "хихикать", др.-в.-нем. *kachazzen* "смеяться" и т.п.), которые – с исторической точки зрения – не имеют никакого отношения к перестроению аблаута и для которых, естественно, невозможно реконструировать и.-е. праформы. На этом основании Я. де Фрис делает вывод, что отклонения в рядах аблаута касаются лишь отдельных групп языков (германских и, возможно, итальянских) и не относятся к языку-основе. Между тем, в книге П. Перссона (и в словаре Ю. Покорного) убедительно продемонстрировано, что рефлекс корней типа *streg-/streig-* засвидетельствованы в индоиранских, итальянских, греческом, германских и балто-славянских языках. Таким образом, следует различать сравнительно "молодые" звукоизобразительные образования, в которых смена гласных по модели германских перегласовок является псевдоаблаутом и носит символический характер, и "подлинный" аномальный аблаут, который может быть обусловлен различными причинами (прежде всего расширением корня), в том числе, и звукоимпульсивностью. Многочисленные примеры первого типа перегласовок представлены в работах Э. Зебола [Seebold 1997] и Г. Марчанда [Marchand 1958: 274–277]: англ. *datter/dutter; chip/chap/chop; tush/tosh; pudge/podge* и т.п. Такие "чередования" обусловлены, по-видимому, выравниванием по аналогии. Гласные чередуются в них по аналогии с герм. *er: ur/or* или *el: ul/ol* (< и.-е. аблаута типа *er – or – r*) в тех случаях, где никакой сонорной нет (ср., например, ряд **resk-/rask-/rusk-* "тростник": англ. *rush* "тростник", др.-англ. *resce, risc*, англ. диал. *resh, rish* [Hoad 1992: 411]) или др.-в.-нем. *mag – mugan* "мочь". Такие образования не обязательно обусловлены звукоимпульсивными факторами (ср. *mugan – mag*).

Наконец, следует упомянуть еще одну возможность объяснения аномальных чередований, особенно таких, которые не всегда соответствуют господствующим представлениям о фонеморфологических особенностях и.-е. корня в свете ларингальной теории. Речь идет о языке-субстрате. Ярким образчиком такого рода толкований аномальных чередований в и.-е. корне является, например, статья Р. Дерксена [Derksen 2001], посвященная уже упомянутому корню **roib-/remb-* "рябой", который рассмотрен в статье О.Н. Трубачева [Трубачев 1996]. Учитывая аномальное чередование *reb-/reub-* и наличие префикса *e-* в этом корне, Р. Дерксен считает, что данный корень заимствован из языка-субстрата.

Таким образом, аномальный аблаут в германских языках может быть обусловлен либо определенным способом расширения и.-е. корня, либо звуковой символикой, либо действием аналогии. Что касается языка-субстрата, то здесь следует избегать двух крайностей. С одной стороны, давно назрела необходимость пересмотреть скептическое отношение к "теории субстрата" (см., например, комментарии М.М. Гухман к книге Э. Прокоша "Сравнительная грамматика германских языков" [Прокош 1954]), возникшее в отечественном языкознании после "дискуссии 1950 года" (известно, что Сталин крайне отрицательно высказался по поводу "смещения языков"). С другой стороны, было бы некорректным и малопродуктивным объяснять все формы, не укладывающиеся в привычные представления об и.-е. вокализме, влиянием языка-субстрата. Более плодотворным было бы приведение ларингальной теории в соответствие с вновь открывшимися фактами.

Рассмотренный нами материал позволяет сделать вывод: каковыми бы ни были механизм и причины возникновения аномального аблаута, это явление должно постоянно учитываться при осуществлении этимологического анализа лексики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахманова 1966 – О.С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
- Варбот 1974 – Ж.Ж. Варбот. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен // Этимология. М., 1974.
- Гамкрелидзе, Иванов 1984 – Т.В. Гамкрелидзе, Вяч.Вс. Иванов. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984.
- Журавлев 1981 – А.Ф. Журавлев. К этимологии слав. *skoty* // Этимология. М., 1981.
- Левицкий 1994 – В.В. Левицкий. Фонетическая мотивированность слова // ВЯ. 1994. № 1.
- Левицкий 2001 – В.В. Левицкий. Семантический синкретизм в германском и индоевропейском // ВЯ. 2001. № 4.
- Левицкий 2003 – В.В. Левицкий. Индоевропейские корни *sep(h)ə-isp(h)ē-, *erə-irē-, *elə-llē- "резать, связывать, гнуть" и их дериваты в германских языках // ВЯ. 2003. № 1.
- Мельничук 1979 – А.С. Мельничук. О генезисе индоевропейского вокализма // ВЯ. 1979. № 5, 6.
- Прокош 1954 – Э. Прокош. Сравнительная грамматика германских языков. М., 1954.
- Семереньи 1980 – О. Семереньи. Введение в сравнительное языкознание. М., 1980.
- Таранец 1992 – В.Г. Таранец. Происхождение понятия числа и его языковой реализации (к истокам индоевропейского праязыка). Одесса, 1992.
- Топоров 1960 – В.Н. Топоров. Из праславянской этимологии. РYBA // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. I. М., 1960.
- Трубачев 1957 – О.Н. Трубачев. Славянские этимологии // Вопросы славянского языкознания. 2. М., 1957.
- Трубачев 1974–2000 – О.Н. Трубачев (ред.). Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1–27. М., 1974–2000.
- Трубачев 1996 – О.Н. Трубачев. О рябчике, куропатке и других лингвистических свидетельствах славянской прародине // ВЯ. 1996. № 6.
- Фортунатов 1956 – Ф.Ф. Фортунатов. Избранные труды. Т. I. М., 1956.
- Bammesberger 1990 – A. Bammesberger. Lateinisch *fnis* und urgermanisch **baina-* // Historische Sprachforschung. 1990. Bd. 103.
- Benveniste 1935 – E. Benveniste. Origines de la formation des noms en indoeuropéen. Paris, 1935.
- Derksen 2001 – R. Derksen. Old Icelandic *jarpi* "hazel-grouse", *rjupa* "ptarmigan" and their Germanic and Balto-Slavic cognates // Amsterdamer Beiträge zur älteren Germanistik. 2001. Bd. 54.
- Gąsiorowski 1998 – P. Gąsiorowski. Strange ablauts and neglected sound changes in PIE // IF. 1998. 103.
- Griepentrog 1995 – W. Griepentrog. Die Wurzelnomina des Germanischen und ihre Vorgeschichte. Innsbruck, 1995.
- Hamp 1984 – E.P. Hamp. Indo-European "bone" reconsidered // KZ. 1984. 97.
- Hamp 1985 – E.P. Hamp. German *Bein*, Old English *bān*, Slavic *koští* // North-Western European language evolution. 1985. 6.
- Hirt 1898 – H. Hirt. Zur Lösung der Gutturalfrage im Indogermanischen // Beiträge zur Kunde der Indogermanischen Sprachen. 1898. 24.
- Hoad 1992 – T.F. Hoad. The concise Oxford dictionary of English etymology. Oxford. 1992.

- Holthausen 1934 – *F Holthausen* Altenglisches etymologisches Wörterbuch Heidelberg, 1934
- Jespersen 1933 – *O Jespersen* Symbolic value of the vowel *i* // *Linguistica* Copenhagen; London, 1933
- Kluge 1989 – *F Kluge* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache 22. Auflage / Unter Mithilfe von M. Burgisser und B. Gregor, völlig neu bearbeitet von Elmar Seebold Berlin, New York, 1989
- Kuhn 1954 – *H Kuhn* Ablaut, *a* und Altertumskunde // *KZ* 1954 71
- Lloyd, Springer 1988 – *A Lloyd, O Springer* Etymologisches Wörterbuch des Alt-hochdeutschen Gottingen, Zurich, 1988 Bd 1
- Louden 2000 – *M Louden* Umlaut, Ablaut, and phonetic symbolism in German // *General linguistics*, 2000, V. 37 № 1
- Luhr 1988 – *R Luhr* Expressivität und Lautgesetz im Germanischen. Heidelberg, 1988.
- Marchand 1958 – *H Marchand* Phonetic symbolism in English word-formation // *IF* 1958 64.
- Markey 1983 – *T L Markey* Gmc **bana-* "bone" and other monstrosities // *North-Western European language evolution* 1983 2
- Meillet 1925 – *A Meillet* Les origines du vocabulaire slave Le probleme de l'unité balto-slave // *Revue des études slaves* Paris, 1925 5
- Mottausch 2000 – *K-H Mottausch* Die Vorgeschichte des Indogermanischen Vokalsystems // *IF* 2000 105
- Muller 1926 – *F M Muller* Altitalisches Wörterbuch Gottingen, 1926
- Newman 1933 – *S S Newman* Further experiments in phonetic symbolism // *American Journal of Psychology*, 1933 45
- Orr 1944 – *J Orr* On some sound values in English // *The British journal of psychology* 1944 V. 35 № 1
- Persson 1912 – *P Persson* Beiträge zur indogermanischen Wortforschung. Tl 1–2 Uppsala, Leipzig, 1912.
- Petersson 1908 – *H Petersson* Etymologien // *IF*, 1908/1909 23
- Pokorny 1959 – *J Pokorny* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch Bern, München, 1959
- Ritter 1975 – *R-P Ritter* Slavisch *žъъо-* "Dachs" // *Sprache*, 1975, 21
- Sapir 1929 – *E A Sapir* Study in phonetic symbolism // *Journal of experimental psychology* 1929 2
- Seebold 1997 – *E Seebold* Zapfen, Zipfel, Zopf, zupfen und die "mots populaires" in den germanischen Sprachen // *Historische Sprachforschung* 1997 110, 1
- Seebold 1999 – *E Seebold* Die Eiche // *Studia Celtica et Indogermanica* Festschrift für Wolfgang Meid zum 70. Geburtstag / Hrsg. von P. Anreiter und E. Jerem. Budapest, 1999.
- Torp 1909 – *A Torp* Wortschatz der germanischen Spracheinheit / Unter Mitwirkung von H. Falk. Gottingen, 1909
- Vries 1958 – *J Vries* Vokalvariation im Germanischen // *PBB*, 1958 80
- Vries 1962 – *J Vries* Altnordisches etymologisches Wörterbuch. Leiden, 1962
- Walde, Hofmann 1938 – *A Walde, J B Hofmann* Lateinisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1938

© 2004 г. О.Н. КРАСАВИНА

**УПОТРЕБЛЕНИЕ УКАЗАТЕЛЬНОЙ ГРУППЫ
В РУССКОМ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОМ ДИСКУРСЕ***

0. ВВЕДЕНИЕ

Данная статья посвящена проблеме употребления именных групп (ИГ) с указательным местоимением *этот* в русском языке и является исследованием по референциальному выбору. В момент формирования высказывания говорящий располагает определенным набором формальных средств для осуществления референции. Указательная именная группа является третьим по частоте референциальным средством после личных местоимений и скрыто-определенной полной именной группы. Тем не менее, несмотря на огромный интерес к явлению анафоры и референциального выбора в частности и большое количество работ, появившихся в рамках этой проблемы в последние два десятилетия, недостаточно изученным остается вопрос о характере факторов, ведущих к употреблению указательной именной группы. В настоящей работе данный вопрос занимает центральное место.

Для краткости условимся вместо термина "личное местоимение третьего лица" употреблять "местоимение", вместо "полной именной группы без указательного местоимения" – "простая ИГ", а вместо "полной именной группы с указательным местоимением *этот*" – "указательная ИГ", или "указательная группа".

Под указательной именной группой в данной работе мы будем понимать именную группу, либо включающую указательное местоимение *этот* в адъективном употреблении и существительное с атрибутами или без них (например *этот дом, этот высокий дом*), либо состоящую из указательного местоимения *этот* в субстантивном употреблении¹. Указательные местоимения также принято называть демонстративами, а рабочее название указательной ИГ в данной работе – группа *этот X*.

Известно, что инвентарь указательных местоимений в русском языке гораздо больше. Основными указательными местоимениями являются *этот, тот, такой*. В Академической грамматике русского языка [РГ 1980] к указательным "местоимениям-прилагательным" относят следующие местоимения. *тот, этот, такой, такий (разг.), таков, следующий*, а также слова *тот-то, такой-то*. Местоимение *этот* конкурирует с *это* по частоте встречаемости², однако *этот* превосходит *это* по референциальным возможностям: *это* может иметь антецедент, расположенный непосредственно в предшествующей предикации или совокупности предикаций, тогда как возможности *этот* строго не ограничены ни расстоянием, ни типом антецедента.

* Данное исследование поддерживалось грантом 03-06-80241а Российского фонда фундаментальных исследований

¹ В русском языке особняком стоит местоимение *это* (данное местоимение нужно рассматривать отдельно от случая, когда *это* – форма среднего рода местоимения *этот*), из-за специфики его употребления. Подробнее о местоимении *это* см. [Падучева 1985 164–179]

² Так, в первых девяти главах романа "Живые и Мертвые" К. Симонова [3] встречаются 383 употребления *это* и 331 употребление *этот X*.

В разделе 1 дается характеристика современного состояния проблемы, в разделе 2 критическому рассмотрению подвергается популярная когнитивно-лингвистическая модель Gundel et. al. [Gundel et. al. 1993] применительно к употреблению указательной группы в русском языке. В разделе 3 описываются типы употребления указательных ИГ, прояснившиеся в результате исследования на материале корпуса примеров. В разделе 4 обсуждаются результаты, а в разделе 5 подводятся итоги исследования.

1. УКАЗАТЕЛЬНЫЕ ГРУППЫ В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

1.1. Указательные группы в русской лингвистической традиции

В русской лингвистике указательные группы являлись объектом исследования в работах Е.В. Падучевой [1985], Л.И. Куликова [1985], О.Ю. Богуславской и И.А. Муравьевой [1987], о местоимении *тот* в русском языке писали А.А. Кибрик [1987], Г.Е. Крейдлин и А.С. Чехов [1988]. основополагающей работой в области указательных местоимений *этот* можно по праву назвать исследование Е.В. Падучевой, которое мы и рассмотрим далее. Работа Е.В. Падучевой посвящена анафорическому употреблению *этот*. Указательная ИГ противопоставлена в своем употреблении местоимениям и простым ИГ (в терминах Е.В. Падучевой, скрыто-определенным ИГ) из-за различия в значении. Так, указательные местоимения могут употребляться по отношению к объектам, "уже" находящимся в "общем поле зрения говорящих", то есть на момент произнесения высказывания принадлежащим общим знаниям говорящего и слушающего, "когда нужно дать категоризацию объекту или сменить ее на другую" [Падучева 1985:159]. Например, *рассказы о похождениях храброго солдата Швейка* при втором упоминании выступают как *эта книга*. В отличие от местоимений, указательная ИГ может иметь

- предикативный антецедент (напр., *Вася писал диплом, и эта деятельность занимала его полностью*; пример наш);
- антецедент в виде "анафорического острова" (напр., *Вася посещал дельфинарий с диктофоном. Эти звуки он использовал для исследования*; пример наш);
- антецедент, имеющий автономное употребление (*В статье, названной "Такси", анализируются некоторые недостатки этого вида транспорта*; пример Е.В. Падучевой [1985: 159]).

Кроме того, Е.В. Падучева описывает ряд особенностей употребления указательной ИГ, которые можно было бы обобщить следующим образом:

- 1) *этот* типично сочетается с существительными-названиями категорий (*этот человек, эта книга*), а также со словами *факт, вопрос, ситуация* и другими существительными с семантическим актантом "содержание";
- 2) *этот* X употребляется, если "объект" обладает «повышенной степенью выделенности (salience) в ситуации наличия других "объектов"» (*Я хочу поговорить о Петре Петрове. Этот мальчик стал плохо учиться* [Там же: 160]);
- 3) *этот* X употребляется, чтобы ввести "объект" "в общее поле зрения говорящих";
- 4) *этот* X употребляется, чтобы компенсировать опущение рестриктивного определения с неконкретно-референтным (нереферентным) антецедентом, и таким образом берет на себя рестриктивную функцию (*Точность аргументации особенно важна в естественных науках. Для этих наук недосказанные утверждения не имеют смысла* [Там же: 161]);
- 5) *этот* X употребляется в позиции контрастного начала (*В этом дворе есть собака* [Там же: 162]; здесь, видимо, подразумевается контрастное ударение);
- 6) *этот* X, как правило, не употребляется в позиции субъекта (*Они переехали в большой каменный дом на Гороховском. Дом мне хорошо известен. ср. Я хорошо знаю этот дом* [Там же: 162]);

7) *этот* X употребляется при свободном стыке ("стык, сбивающий повествование переходом к прошлому, будущему" или к "фактам, не локализованным во времени") – ср. пример (1б), тогда как при жестком стыке ("стык между предложениями, описывающими одновременные или смежные по времени действия или состояния одного и того же объекта") употребляется простая ИГ [Там же: 163] – ср. (1а):

(1) а. За рекой расстился луг. На лугу паслись коровы.

б. За рекой расстился луг. На этом лугу в прошлом году паслись коровы.

В работе Е.В. Падучевой охвачено большое количество случаев употребления *этот* X. И все же остается неясным, какие факторы определяют употребление именно указательной группы с местоимением *этот*, а не простой ИГ или местоимения, так как вышеперечисленные условия могут также выполняться и для простых ИГ/местоимений. Также не до конца ясно, как действуют некоторые факторы. Так, в ряде примеров показано, что употребление указательной группы обуславливается изменением категориальной принадлежности, и в то же время далее делается оговорка, что изменение категориальной принадлежности не обязательно требует указательной группы, а есть еще и другие факторы, влияющие на ее употребление.

В настоящей статье мы будем исходить из того, что модель употребления некоторого референциального средства должна не только описывать некоторые случаи употребления, но и подтверждать или опровергать гипотезы о влиянии тех или иных факторов. Метод, используемый в данной работе, основан на исследовании корпуса естественных дискурсов. Прежде чем перейти к описанию наших собственных результатов, необходимо остановиться на дискурсивно-ориентированных изысканиях других авторов.

1.2. Указательные группы в зарубежных исследованиях

Одним из популярных направлений в работах, посвященных анафорической проблематике, является "теория связывания" [Reinhart 1983]. Т. Рейнхарт использует в своих трудах придуманные, сконструированные примеры. Это, как правило, тексты, состоящие из двух-трех предложений. Цель подобных работ – определить условия, при которых рассматриваемое местоимение можно или нельзя интерпретировать как кореферентное предполагаемому кандидату в antecedенты, который обычно является именем собственным, обозначающим человека. В [Leech 1983; Levinson 1995; Takami 1987; Geluykens 1994; Huang 2000] предлагался синтактико-прагматический подход. Так, в [Huang 2000] предлагается модель, выполненная в духе так называемой "нео-грайсовской" (neo-Gricean) традиции. Суть этой модели заключается в предсказании анафорического распределения в дискурсе в терминах систематического взаимодействия нескольких общих прагматических стратегий.

Основным положением работ по дискурсивной анафоре является то, что анафора – явление дискурсивной природы и предопределяется дискурсивными факторами. Такие работы используют реально встречающиеся в естественном языке, а не сконструированные примеры, что удовлетворяет очевидному требованию к высокому качеству материала, необходимого для подобных исследований.

В работе Гивона [Givón 1983] была предложена модель топикальной непрерывности. Согласно этой модели, чем активнее референт, тем более экономное средство используется для его кодирования. В работах Ариель [Ariel 1994] и Гундел и др. [Gundel et al. 1993] произведена попытка описания когнитивных статусов, соответствующих формальным средствам различной "эксплицитности". Ариель использует в своей работе когнитивно-психологический подход и утверждает, что анафор является индикатором определенной степени доступности и потенциального референта в памяти. В соответствии с этой степенью доступности и происходит выбор antecedента. Как отмечает Ариель, задача говорящего при осуществлении референции заключается в

том, чтобы выбрать референциальное средство, маркирующее уровень когнитивной доступности нужного референта. Ариель выделяет три уровня доступности: 1) высоко доступный; 2) средне доступный; 3) низко доступный. Указательные местоимения ближнего дейксиса соответствуют "средней доступности". Похожая иерархия предложена в работе [Gundel et. al. 1993] (см. ниже).

Кронрод и Энгель [Kronrod, Engel 2000] проверили действенность модели Ариель на материале газетных заголовков. Результаты показали, во-первых, что иерархия доступности одинаково применима к разным "газетным" жанрам, а во-вторых, что определенная степень доступности референта необходима для употребления некоторого специфического референциального выражения, но не достаточно – есть еще и другие факторы. Кронрод и Энгель установили два таких фактора: требование краткости и цель вызвать любопытство. При наличии этих факторов употребляются референциальные выражения, соответствующие, согласно иерархии Ариель, более высокой степени доступности.

Более подробной оценке одной из когнитивных моделей, а именно, модели Гундел и др. [Gundel et. al. 1993], применительно к русскому повествовательному дискурсу, посвящен следующий раздел настоящей статьи.

2. КОНЦЕПЦИЯ ГУНДЕЛ И ДР. [GUNDEL ET. AL. 1993]

Концепция Гундел и др. [Gundel et. al. 1993] широко известна среди специалистов, работающих в области анафоры. Далее будет идти речь именно об этой модели, в связи с ее более общим характером, по сравнению с другими аналогичными моделями [Givón 1983; Ariel 1994]. Эта модель предполагает наличие шести когнитивных статусов референта, где каждый статус является необходимым и достаточным условием для использования определенной референциальной формы. "Стрелка" действует и в обратном направлении: употребление говорящим определенной референциальной формы свидетельствует об определенном когнитивном статусе подразумеваемого референта, тем самым давая адресату информацию о степени активации референта в рабочей памяти говорящего.

В отличие от Ариель, Гундел и др. основывают свою иерархию на понятиях памяти и внимания. Вместо уровней доступности выступают уровни активации³. Самый высокий уровень активации – "в фокусе", самый низкий – "неконкретно-референтный". Обладание более высоким статусом активации имплицитно подразумевает обладание более низким статусом. Присвоение конкретного значения активации в контексте осуществляется посредством взаимодействия с двумя принципами Грайса [Grice 1975]: 1) не делай свое высказывание менее информативным, чем требуется и 2) не делай свое высказывание более информативным, чем требуется. Так, по мнению Гундел и др. [Gundel et. al. 1993], референция к объекту, обладающему когнитивным статусом "активированный", производится посредством указательных ИГ, при этом указательные местоимения не могут использоваться при референции к референту со статусом "в фокусе", так как в этом случае будет нарушен первый принцип – "не делай свое высказывание менее информативным, чем требуется". При референции к объекту, скажем, со статусом "уникальный" будет нарушен второй принцип – "не делай свое высказывание более информативным, чем требуется". Формальные средства, соответствующие определенному когнитивному статусу, могут варьировать в зависимости от языка.

Согласно иерархии данности (см. Таблица 1), указательные местоимения имеют промежуточный когнитивный статус, т.е. употребляются при референтах с "проме-

³ В моделях Ариель и Гундел под уровнем доступности, или активации, имеется в виду предположительная доступность, или активация конкретного референта в дискурсивной модели слушающего [Ariel 1990; Gundel et. al. 1993].

Статусы активации и соответствующие им референциальные формы [Gundel et. al. 1993]

В фокусе (in focus)	Активированный (activated)	Известный (familiar)	Уникальный (uniquely identifiable)	Референтный (referential)	Неконкретно- референтный (type identifiable)
it	that this this N	that N	the N	indefinite this N	a N
он Ø	это то	<i>этом X</i> <i>том X</i>	Ø X	Ø X	Ø X

Таблица 2 (подробнее см. [Кибрик 1997])

Факторы активации и их числовые показатели

Фактор активации	Значение	Числовой показатель активации
Риторическое расстояние до антецедента	1	0.7
	2	0.4
	3	0
	4+	-0.3
Расстояние в абзацах	0	0
	1	-0.2
	>	-0.4

жуточной активацией", располагаясь в иерархии данности между местоимениями, которые употребляются при высоко активированных референтах, и простыми ИГ, употребляющимися при низко активированных референтах. Наша цель – проверить, действительно ли указательным группам соответствуют референты с промежуточной активацией и является ли вообще некоторый определенный уровень активации необходимым и достаточным условием для употребления указательной группы.

В модели Гундел и др. [Gundel et. al. 1993] не представлено независимого способа определения когнитивного статуса. Поэтому для измерения уровня активации мы воспользовались моделью А.А. Кибрика [1997], исходно предназначенной для описания выбора между местоимениями и простыми ИГ. Согласно [Кибрик 1997; Kibrik 2000], существует целый ряд факторов (около десятка), влияющих на активацию референта. Каждый фактор имеет числовое значение, в соответствии с большей или меньшей степенью влияния фактора на активацию. В сумме эти числовые значения образуют так называемый коэффициент активации. В Таблице 2 (из [Кибрик 1997]) в качестве примера представлены два фактора активации с соответствующими числовыми значениями – фактор расстояния до антецедента по риторической (иерархической) структуре дискурса и фактор расстояния до антецедента в соответствии со структурой абзацев. Выбор между простыми ИГ и местоимениями происходит в зависимости от коэффициента активации, значения которого варьируют от нуля до единицы (см. Таблица 3 из [Kibrik 2000]). Так, например, при значении, равном единице, будет употреблено местоимение или референциальный нуль, при 0.1 – полная именная группа, а при, скажем, 0.7 – либо полная ИГ, либо местоимение/нуль. Кроме того, существуют дополнительные факторы, влияющие на референциальный выбор, которые играют роль

Референциальные стратегии в русском нарративном дискурсе

Референциальное средство:	Только Полная ИГ	Полная ИГ, ?местоимение/Ø	Либо полная ИГ, либо местоимение/Ø	Только местоимение
Коэффициент активации (КА):	0–0.3	0.4–0.6	0.7–0.9	1

"фильтров". В некоторых случаях – например, при наличии двух достаточно активированных кандидатов в антецеденты – даже при высокой активации нужного референта употребление местоимения может "отфильтровываться" в силу потенциальной неоднозначности, или референциального конфликта.

Более подробно методика подсчета активации описывается в [Кибрик 1997; Kibrik 2000]. Применим ее к нескольким примерам употребления указательной ИГ. В (2) КА равен 0.9; в (3) – 1.1⁴; в (4) – 0.

(2)

Синцову так и не удалось переубедить их. Они ему не поверили, но очень обрадовались, когда он, нащупав в кармане шинели банку консервов, которую ему вчера дал военюрист, предложил им поесть перед дорогой. В банке оказались кильки, и они втроем съели эти кильки без хлеба и воды [3].

(3)

В тот день я убил четырех зайцев. Поблизости от нашей базы ютилось в землянке несколько семей, которым мы помогали чем придется. На обратном пути после охоты я завернул в одну землянку, где жила женщина с двумя детьми. С этой женщиной я договорился, что она сошьет мне и двум моим друзьям плавки [2].

(4)

Во время урока, пользуясь долгим отсутствием завуча, она мне рассказала притчу о возе сена. Суть ее заключалась в том, что, оказывается, мой отец был когда-то управляющим какого-то сказочного сада, и в том году отец этого завуча, державший в городе корову, попросил у моего отца накосить сена для своей коровы. Отец ему дал накосить сена, и тот впоследствии вывез из сада огромный воз сена, так и не заплатив отцу ни копейки. Почему-то считалось само собой разумеющимся, что деньги за воз сена он должен был заплатить не государству, которому принадлежал сад, а отцу. Притча эта, рассказанная сквозь зубы, с одинаковой силой была направлена и против завуча, и против отца. Мать считала, что отец слишком много времени проводит в кофейнях и слишком мало зарабатывает на семью. Сейчас я думаю, что брат мой, может быть, держался в школе отчасти за счет этого воза сена, но ко времени моего поступления он использовал его до последней травинки, так что на меня ничего не осталось [1].

Мы видим, что указательным ИГ может соответствовать не только промежуточный уровень активации, но также очень высокий и очень низкий. Далее, нетрудно найти контексты, где а) при одинаково сильной активации одинаково возможны как местоимение, так и указательная ИГ и при одинаково слабой – как простая ИГ, так и

⁴ В количественной системе А.А. Кибрика [1997] значения больше единицы приравниваются к единице, а меньше нуля – к нулю.

указательная ИГ; б) при одинаковом уровне активации указательная ИГ предпочтительна, тогда как в другом аналогичном контексте – невозможна.

При слабой активации, согласно гипотезе Гундел и др. [Gundel et. al. 1993], предполагается употребление простой ИГ, а при сильной – местоимения. В (4) была употреблена указательная ИГ, хотя нельзя исключить возможность употребления и простой ИГ. В (5) при сильной активации употреблена указательная ИГ, хотя возможно и местоимение:

(5)

Синцов хотел увезти от опасности бросившихся к нему за спасением людей. Капитан хотел спасти дело, бросив этих людей (их) в бой [3].

Следующие четыре примера однотипны с точки зрения уровня активации, однако в трех примерах возможен разный референциальный выбор. В примере (6) возможна как простая ИГ, так и указательная ИГ, в примере (7) простая ИГ невозможна, а в примере (8) невозможна указательная ИГ.

(6)

Сейчас, узнав об англичанине, перелетевшем Ла-Манш, мне стало горько за Виктора Максимовича и стыдно за себя. Англичанин (этот англичанин), вероятно, получит премию в сто тысяч фунтов [2].

(7)

*Сверху лежала фотография красивой женщины с круглым лицом и большегубым, припухлым, улыбающимся ртом. Синцов твердо знал, что где-то видел эту женщину (*женщину), но не мог вспомнить ни когда это было, ни где [3].*

(8)

*Все же им не хотелось прямо отказывать почетным гостям, и они, как мне кажется, устроили небольшой спектакль, главным героем которого оказалось дерево карагач. Они признавали, что Зану похоронили под карагачем (*этим карагачем), но по вопросу, где именно рос этот карагач, высохший и порубленный на дрова еще в начале нашего века, у стариков возникли непримиримые разногласия [2].*

Итак, указательным местоимениям, в отличие от местоимений и простых ИГ, нельзя поставить в соответствие какого-то определенного промежутка на шкале активации. Наличие некоторого определенного уровня активации не является автоматической инструкцией к употреблению указательной ИГ. На этом этапе возникает следующий вопрос: какие факторы являются такой инструкцией? В последующих разделах будет описано корпусное исследование, целью которого являлось найти эти факторы.

3. КЛАССИФИКАЦИЯ УПОТРЕБЛЕНИЙ УКАЗАТЕЛЬНЫХ ГРУПП: ИССЛЕДОВАНИЕ НА БАЗЕ КОРПУСА ПРИМЕРОВ

3.1. Методология сбора и анализа материала

Общий объем текстов, на материале которых производился поиск примеров, составляет около 800 тыс. знаков без пробелов (180 тысяч слов). В качестве материала исследования были выбраны письменные повествовательные тексты, в основном художественная проза. По сравнению с простыми ИГ и местоимениями, указательные ИГ обладают относительно низкой частотностью: на тысячу слов приходится 180 простых ИГ, 39 местоимений и всего 5 указательных ИГ. Всего в корпусе оказалось 700 примеров употребления указательной ИГ. Ряд случаев употребления указательных ИГ мы исключили из рассмотрения. Это прежде всего те случаи, которые

функционально маркированы и требуют дополнительного изучения. Всего из корпуса было исключено около 30% указательных групп. Под ограничения подпали следующие указательные группы:

- сочетание указательного местоимения с притяжательным местоимением типа *этот твой*;
- *весь этот*;
- *этот самый*;
- *вот этот*;
- *этот же*;
- *этот-то*;
- лексикализованные выражения типа *на этот раз*, *на этот счет* и т.п.;
- *он*, *этот X* и любые другие контексты внутренней и прямой речи;
- употребления, производные от дейктического: *в этом месте*, *в это время*, *в этот день*, *в этой книге*, *в этой истории* и т.п.

В процессе исследования выяснилось, что для указательных ИГ отсутствует общая модель употребления. Это значит, что употребление указательных ИГ следует изучать для каждого отдельного класса возможных употреблений. Распределение различных типов указательных ИГ оказалось крайне неравномерным: некоторые типы являются очень частотными, тогда как другие – очень редкими. При анализе материала неоднократно приходилось производить дополнительный набор примеров для проверки выдвигаемой гипотезы, если примеров предполагаемого типа было недостаточно. Объем выборки, использовавшейся для выдвижения и проверки гипотез, составил 217 примеров (источники перечислены в конце статьи). Чтобы избежать "одностороннего" выдвижения гипотез, в дополнение к имеющимся 217 примерам было собрано небольшое количество (всего 37) примеров употребления простых ИГ.

Далее мы рассмотрим отдельно каждый из типов употребления указательных ИГ, выявленных в результате корпусного исследования.

3.2. Тип I. Указательная ИГ "замещает" местоимение и простую ИГ

Выделение данного типа основано на следующем наблюдении: указательные ИГ часто употребляются в тех случаях, когда базовые референциальные средства (местоимения и/или простые ИГ – в зависимости от уровня активации) употребляться не могут. Существует ряд факторов, запрещающих употребление местоимения, простой ИГ или и того, и другого. Эти факторы выполняют роль фильтров, которые запрещают приоритетное при данной активации референциальное средство, так что единственным возможным референциальным средством остается указательная ИГ. На Рис. 1 схематично изображен процесс референциального выбора указательных ИГ, соответствующих данному типу употребления.

Механизм употребления указательных ИГ, соответствующих типу I

Рис. 1

Если местоимение не может употребиться вследствие действия запретов на употребление местоимения (9) и контекст не является типичным контекстом для употребления простой ИГ, вместо местоимения выступает указательная ИГ. В качестве примера такого запрета (фильтра) можно привести референциальный конфликт (9):

(9)

*За это время на стенах появились большие снимки всяких ран до и после лечения аппаратами. Перед аппаратом майора висели три снимка, на которых были руки, такие же, как у него, ставшие вполне нормальными после лечения. Не знаю, где врач достал эти снимки (*их). Я всегда думал, что нас первых лечат этими аппаратами. Но майору снимки не внушали никакой надежды, – он смотрел мимо них, в окно [7].*

Всего к типу I относится 29% примеров из корпуса. Рассмотрим другие примеры ограничений. Так, в (10) анафор является определительным словом для причастного оборота.

(10)

*Все же им не хотелось прямо отказывать почетным гостям, и они, как мне кажется, устроили небольшой спектакль, главным героем которого оказалось дерево карагач. Они признавали, что Зану похоронили под карагачем, но по вопросу, где именно рос этот карагач (*он), высохший и порубленный на дрова еще в начале нашего века, у стариков возникли непримиримые разногласия [2].*

В (11) указательная ИГ "замещает" простые ИГ. Простая ИГ невозможна или звучит значительно хуже, чем указательная ИГ, из-за стилистического запрета, характерного для русского языка, на полный повтор простой ИГ на близком расстоянии:

(11)

*Пьяный время от времени мощным ударом ноги проламывал забор своего дома, ругал своих домочадцев всеми непотребными словами, отчасти эти непотребные слова (*непотребные слова) обрушивались на редких прохожих и на нас, глазекую толпу [1].*

В контексте отрицания при генитиве происходит следующее явление: при отрицании референта, происходит отрицание всех его характеристик – в примере (12) употребление простой ИГ "надежды не было" значило бы, что вообще никакой надежды не было. При употреблении указательной ИГ становится ясно, что имеется в виду "надежда получить взамен сбитой новую машину":

(12)

*Но слова капитана мало тронули летчика. Будь у него надежда получить взамен сбитой новую машину, он бы и сам не остался здесь, но этой надежды (*надежды) у него не было, и он решил драться на земле [3].*

Следующий фактор, способствующий употреблению указательных ИГ – это повторное упоминание референта в посессивной конструкции (пример (13) и (14)). Простая ИГ, которая могла бы являться альтернативным референциальным средством при низкой активации, здесь невозможна.

(13)

Вы выходите из Старого города через Львиные ворота и перед вами открывается Кедронская (Иософатова) долина, по дну которой струится ручей. Узкое и глубоко-

кое ложе Кедрона – это многовековое кладбище, на котором гробницы разных времен и народов тысячелетиями наслаивались друг на друга. Кто из верующих не знает имени этой долины (*долины)! Оно связано библейским пророчеством с днем Страшного Суда [7].

(14)

*Всегда он читал одного и того же лагерного поэта, с кем свела его судьба, а потом наглухо раскидала по разным лагерям. Несмотря на косноязычие некоторых строк, стихи этого поэта (*поэта) казались мне удивительными [2]*

3.3. Тип II. Модификация существующей репрезентации референта

В основе данного типа лежит случай, когда репрезентация референта уже активирована в дискурсе. Обозначение этого референта посредством указательной ИГ влечет за собой не просто установление идентификации между анафором и референтом, а **модификацию** репрезентации этого референта. Говорящий в момент порождения высказывания имеет некоторое представление о том, какая репрезентация данного референта является активированной в данный момент времени в сознании адресата. Если эта репрезентация отличается от той, что находится в сознании говорящего, употребляется указательная ИГ. Таким образом адресат получает инструкцию искать информацию об этом отличии либо в контексте, к которому принадлежит антецедент, либо в непосредственном контексте идентифицируемого референта, либо в свойствах самой лексемы, которая употреблена в составе указательной ИГ, как, скажем, принадлежность к некоторому классу. В примере (15) референты "мужество" и "железная воля" относятся к категории "качества характера". С целью выделения интересующих нас референтов из категории, к которой они принадлежат, используется указательная ИГ, состоящая из указательного местоимения *этот* и существительного, которое является названием категории.

(15)

Его любили по-разному: беззаветно и с оговорками, и любясь и побаиваясь; иногда не любили. Но в его мужестве и железной воле не сомневался никто. А как раз эти два качества и казались сейчас необходимей всего в человеке, стоявшем во главе воевавшей страны [3].

Идея модификации представлена в работе Маэса и Нордмана о нидерландских демонстративах ближнего дейксиса [Maes, Noordman 1995]. Такие случаи, как пишут Маэс и Нордман, покрывают практически все употребления указательных ИГ в нидерландском языке. Мы будем придерживаться некоторых аспектов их классификации, а также допущения, что лексемы, входящие в указательную группу и ее антецедент – не полностью идентичны. В нашем корпусе случаи, которые подходят под определение данного типа, составляют 59% всех примеров.

Данный тип подразделяется на четыре подтипа: 1) классификация, 2) экспликация контекстных характеристик, 3) атрибуция и 4) номинация. Подтипы различаются между собой характером активируемой информации. Так, при подтипе "**классификация**", это информация о категории, которой принадлежит референт, как в примере (15). К этому подтипу принадлежат 21% примеров всех случаев "модификации".

При подтипе "**экспликация контекстных характеристик**" указательная ИГ активизирует информацию о референте, содержащуюся в контексте (выраженную в контексте или выводимую из контекста, но не включавшуюся ранее в антецеденты). При этом идентификация референта происходит "по умолчанию". В результате анафор и антецедент лексически различны. В (16) *фавн* именуется как *этот гость из морской*

пучины. Во-первых, благодаря употреблению указательной ИГ, адресат понимает, что речь идет о том человеке, о котором шла речь в предыдущих предложениях. Во-вторых, в рабочей памяти адресата также активируется информация о том, что этот человек – "гость из морской пучины".

(16)

Широкие смуглые плечи и могучая грудь поднялись над бортом, и огромный человек легко и бесшумно спрыгнул на палубу. Браун с восхищением смотрел на пришельца. Все, что он вычитал в книгах, заставляло его без колебаний признать фавна в этом госте из морской пучины [7]

Подтип "экспликация контекстных характеристик" – самый частотный вид модификации. Ему принадлежат 58% примеров модификации, то есть больше половины.

При подтипе "атрибуция" дополнительная информация, которая подлежит активизации, содержится в указательной группе, ср (17). Употребление указательного местоимения в этой ИГ влечет за собой активацию атрибутивной информации. В данном фрагменте дискурса речь идет об *атаке*. Однако автор считает нужным добавить к этому референту новый признак "шестая за день" и активировать его в рабочей памяти адресата.

(17)

Короткая передышка кончилась, и немцы снова пошли в атаку раньше, чем Серпилин успел толком поговорить со Шмаковым. Как только началась атака, новый комиссар взял провожатого и пошел в батальоны знакомиться.

– *Начинай с левофлангового, с третьего, – посоветовал Серпилин. – Тут поближе. – А про себя добавил: "И потише".*

– *Что комиссар сразу не стал околачиваться на КП, пришлось по душе Серпилину, и тем более захотелось побережь его в меру возможности.*

– *Пока продолжалась эта шестая за день атака, Зайчиков оставался в полку [3].*

К подтипу "атрибуция" относится 19% примеров типа "модификация".

Последний подтип, который мы выделяем внутри типа "модификация", – "номинация". Этот подтип грамматикализован. Схематично его можно изобразить как "Этот X называется Y". Объекту "город" присваивается имя "Иерусалим". Полная ИГ и местоимение здесь невозможны. Ср. пример (18):

(18)

*В мире есть только один город, в который нельзя спуститься, в него можно только восходить, оставляя около его древних стен остатки своей гордыни и прежней, далеко не праведной жизни. Этот город (*он, *город) – Иерусалим [7].*

"Номинация" – наименее частотный подтип в рамках этого типа. Он составляет всего 2% всех случаев "модификации".

3.4. Тип III. Выделение из множества

Случаи, принадлежащие данному типу, можно охарактеризовать следующим образом. Указательная группа находится на расстоянии одной предикации до антецедента. Множество, из которого производится выбор, состоит не меньше, чем из двух объектов, и один из объектов противопоставляется другим объектам этого множества. Так, в примере (19) происходит выбор "из всех прочих цветов".

(19)

Этот чуть выше человеческого роста обелиск за каких-нибудь десять лет, что я его помнил, несколько раз менял свою окраску: был то белоснежный, беленный перед праздниками известкой, то зеленый, под цвет солдатского обмундирования; однажды проездом по этому шоссе я видел его блестяще-серебристым, как крыло реактивного лайнера. Теперь же он был серым, и, пожалуй, из всех прочих цветов этот наиболее соответствовал его облику [7].

Контрастное ударение является характерной чертой большей части примеров этого типа. Примеры, принадлежащие данному типу, составляют 4% нашего корпуса.

Существуют случаи, когда происходит более эксплицитное сопоставление, чем в (19): указательная именная группа употребляется для выражения контраста. Особенности типа сохраняются – ударение падает не на существительное, а на указательное местоимение, только помимо этого противопоставления используется местоимение дальнего дейксиса (*тот*), на которое тоже падает ударение, ср. (20) с употреблением *этот*-адъективного и (21) с употреблением *этот*-субстантивного. Иногда для усиления контрастности используется слово "именно", при этом ударение сохраняется на *этот*, ср. (22).

(20)

Начальник Борисовского гарнизона, по слухам, находился где-то на Минском шоссе, но не по эту сторону Борисова, а по ту [3].

(21)

*Раненых перевязывали двое: старая кривоногая инвалидка-сестра и врач, огромный старик с лицом льва и руками еще сильными и умелыми, но то и дело подрагивавшими, то ли от старости, то ли оттого, что и здесь над душой стоял немец. Только тот немец говорил: "Генуг! Генуг!" [*Хватит! Хватит!*], а этот повторял: "Шнеллер! Шнеллер!" [3].*

(22)

Уходя на фронт командовать полком, он верил, что придет время, когда ему еще прикажут сдать полк и принять дивизию. Но кто мог предвидеть, что ему придется принимать именно эту дивизию и при таких обстоятельствах! [3].

3.5. Тип IV. Пейоративное употребление

Данный тип представляет собой особое употребление *этот* X, которое, вероятно, встречается не только с именами, хотя с именами наиболее рельефно, – употребление, которое предполагает негативность (23), пренебрежение (24), иронию (25), или, шире, дистанцирование говорящего от референта. В русском языке значение дистанцирования считается характерной чертой указательных местоимений дальнего дейксиса (*тот*), см. [Крейдли, Чехов 1989; Кибрик 1987]. Необходимо констатировать, что *этот* – местоимение близкого дейксиса – используется для дистанцирования. Субстантивное *этот* тоже может иметь такое употребление, как и адъективное *этот* (ср. пример (25)). Возможно, *этот* в пейоративном употреблении и *тот* представляют два разных типа дистанцирования.

(23)

И потому, скажем, математичке какой-либо бином Ньютона в сто раз дороже всей поэтики Пушкина. А для языковеда умение обособлять деепричастные обороты – мерило всех достоинств школьника. За эти свои запятые он готов ребенка на второй год оставить. Математичка тоже. И никто не подумает, что этот бином, может, – и наверняка – никогда в жизни ему не понадобится [7].

(24)

Старший лейтенант не поверил Синцову, и Синцов чувствовал себя несчастным, несмотря на то что он не уважал этого старшего лейтенанта и не чувствовал себя виноватым ни перед кем, а уж тем более перед ним [3].

(25)

Мне показалось странным, что он это сделал, провожая меня в класс, и главное – не стыдясь моего присутствия. Я вспомнил, что именно так мой сумасшедший дядюшка наблюдал сквозь щелки в кухонной пристройке за одной женщиной из нашего двора, в которую он был влюблен. Но он этого никогда не делал, если знал, что кто-то за ним следит. А этот прямо при мне подглядывает [1].

Примеры пейоративного употребления указательных ИГ являются достаточно редкими – они составляют всего 5% нашего корпуса, однако несомненно пейоративное употребление – явление особой природы, а такие примеры следует выделять в отдельный тип употребления указательных ИГ.

Кроме примеров, которые можно отнести к одному из вышеописанных типов, есть также случаи, которые не подходят под определение ни одного из них. Так, в примере (26) мы видим, что антецедент (*полтора человека*) и анафор (*сто пятьдесят человек*) – лексически неидентичны, хотя при этом они идентичны семантически. Получается, что с одной стороны, в силу лексического несовпадения, этот тип подходит под определение экспликации, а с другой стороны, из-за семантической идентичности, едва ли в данном случае можно говорить о модификации.

(26)

Было солнечное утро. Полтора человека, оставшихся от серпилинского полка, шли густыми лесами днепровского левобережья, спеша поскорей удалиться от места переправы. Среди этих ста пятидесяти человек каждый третий был легко ранен [3].

4. РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

На Рис. 2 представлено количественное распределение типов употребления указательных ИГ в нашем корпусе.

Частотность типов употребления всех указательных ИГ в корпусе

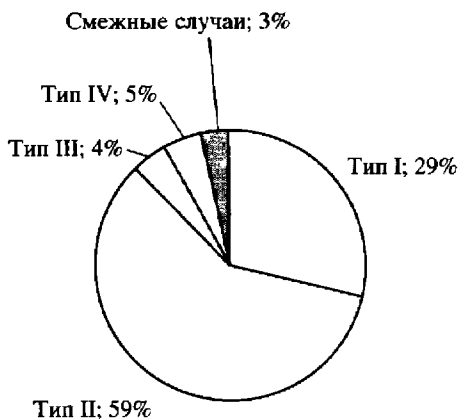

Рис. 2

Итак, из нашего корпуса мы извлекли следующие выводы. Указательные ИГ употребляются: 1) при "замещении" простых ИГ/местоимений, если употребление последних запрещается различными факторами-фильтрами (как при лексической неидентичности, так и при лексической идентичности антецедента и анафора); 2) при модификации репрезентации референта (при лексической неидентичности антецедента и анафора); 3) при контрастивном выделении референта из множества; 4) при придании референту пейоративного значения.

Рассмотрим указательные ИГ с точки зрения их более общих, фундаментальных свойств. Так, в (27): референт – неконкретно-референтный сам по себе (*радость*), но контекстная информация конкретизирует его при первом упоминании. При втором упоминании конкретизирующую функцию берет на себя указательная ИГ: "*радость*" – это "просто *радость*" (неконкретно-референтный статус). *Эта радость* – значит радость, возникающая у человека, когда он вылезает из окопа, дышит свежим воздухом и видит звезды. В (28) одинаково возможны и указательная ИГ, и местоимение, и простая ИГ. Единственное, чем здесь можно объяснить употребление указательной ИГ – это желанием автора подчеркнуть тот факт, что *эта кружка* – громадная, литая, с жувельническим толстым дном.

(27)

Мы вылезаем из окопа. Сумерки уже плотно застлали землю, и в небе загораются первые одинокие звезды. Удивительно, как хорошо тут – привольно и широко, как много воздуха! И я думаю, как мало надо человеку, чтобы почувствовать незамысловатую прелесть жизни, коротенькую, на несколько минут, радость. Потом эта радость исчезнет, человек слишком быстро привыкает к хорошему и перестает ощущать его [3].

(28)

И тут же мигом одна рука проворно отдирает за кольцо круглую крышку рундука и лезет в глубокий ледяной сумрак за бутылкой, в то время как другая вытирает тряпкой и без того сухой белый прилавок, полощет в ведре громадную литую кружку с жувельническим толстым дном, щегольски переворачивает эту кружку (ее, кружку) и со стуком ставит перед покупателем [4].

Представляется обоснованным выделить три функции, которые являются сугубо специфическими для употребления указательных ИГ, в отличие от простых ИГ и местоимений. Использование понятия функции вносит большую ясность в то, как употребляются указательные ИГ. Это значит, что множество разных случаев употребления, которые часто бывает трудно строго отнести к какому-то определенному типу употребления, можно объяснить с точки зрения фундаментальных свойств, которые стоят за всеми этими случаями. Далее мы отдельно рассмотрим каждую из трех выделенных функций.

1. Прототипической функцией указательных ИГ является указание на объект, выделение одного объекта из множества. В некоторых случаях (которые соответствуют типу III) эта функция представлена более эксплицитно, как, например, в примере (19) выше, где производится выбор одного цвета (серого) из множества цветов (белоснежного, зеленого, блестяще-серебристого). В некоторых случаях эта функция представлена менее эксплицитно, как в примере (29):

(29)

В танковом училище все двери были распахнуты настежь – и хоть шаром покати! Только на плацу стояли две танкетки с экипажами. Они были оставлены здесь впредь до дальнейших распоряжений. Но этих распоряжений уже сутки не поступало [3].

"Распоряжений не поступало" – это значит, что ни ка к и х распоряжений не поступало. Отрицание всех характеристик объекта – особенность генитива при отрицании. Употребление же указательной ИГ будет интерпретировано как "дальнейших распоряжений не поступало".

2. Вторую функцию употребления указательных ИГ мы назовем функцией отождествления. Указательные ИГ употребляются в этой функции, когда два соседних упоминания референта не являются очевидно тождественными. Функция отождествления стоит за употреблением указательных ИГ при типе II ("модификация"), а также распространяется на те случаи, которые не подходят под определение модификации (ср. примеры (30)–(32)). В (30) происходит изменение референциального статуса референта: сначала референт имеет неконкретно-референтный статус. При втором упоминании референта "сумятица" статус референта меняется на конкретно-референтный: *сумятица, которая возникла во время данного конкретного передвижения в ночное время*. Для того, чтобы, несмотря на изменение статуса, слушающий мог правильно идентифицировать референт, употребляется указательная ИГ.

(30)

Такое двукратное передвижение в ночное время не может обойтись без сумятицы; эта сумятица возникла с тем большей силой, что и прорыв из тыла [3].

В (31) антецедентом является вся предыдущая предикация. Употребление простой ИГ было бы возможно, но только если бы имелся бы в виду процесс (борьбы). Здесь, очевидно, автор имеет в виду факт.

(31)

Теперь никто не стрелял, боясь попасть в Синцова, а он и сошедший с ума красноармеец несколько секунд яростно выкручивали друг у друга винтовку. В этой борьбе Синцов постепенно перехватил винтовку обеими руками за ложе, а красноармеец теперь держался за ствол [3].

(32) – пример того, насколько может изменяться значение именной группы в зависимости от того, употребляется простая ИГ или указательная. При употреблении простой ИГ "их школы" референт будет иметь неконкретно-референтный статус, и смысл текста будет заключаться в том, что и первый участник, он, и второй, Гриша Двалишвили имели общий пункт в своей биографии – школу. При употреблении указательной ИГ становится ясным, что школа – это не школа вообще, а конкретная школа, наверное, с каким-то номером, где учился один из героев, именуемый посредством местоимения он в предыдущей предикации:

(32)

Пока что он был списан и числился военруком в Тырнаузе, в школе. Из этой школы пришел к нам и Гриша Двалишвили, паренек лет семнадцати [7].

3. Третьей функцией указательных ИГ является пейоративная функция. Эта функция полностью соответствует четвертому типу употребления указательных ИГ нашей классификации (см. раздел 3.5).

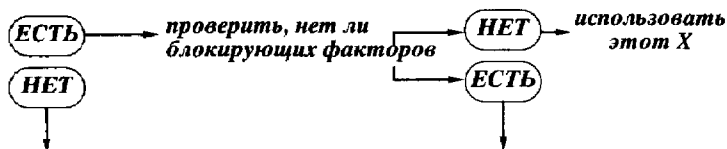
С учетом полученных выводов об употреблении указательных ИГ, можно представить себе, как функционирует модель референциального выбора в целом. Сначала происходит проверка, нет ли условий для употребления указательных ИГ в одной из своих функций (см. Рис. 3). Если такие условия имеются, то, при отсутствии блокирующих фильтров употребляется *этот X*. Если таких условий нет или если они имеются, но есть также фильтры, блокирующие употребление *этот X*, то на основании уровня активации выбирается простая ИГ или местоимение. Если нет блоки-

рующих фильтров на употребление простой ИГ или местоимения, употребляется соответствующее референциальное средство. Если такие фильтры имеются, то употребляется указательная ИГ (этот случай соответствует Типу I в вышеописанной классификации).

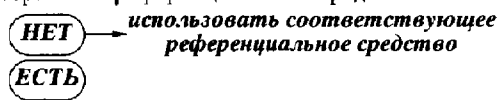
Механизм референциального выбора

1. Проверить, нет ли функциональных условий для *этот X*

-выделение из множества
-отождествление
-пейоративная функция

2. На основе шкалы активации выбрать ОН или простую ИГ
3. Проверить, нет ли специфических блокирующих фильтров для выбранного референциального средства.

4. Использовать *этот X* (замещающее употребление – Тип I) (если нет специфических блокирующих фильтров)

Рис. 3

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей работе было рассмотрено употребление важного, но недостаточно изученного референциального средства в русском языке – именных групп с указательным местоимением *этот*. Мы рассмотрели различные случаи употребления указательных ИГ с целью найти ответ на вопрос, какие факторы делают их употребление возможным и предпочтительным по сравнению с другими референциальными средствами – местоимениями и простыми ИГ. На материале корпуса примеров были выделены четыре основных типа, когда употребляется указательная ИГ: **замещающее употребление указательных ИГ; выделение одного элемента из множества; модификация репрезентации референта; пейоративное употребление указательных групп.** При замещающем употреблении указательных ИГ (Тип I) было выделено несколько факторов, выступающих в роли фильтров, которые при высоком уровне активации запрещают употребление местоимения и при низком – простой ИГ, делая возможным употребление только указательной ИГ.

В результате рассмотрения случаев употребления указательных ИГ с точки зрения "прототипических" свойств указательных ИГ получилась система, состоящая из трех функций: 1) функции выделения из множества; 2) функции отождествления; 3) пейоративной функции. Интересно, что тогда как употребление указательных ИГ в первой функции достаточно естественно – выделять объект из множества восходит к базовой дейктической функции, присущей еще исконным дейктическим элементам, употребление в пейоративной – дистанцирующей функции, кажется, прямо противоположно семантике демонстративов ближнего дейксиса – указывать на ближайший объект. Эти три функции являются сугубо специфическими для употребления указательных ИГ, в отличие от простых ИГ и местоимений.

Предложенная в данной работе объяснительная модель представляет собой базис для дальнейших исследований в области употребления указательных ИГ. Вот некоторые проблемы, представляющие интерес при последующем изучении указательных референции:

- установление большего количества "блокирующих" факторов;
- определение связей между различными типами употребления указательных групп;
- выявление факторов, предопределяющих выбор указательной группы в контекстах, где указательная ИГ "замещает" простую ИГ и местоимение, и на оба референциальных средства не воздействуют никакие фильтры;

исследование расстояния до антецедента, при котором в русском языке действует запрет на полный повтор именной группы.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ ПРИМЕРОВ

[1] – Ф. Искандер. "Школьный вальс, или энергия стыда".

[2] – Ф. Искандер. "Стоянка человека".

[3] – К. Симонов. "Живые и мертвые".

[4] – В. Катаев. "Белеет парус одинокий".

[5] – А. Солженицын. "Архипелаг Гулаг".

[6] – М. Булгаков. "Мастер и Маргарита".

[7] – Др. авторы.

Большая часть примеров представлена в сокращенном варианте в целях экономии места. Сокращения производились с минимальными изменениями структуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Богуславская, Муравьева 1987 – О.Ю. Богуславская, И.А. Муравьева. Механизм анафорической номинации // Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах / Под ред. А.Е. Кибрик, А.С. Нариньяни. М., 1987.
- Кибрик 1987 – А.А. Кибрик. Механизмы устранения референциального конфликта в русском языке. Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах / Под ред. А.Е. Кибрик, А.С. Нариньяни. М., 1987.
- Кибрик 1997 – А.А. Кибрик. Моделирование многофакторного процесса: выбор референциального средства в русском дискурсе // Вестник МГУ. 1997. № 4.
- Крейдлин, Чехов 1988 – Г.Е. Крейдлин, А.С. Чехов. Соотношение семантики, актуального членения и прагматики в лексикографическом описании анафорических местоимений (на материале местоимений группы ТОТ) // Препринт Института русского языка АН СССР. Вып. 178. М., 1988.
- Куликов 1985 – Л.И. Куликов. О взаимозаменяемости анафорических местоимений *этот* и *такой* // Вестник МГУ. Серия 96: Филология. 1985. № 1.
- Падучева 1985 – Е.В. Падучева. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. 1985.
- РГ 1980 – Русская грамматика. 1980. В 2-х томах. М., 1980.
- Ariel 1990 – M. Ariel. Accessing noun phrase antecedents. London, 1990.
- Ariel 1994 – M. Ariel. Interpreting anaphoric expressions: A cognitive versus a pragmatic approach // Journal of Linguistics. 1994. № 30.
- Geluykens 1994 – R. Geluykens. The pragmatics of discourse anaphora in English: Evidence from conversational repair. Berlin, 1994.
- Givón 1983 – T. Givón ed. Topic continuity in discourse: A quantitative cross-linguistic study. Amsterdam, 1983.
- Grice 1975 – H.P. Grice. Logic and conversation // P. Cole, J.L. Morgan (eds.). Syntax and semantics 3. Speech acts. 1975.
- Gundel et. al. 1993 – J.K. Gundel, N. Hedberg, R. Zacharski. Cognitive status and the form of referring expressions in discourse // Language. 1993. V. 69. № 2.
- Huang 2000 – Y. Huang. Discourse anaphora: Four theoretical models // Journal of pragmatics. 2000. № 32.

- Kibrik 2000 – A.A. *Kibrik*. A cognitive calculative approach towards discourse anaphora // P. Baker, A. Hardie, T. McEnery, A. Siewierska (eds.) *Proceedings of the discourse anaphora and reference resolution conference (DAARC 2000)*. Lancaster University: University Center for computer corpus research on language, Technical papers 12. 2000.
- Kronrod, Engel 2001 – A. *Kronrod*, O. *Engel*. Accessibility theory and referring expressions in newspaper headlines // *Journal of Pragmatics*. 2001. № 33.
- Leech 1983 – G. *Leech*. *Principles of pragmatics*. London, 1983.
- Levinson 1995 – S.C. *Levinson*. Three levels of meaning // Frank Palmer (ed.). *Grammar and meaning*. Cambridge, 1995.
- Maes, Noordman 1995 – A. *Maes*, L. *Noordman*. Demonstrative nominal anaphors: a case of nonidentificational markedness // *Linguistics*. 1995. № 33.
- Reinhart 1983 – T. *Reinhart*. *Anaphora and semantic interpretation*. London, 1983.
- Takami 1987 – *Ken-Ichi Takami*. Anaphora in Japanese: some semantic and pragmatic considerations. *Journal of pragmatics*. 1987. № 11.
- Tomlin 1987 – R.S. *Tomlin*. Linguistic reflections of cognitive events // R.S. Tomlin (ed.). *Coherence and grounding in discourse*. Amsterdam, 1987.

© 2004 г. В.В. ГУРЕВИЧ

АКТУАЛЬНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ЕГО РАЗНЫХ ПРОЯВЛЕНИЯХ

Ниже будет рассмотрен семантический аспект членения на рему и тему и связанные с ним эффекты, возникающие на уровне предложения (простого и сложного) и на уровне значения слова; в последнем случае возможны, в частности, и определенные проявления на уровне словоформы.

АКТУАЛЬНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

1. Тема и рема в простом предложении

Рассмотрим вопросительное предложение типа (1) *Куда уехал Петр?*, в котором рема представлена вопросительным местоимением, а тему составляют подлежащее и сказуемое. Задавая такой вопрос, мы, естественно, заранее знаем, что Петр куда-то уехал; таким образом, эта часть предложения не охватывается вопросительной модальностью – факт "отъезда Петра" не подвергается сомнению, а принимается за истину. Иными словами, эта часть сообщения представляет собой пресуппозицию [Арутюнова 1973] – некоторое заранее известное утверждение, на которое мы опираемся как на истинное и которое лишь повторяем в высказывании в качестве отправной точки для основного сообщения, представленного рематической частью.

Таким образом, рему можно истолковать как ту часть предложения, которая непосредственно входит в его модальную рамку (на нее распространяется вопросительная, утвердительная или отрицательная модальность высказывания), а тему – как ту часть предложения, которая стоит вне его основной модальной рамки, образуя пресуппозицию. Иными словами, рема составляет содержание ассертивной части высказывания, а тема – содержание пресуппозиции; сами же понятия ассертивной части и пресуппозиции, помимо словесно выраженной пропозиции, включают также и модальный компонент.

Как видим, в данном (простом по структуре) предложении содержатся два высказывания с двумя разными модальностями: тематическая (пресуппозитивная) часть содержит утверждение ("Как известно, Петр куда-то уехал"), а рематическая (ассертивная) часть содержит собственно вопросительное высказывание (*Куда?*). При этом несомненно, что главной, собственной модальностью данного предложения является именно вопросительная, а не утвердительная модальность. В поисках того, чем предопределено такое "неравноправие" двух модальностей в пределах одного высказывания, следует обратиться к понятию "время произнесения высказывания".

Не вызывает сомнения, что ассертивная часть (*Куда?*) есть именно то, что сообщается (спрашивается) в момент произнесения данного высказывания, тогда как пресуппозитивная часть содержит некоторое прошлое высказывание, лишь повторяемое в качестве необходимой для вопроса основы. В семантической записи предложение (1) можно условно представить следующим образом: "Как известно, ранее было сделано достоверное утверждение о том, что Петр переехал из данного места в какое-то иное; Сейчас спрашивается: Каково это место?" Таким образом, неравноправие двух мо-

дальностей создается за счет их разного отношения к моменту речи: основная модальность предложения, представленная его ассертивной частью, это модальность того сообщения, которое утверждается (спрашивается) в момент произнесения данного высказывания, тогда как "периферическая" (пресуппозитивная) модальность охватывает сообщение о чем-то, что утверждалось ранее. Нетрудно видеть, что повторение прошлого сообщения в теме создает смысловую связь предложения с предшествующим текстом и что с этой точки зрения тема действительно содержит "данное, известное", а рема – "новое", т.е. сообщаемое лишь в момент речи.

В утвердительном ответе на данный вопрос (2) *Петр уехал в Киев* рема также представлена лишь обстоятельством; оставшаяся же часть снова составляет тему (пресуппозицию). Как и в предложении (1), здесь также скрыто два высказывания: "Как известно из ранее сделанного утверждения, Петр переехал отсюда в какое-то другое место; сейчас утверждается, что этим местом является Киев". Поскольку в предложении (2) оба высказывания имеют утвердительную модальность, противопоставление темы и ремы здесь не столь ощутимо, как в вопросе. Не различаясь в модальном плане, два скрытых в предложении (2) высказывания различаются уже лишь временем их произнесения: сообщение об отъезде Петра есть опять-таки некоторое повторяемое утверждение, тогда как о месте прибытия говорящий сообщает именно в данный момент.

Естественно, что в подобных утвердительных высказываниях выделить тему и рему можно лишь на основе знания предшествующего текста или знания того скрытого вопроса, на который в нем дается ответ. С этим связана и возможная неоднозначность актуального членения утвердительных предложений: в предложении (2), взятом вне контекста, ремой можно считать как всю группу сказуемого (*Что сделал Петр? – Уехал в Киев*), так и одно лишь обстоятельство (*Куда уехал Петр? – В Киев*); возможен также вариант, при котором ремой представляет все предложение в целом: *Где твои братья? – Петр уехал в Киев, Иван остался в Москве*.

Обратим внимание на то, что в ремой могут входить тематические вкрапления (пресуппозиции), которые, однако, не поглощают всего содержания ремы. Так, в предложении (2) *Петр уехал в Киев* рема представлена обстоятельством, в которое входит собственное имя, а, значит, в его содержание включена пресуппозиция существования города с таким именем. Однако важно, что собственно новым в данном предложении является не сообщение о существовании Киева, а сообщение о том, что "то место, куда Петр уехал, **есть Киев**": утверждение о тождестве двух пространственных точек как раз и составляет собственно тематическую информацию. Таким образом, не представляется оправданным достаточно распространенное мнение о том, что рема может содержать в старую, известную информацию [ЛЭС 1990]. На самом деле важно лишь отделить тематические вкрапления в тематическую часть от собственно нового сообщения.

Достаточно общепринятым является также положение о том, что могут существовать не членимые на тему и рему, т.е. чисто тематические высказывания: к ним относятся, например, односоставные предложения типа *Холодно; Зима; Наступила зима* и т.п. Действительно, в этом случае вся лексически выраженная информация представляет собой рему, однако в таких предложениях есть также и скрытая пресуппозитивная информация (тема). Так, предложение (3) *Холодно* означает "(В данный момент, в том месте, где находится говорящий) холодно" (круглыми скобками отмечена пресуппозиция). Как отмечал еще Ш. Балли, "мы не можем сказать *идет дождь, идет снег*, не представляя себе мысленно окружения, в котором происходит процесс, как бы ни было оно неясно" [Балли 1955: 90]. Таким образом, в таких предложениях всегда есть скрыто выраженная и представленная как нечто заранее известное информация о наличии говорящего, его акта речи, времени и места осуществления речевого акта. К тому же предложения данного типа отвечают на вопрос "Какое событие имеет место?", который несомненно опирается на пресуппозицию "Некоторое событие имеет место".

По-видимому, в принципе не может существовать предложений, в которых содержалась бы лишь новая информация, не опирающаяся на что-то уже заранее известное, т.е. не повторяющая старую информацию в виде темы. Даже в предложениях типа (4) *Было ли когда-нибудь где-нибудь какое-нибудь событие?*, при неизвестности (неопределенности) всех составляющих, несомненно имеются скрытые пресуппозитивные элементы: прошедшее время глагола (б ы л о) указывает на предшествование моменту речи, и, значит, в предложение включена пресуппозиция о наличии акта речи, говорящего, момента речи, места, где находится говорящий и т.п.

Поскольку рема и тема предложения представляют собой два высказывания, между ними должна существовать каким-то способом выраженная семантическая связь. В приведенных выше примерах такую связь осуществляет скрыто выраженный анафорический элемент; ср. местоимение *это* в семантической записи вопроса (1) *"Известно, что Петр уехал в какое-то другое место; Каково это место?"*, ответной реплики (2) *"(Известно, что Петр уехал в какое-то другое место); Это место есть Киев"* и предложения (3) *"(Известно, что имеет место некоторое событие); это событие есть Холод"* и т.д. В содержании всех этих предложений присутствует также скрыто выраженный анафорический компонент в дейктических семантемах, входящих в высказывание: "тот человек, который нечто сейчас произносит", "тот момент, когда это произносится" и т.п.

Если учесть, что тема повторяет предшествующее высказывание, то появление подобных анафорических компонентов вполне естественно; их особенность лишь в том, что анафора в этих случаях выражена не лексически, а средствами, указывающими актуальное членение (интонация, порядок слов и др.).

Итак, актуальное членение есть результат того, что основная модальная рамка предложения распространяется лишь на часть заключенной в высказывании информации (рема). Оставшаяся часть (тема) всегда имеет свою отдельную (утвердительную) модальную рамку, поскольку представляет собой повторение прошлого утверждения, зачастую словесно не выраженного, опущенного вследствие самоочевидности (ср. скрытые утверждения о существовании человека по имени Петр, города Киев, говорящего субъекта, времени и места осуществления им речевого акта и т.п.).

Помимо асертивной части и пресуппозиции в предложении могут существовать и такие части, которые вообще не обладают какой-либо отдельной модальностью (диктальная часть высказывания). Так, в предложении (5) *Надо все ему рассказать* диктальный характер имеет предикат *рассказать*, который представлен словоформой, несомненно лишенной модальности (инфинитивом). В синонимичном ему сложном предложении (6) *Надо, чтобы ему все рассказали* лишенной какой-либо собственной модальности является уже целое придаточное предложение (в работе [Гулыга 1971] такие сложные предложения рассматриваются как мономодальные): оно охватывается модальностью "необходимости", так что форма сослагательного наклонения здесь не обозначает ни нереальности, ни проблематичности действия (как в условных предложениях), а лишь называет то событие, отношение к которому выражено в главной части. Некоторые исследователи отличают от условного наклонения, выражающего "предположительность", сослагательное наклонение, используемое в придаточных предложениях после модального слова в главной части: *Не думаю, чтобы он был здесь* [Виноградов 1947: 603].

2. Отношения производности между предложениями разных типов актуального членения

Наличие в предложении какой-либо пресуппозиции означает, что оно включает в свое содержание некоторое другое (прошрое) высказывание, т.е. семантически производно от него. Рассмотрим такие отношения производности, начав с наиболее элементарных предложений (содержащих наименьшее количество пресуппозиций). К ним, как представляется, можно отнести общевопросительные (общеотрицатель-

ные, общеутвердительные) предложения типа *Да – Нет (Ты там был? – Да, был / Нет, не был)*, сообщающие о существовании некоторого события [Распопов 1970].

В предложении (7) *Есть ли в группе студенты, которые бы имели пятерки?* вопросительная модальность охватывает лишь главную часть, придаточное же лишено собственной модальности – диктально, как и придаточное после модального слова в главной части сложного предложения типа (6). Действительно, придаточная часть в (7) не утверждает наличия события *иметь пятерки* (на что указывает форма наклонения) и, следовательно, не образует пресуппозиции (которая всегда представляет собой некоторое принятое за истину утверждение). Диктальным является статус придаточного и в ответе на данный вопрос (8) *Да, в группе есть студенты, которые имеют пятерки* (с логическим ударением на глаголе *есть*), несмотря на использование здесь изъявительного наклонения.

Действительно, если бы придаточное в (8) имело статус пресуппозиции, то при изменении модальности главной части сохранялась бы истинность утверждения, содержащегося в придаточном, однако этого не происходит: отрицательное предложение (9) *В группе нет студентов, которые бы имели пятерки* не утверждает наличия пятерок, как и не отрицает этого, т.е. имеет диктальный статус. Если бы придаточное в (8) охватывалось утвердительной модальной рамкой главного предложения, то при введении отрицания в главную часть придаточное также приобрело бы отрицательную модальность, однако этого не происходит: предложение (9) не означает того, что "в группе нет студентов и у них нет пятерок". Соответственно, и в утвердительном варианте (8) нет двух отдельных утверждений, поскольку тогда бы оно означало "Утверждается, что в группе есть студенты, и утверждается, что они (= все студенты группы) имеют пятерки"; на самом же деле здесь утверждается лишь наличие среди всех студентов группы некоторых отличников.

Рассмотрим в виде пояснения некий лингвистический курьез. В известной сказке В. Катаева говорится о девочке, которая заблудилась и потеряла купленные баранки, но приобрела волшебный "цветик-семицветик". Оторвав один лепесток, она загадала желание: *Хочу, чтобы я снова была дома с баранками*, и это желание осуществляется. С лингвистической точки зрения девочка совершает неосознанный обман: ей следовало бы оторвать два лепестка, так как предложение содержит два желаемых события: "быть дома" и "иметь баранки". Если в сказке "волшебная сила" такого обмана не замечает, то языковая система всегда реагирует на два и более предиката в предложении весьма однозначно: одна модальная рамка (любого типа) может охватить только один предикат. Если в семантической структуре предложения нет хотя бы скрытого повторения модальности (типа *Хочу, чтобы было А, и хочу, чтобы было Б* или *Утверждается, что есть А, и утверждается, что есть Б*), то один из предикатов выходит из сферы действия модальности: он либо остается диктальным, либо образует пресуппозицию. В приведенных выше примерах (7–9) пресуппозитивного статуса у придаточных несомненно нет, следовательно, они остаются лишенными собственной модальности (диктальными).

Обратимся теперь к предложению с двумя равномерными логическими ударениями (с подъемом тона в конце главной части и без эмфатического ударения на сказуемом *есть*): (10) *В группе есть, кроме того, студенты, которые имеют пятерки*. Здесь главная часть содержит сообщение "В группе есть студенты с некоторым (называемым далее) отличительным признаком", придаточное же представляет собой второе (последующее) утверждение, которое раскрывает этот признак: "этим отличительным признаком является наличие у данных студентов пятерок". В предложении (10) уже есть два отдельных, связанных последовательностью высказывания и, значит, две отдельных ремы, причем при переходе ко второму утверждению рема первого высказывания ("есть какие-то студенты") становится скрытой пресуппозицией (темой) второго высказывания ("эти студенты" или "они").

Равнозначной перифразировкой такого двуремного предложения (10) является высказывание типа (11) *Некоторые студенты в группе имеют пятерки*: неопреде-

ленное местоимение указывает здесь ремю первого скрытого сообщения (*некоторые студенты* = "В группе есть какое-то количество студентов с называемым далее отличительным признаком"), которая далее преобразуется в скрыто выраженную тему второй части ("эти студенты"); ремой же второй части сообщения ("эти студенты имеют пятерки") является группа сказуемого.

Подобным образом, предложения с обстоятельствами типа *однажды, в один прекрасный день, когда-то* всегда двуремны, т.е. содержат скрытое утверждение "существовал такой день, когда произошло называемое далее событие" и, кроме того, следующее далее утверждение, которое раскрывает, что именно произошло в этот день. Из сказанного следует, что предложения, в которых неопределенная именная группа как будто бы имеет функцию темы (типа *Один бедняк нашел клад...*), на самом деле в плане актуального членения представляют собой более сложную структуру: они содержат два сообщения и, следовательно, две ремы: неопределенная группа (*один бедняк*) представляет собой ремю первого сообщения ("Существовал бедняк"), которая в скрытом виде переходит в тему второго сообщения ("Он нашел клад"). Наличие в подобных высказываниях скрыто выраженной анафоры (как и в предложениях (2–3) выше) может служить веским аргументом в пользу гипотезы И. Беллерт [Bellert 1970] о том, что логический субъект всякого высказывания обязательно содержит определенную дескрипцию.

Скрытый, нелексический способ выражения перехода ремы в тему второго высказывания позволяет таким двуремным предложениям оставаться структурно простыми. В то же время наличие двух последовательно связанных утверждений не позволяет предложениям типа (11) *Некоторые студенты в группе имеют пятерки* или (12) *Один бедняк нашел клад* в целом иметь отрицательный вариант – как не может его иметь, например, и сверхфразовое единство типа *Жил-был бедняк. Однажды он нашел клад*. Действительно, отрицание первого утверждения сделало бы бессмысленным второе. Здесь допустим лишь одноремный отрицательный вариант (13) *В группе нет студентов, которые бы имели пятерки*; (14) *Не было такого бедняка, который нашел клад*. На первый взгляд, предложения (11), (12) не соотносятся также и с каким-либо вопросом [Арутюнова, Ширяев 1983]; они, действительно, не являются ответом на вопросы *Есть ли...? Кто...? Что...?* и т.п., требующие логического акцентирования одного из слов.

Однако можно полагать, что такие предложения отвечают на вопрос *Какое событие имеет место? Что происходит?* В утвердительных ответах на такой вопрос вся эксплицитная часть высказывания (за исключением тематических вкраплений) представляет собой ремю. Это может быть одна простая рема, как в предложениях *Холодно; Темнеет*, а также и сложная рема, т.е. две (и более) ремы, одна из которых скрыто переходит в тему второго высказывания, как в предложениях типа (11, 12). Примером многоремного высказывания может служить предложение (15) *Петр разбил чашку* (как ответ на вопрос *Что случилось?*), семантическая запись которого приблизительно такова: "(Как известно, имело место некоторое событие; оно заключается в том, что) некто нечто разбил; (то, что было разбито) есть чашка; (тот, кто разбил) есть Петр". Круглыми скобками в данной записи отмечены пресуппозиции каждого из последовательных утверждений, представленные в поверхностном предложении в скрытом виде; кроме того в этом предложении есть и эксплицитные тематические вкрапления, как, например, пресуппозиция существования человека по имени Петр и т.п.

Еще один, довольно любопытный, вариант актуального членения представлен отрицательными предложениями, в которых отрицанию подвергается вся эксплицитная часть высказывания; ср. некрасовскую строку (16) *Не ветер бушует над бором, Не с гор побежали ручьи...*, которая означает нечто вроде "Нет такого, [чтобы над бором бушевал ветер, а с гор побежали ручьи]", т.е. подразумевает, что имело место не то событие, которое названо, а какое-то иное. В отличие от утвердительного высказывания типа (15) *Петр разбил чашку*, в предложении типа (16), вследствие наличия отрицания, многоремности не возникает, поскольку переход ремы в тему следующей час-

ти возможен лишь на основе какого-то утверждения. По-видимому, в (16) вся лексически выраженная часть предложения имеет диктальный характер (это обозначено квадратными скобками).

Двуремные и многоремные предложения со словами типа *некоторый, некто, нечто* и т.п., в свою очередь, служат основой для семантически более сложных высказываний, представленных, например, местоименными вопросами (*Кто? Что? Где? Когда?*) и отвечающими на такие вопросы утвердительными предложениями. Так, вопрос (17) *Кто приехал?* и ответ на него (18) *Приехал Петр* включают в свое содержание пресуппозицию "как известно, некто приехал", и, следовательно, производны от этого двуремного предложения.

3. Актуальное членение в сложном предложении

Говоря об актуальном членении в структурно сложном предложении, следует учитывать, по отношению к какой модальной рамке определяется темо-рематический статус частей. В предложении (19) *Петр уверен, что родители все поймут* главная часть содержит скрыто выраженную утвердительную модальную рамку, непосредственно охватывающую сказуемое *уверен*, которое, таким образом, представляет собой рему первой части; подлежащее *Петр* составляет ее тему. Заданная в значении сказуемого *уверен* модальность охватывает в придаточной части сказуемое *поймут*, которое по отношению к этой модальной рамке является ремой второй части; подлежащее *родители* образует тему этого придаточного предложения. Здесь, таким образом, у целого сложного предложения нет какой-либо единой общей ремы (ср. иную концепцию актуального членения подобных сложных предложений в [ГСРЯ 1980: 487–488]).

В сложных предложениях с обстоятельственными придаточными (причины, времени, цели и т.п.) также существует тема и рема внутри каждой из частей предложения, однако в них есть кроме того семантически полноценный союз, который сообщает о наличии еще одного, скрыто выраженного, утверждения относительно существования причинной (временной и т.п.) связи двух событий. Так, предложение (20) *Петр сделал в диктанте несколько ошибок, потому что был невнимателен* (при равномерных фразовых ударениях в обеих частях) содержит ряд последовательных утверждений, причем рема каждого из них поочередно преобразуется в скрыто выраженную тему следующего утверждения: "(Петр) сделал несколько ошибок; (это событие) имело некоторую причину; (эта причина заключается в том, что он) был невнимателен". В таком – неэмфатическом – сложном предложении опять-таки нет какой-то единой ремы целого высказывания.

Иная картина – в сложных предложениях с эмфатическим ударением на одном из слов, как, например, в предложении (21) *Петр сделал в диктанте ошибки не потому, что был невнимателен*. Семантическая запись этого предложения такова: "(Как известно, Петр сделал ошибки, и у этого была причина; эта причина) заключалась не в том, что (Петр) [был невнимателен]". Здесь, по-видимому, уже можно говорить о наличии общей (контрастной) ремы у всего сложного предложения (она представлена сочетанием причинного союза с отрицательной частицей). Главная часть сложного предложения (21) представляет собой тему, содержащую ряд пресуппозиций (факт наличия в диктанте ошибок известен заранее). Придаточное же, скорее всего, имеет диктальный статус (что отмечено квадратными скобками): действительно, из данного высказывания еще неясно, был ли Петр действительно невнимательным (ясно лишь, что причина ошибок – не в этом), т.е. это событие не представлено ни как утверждаемое, ни как отрицаемое.

Точно так же в предложении (22) *В том, что родители все поймут, Петр не уверен* контрастной ремой всего сложного высказывания будет сказуемое в главной части. Придаточная же часть, хотя она и напоминает тему высказывания, скорее всего, имеет диктальный статус: в предложении (22) не содержится утверждения "родители все поймут" (поскольку в главной части, напротив, говорится о неуверенности субъ-

екта в этом отношении), и, следовательно, это сообщение не может выступать как пресуппозиция, т.е. как тема. При этом, поскольку придаточное предложение охватывается некоторой модальной рамкой ("неуверенность Петра"), в нем есть также и собственная (неконтрастная) рема *поймут*, которая непосредственно попадает под действие модальности "неуверенность", и есть своя тема (*родители*), стоящая вне данной модальной рамки: скрытое сообщение о существовании у Петра родителей представляет пресуппозицию.

Стоит напомнить, что даже в тематических частях сложного высказывания возможно вычленение некоторой "прошлой" ремы (и еще "более прошлой" темы), поскольку пресуппозиция есть какое-то предшествующее утверждение, которое охватывает лишь часть соответствующей пропозиции. Так, в предложении (23) *Раз уж Петр пришел, я с ним поговорю* придаточное имеет пресуппозитивный статус ("как известно, Петр пришел"); модальная рамка этого – как бы ранее сделанного – утверждения непосредственно охватывает сказуемое *пришел* (это рема предшествующего утверждения), представляя остальные компоненты этой части высказывания как известные из еще более раннего утверждения (как пресуппозицию самого этого пресуппозитивного высказывания). При этом собственно ремой целого сложного предложения (23) является главная часть, точнее – ее сказуемое (*поговорю*) [Гуревич 1998].

АКТУАЛЬНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ ВНУТРИ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ

1. Семантическое противопоставление глагола и существительного

Исследование пресуппозиций выявило определенные различия в статусе семантических компонентов значения слова, а именно, тот факт, что некоторые из семантических компонентов входят в ассертивную часть высказывания, т.е. охватываются основной модальной рамкой и, таким образом, являются тематическими элементами, тогда как другие компоненты образуют пресуппозицию (входят в тему) [Fillmore 1969]. Таким образом, в этом случае границы актуального членения проходят внутри лексического значения слова, входящего в высказывание. Рассмотрим такое "внутреннее" актуальное членение вначале на материале существительных с "предметным" (не абстрактным) значением.

Как известно, в предложении *Петр не холостяк* под действие отрицания попадает лишь один из компонентов значения существительного – "неженатый", остальные же компоненты ("человек", "взрослый", "мужского пола") образуют пресуппозицию (не подвергаются действию отрицания). Можно полагать, что это связано с самим строением лексического значения существительного. На уровне непосредственно составляющих в слове *холостяк* можно выделить два семантических компонента: признаковый (предикатный) компонент "неженатый" и предметный компонент "мужчина". В таком случае вполне естественно, что отрицание (и иная модальность) охватывает именно предикатную часть лексического значения, не затрагивая предметную часть.

Как видим, при компонентном анализе предметное значение ("холостяк") предстает уже как двойственное, предметно-признаковое (субъектно-предикатное), т.е. часть компонентов на глубинно-семантическом уровне оказывается "непредметной". В свою очередь, семантема "мужчина", составляющая предметную часть значения в слове *холостяк*, при анализе также расчленяется на предметный компонент "человек" и предикатные "взрослый, мужского пола". И опять-таки лишь эти предикатные компоненты могут взаимодействовать с модальностью высказывания, тогда как компонент "человек" сохраняет статус пресуппозиции: *не мужчина* может означать либо (а) "(взрослый человек) не мужского пола" (ср. *не мужчина, а женщина*), либо (б) "(человек мужского пола) не взрослый" (ср. *не мужчина, а совсем еще мальчик*).

Нетрудно убедиться далее, что и семантема "человек" также представляет собой соединение предметного компонента ("физический объект") и признакового ("одушевленный, обладающий разумом" и т.д.). Само понятие "предмет" (так сказать, по-

следняя инстанция "предметности" в значении существительных) можно истолковать как "нечто имеющее формы, размер, границы и т.п.", т.е. снова как предметно-признаковую семантему, в которой вполне осязаемой частью являются признаковые компоненты, тогда как предметная часть ("нечто") становится уже весьма размытой.

Если мы далее зададимся вопросом *Что такое это "нечто"?*, этот вопрос будет означать "Каковы признаки этого *нечто*?", иными словами, мы и в этой, последней из предметных семантем стремимся выделить какие-то признаковые компоненты. Такова, видимо, особенность нашего мышления, что мы членим всякое "предметное" понятие на "предмет" и "признак". При этом даже при такой полной неопределенности предметного компонента, как "нечто" в приведенном толковании, он все же обязательно присутствует в значении всякого предметного существительного, которое, следовательно, не является набором одних только признаковых компонентов [Russel 1920], как не является и чисто предметным понятием.

Такая двойственная – предметно-признаковая (субъектно-предикатная) – основа значения существительного традиционно фиксируется в словарных толкованиях типа "предмет, который...", "вещество, характеризующееся..." и т.п. Выявлению этой структуры не препятствует и возможная неясность содержания признаковой части в значении многих существительных, которая приводит некоторых авторов к отрицанию членности такого рода значений на какие-либо компоненты [Шмелев 1973]. Так, говоря *Это не осина*, мы подвергаем действию отрицания некий неясный для неспециалиста набор признаков, отличающих это дерево от других, не затрагивая при этом предметную часть значения ("дерево" или, шире, "предмет"), входящую в пресуппозицию.

При анализе глагольной семантики мы снова обнаруживаем как предикатные, так и предметные компоненты. Так, значение глагола *плавать* сводится к компонентам "перемещаться в воде с помощью конечностей тела" (уже здесь обнаруживаются непредикатные компоненты "вода", "конечности", "тело"); далее *перемещаться* можно свести к компонентам "находиться в некоторой точке в некоторый момент времени" и "находиться в иной точке в следующий момент". Рассмотрим теперь в плане компонентного анализа значение "находиться (быть) где-л."

Учитывая, что такое значение имеет осязаемый смысл лишь в сочетании с каким-то адвербиальным конкретизатором (*находиться внутри чего-л. / рядом с чем-л. / вдали от чего-л.*), возьмем для анализа вариант "находиться непосредственно рядом (в физическом контакте) с чем-л.", заменив далее это выражение для простоты глаголами *границить*, *соприкасаться*. Предложение *Франция граничит с Испанией* означает "Граница (точнее – одна из границ) Франции совпадает с границей (= одной из границ) Испании". Нетрудно видеть, что на более глубинном уровне анализа значение глаголов *границить*, *соприкасаться* сводится к предметно-признаковой (субъектно-предикатной) структуре: "Граница... совпадает..."

Тот же тип строения значения можно обнаружить и у многих других глаголов. Так, *моргает* означает огрубленно "ресницы двигаются"; *кивает* = "голова двигается", *улыбается* = "губы двигаются", *вибрирует*, *дрожит* = "частицы объекта движутся туда и обратно", *моросит* = "водяные капли движутся с неба на землю" и т.д. Впрочем, у многих глаголов эта семантическая структура обнаруживается лишь на достаточно глубоком уровне анализа; в частности, различные глаголы движения приходится сначала свести к глаголу *быть (находиться) где-л.*, анализ которого далее и выявляет субъектно-предикатное строение значения.

Как видим, значение (предметного) существительного и глагола в принципе имеют одну и ту же субъектно-предикатную (предметно-признаковую) основу, аналогичную структуре предложения. Действительно, одна и та же ситуация описывается предложением *Граница... совпадает с границей...*, глаголом *соприкасаться*, словосочетанием *общая граница* и существительным *стык* (выражение *на стыке X и Y* означает "на их общей границе"). Рассмотрим теперь, за счет чего возникает несомненно осязаемое противопоставление "предметности" значения существительного и "событийности"

глагола. Формально-грамматические характеристики здесь, естественно, не могут служить критерием; ср. замечание А.И. Смирницкого (со ссылкой на Л.В. Щербу) о том, что "существительное является существительным не потому, что оно склоняется, а, наоборот, оно склоняется потому, что является существительным" [Смирницкий 1959: 102].

Для дальнейшего описания требуется напомнить сказанное выше о предложениях нерасчлененных, целиком рематических (часто – многоремных), отвечающих на вопрос *Что происходит? Какое событие имеет место?* Таковым, в частности, является предложение типа (24) *Над бором бушует ветер* (как ответ на вопрос: *Какая здесь сейчас погода?*), в котором весь лексический состав представляет собой рему. В отрицательном варианте такого предложения, проиллюстрированном выше строкой из Некрасова (16) *Не ветер бушует над бором...*, как уже говорилось, действие отрицания распространяется на весь состав высказывания, а не на какой-либо один член предложения: "Нет такого, [чтобы над бором бушевал ветер]".

Обратимся теперь к предложениям типа (25) *Моросит*, которые при семантическом анализе сводятся к субъектно-предикатной структуре "с неба на землю падают водяные капли". Поскольку в предложении (25) событие обозначено одним словом, все компоненты значения этого слова-предложения попадают под действие модальности утверждения, т.е. мы имеем дело с нерасчлененным, целиком рематическим высказыванием. Соответственно, в отрицательном варианте (26) *Не моросит*, означаемом "Нет такого, [чтобы с неба падали капли]", под действие отрицания опять-таки попадают как предикатный компонент ("падают"), так и субъектный ("капли"), составляющие значение глагола *моросить*.

Подобно этому, выражения *не соприкасаются, не граничат* (в отношении неких X и Y) означают "Нет такого, [чтобы граница (X) совпала с границей (Y)]". Таким образом, из анализа глаголов типа *соприкасаться, граничить, находиться где-л.*, очевидно, можно сделать более общий вывод о том, что, присоединяя отрицание к любому глаголу, мы отрицаем называемое глаголом событие целиком, так что глубинная субъектно-предикатная структура значения выступает в этом случае как нерасчлененная, целиком рематическая.

Напомним, что наличие пресуппозитивных вкраплений не меняет этого типа актуального членения, как и в поверхностных предложениях. Так, если истолковать *улыбнулся* как "губы раздвинулись", то *не улыбнулся* будет означать "не было такого, [чтобы (губы) раздвинулись]"; несмотря на пресуппозитивный (тематический) статус компонента "губы" (в ситуации заранее известно, что тот, кто улыбнулся, имеет губы), в предложении *Он не улыбнулся*, где глагол-сказуемое представляет рему, под отрицание попадают как предикатный компонент "раздвинуться", так и субъектный компонент "губы".

Если теперь вернуться к сопоставлению значений существительного (например, *стык*) и совпадающего с ним по компонентному составу глагола (*соприкасаться, граничить*), то можно сделать вывод о том, что в существительном одна часть значения (предметный компонент) всегда образует пресуппозицию (тему), другая (предикатная) входит в ассерцию (рему), тогда как в глаголе в рему попадают оба эти компонента, подобно тому, как это происходит в поверхностных нерасчлененных на тему и рему предложениях типа *Моросит*. Представляя одну и ту же ситуацию, глагол и существительное придают ей разные ракурсы, производят разные логические акцентировки. Вследствие пресуппозитивного статуса предметного компонента существительное воспринимается как обозначающее "предмет, который имеет некоторые признаки" (*стык* = "общая граница"). Глагол же (*граничить, соприкасаться*) обозначает целое событие (в данном случае – ситуацию, в которой "границы совпадают"), поскольку и предметный, и предикатный компоненты его значения представлены в равных статусах (оба входят в рему). В этом плане указанный глагол по своему семантическому устройству в большей степени, чем существительное, сходен с предложением – субъектно-предикатной структурой, также называющей целое событие.

Некоторую аналогию с этим различием значений можно обнаружить в паре слов типа *водопад* и *снегопад*, имеющих формально одинаковую словообразовательную структуру. Первое означает "воду, которая падает", т.е. воспринимается как обозначение некоторого материального объекта (вещества) с некоторыми дополнительно указанными признаками. Второе воспринимается уже как обозначение события "снег падает" ("процесс выпадения снега"), т.е. как семантическая структура, в которой и субъектный, и предикатный компоненты представлены как одинаково "центральные", одновременно входящие в ассертивную часть. Именно поэтому возможно сочетание *подойти к водопаду* (но не *подойти к снегопаду*) и, напротив, *во время снегопада* (но не *во время водопада*).

Итак, семантика глагола и имени, при общности глубинно-семантической структуры (предметно-признаковой, субъектно-предикатной), противопоставляется по типу "внутреннего" актуального членения, т.е. по модальному статусу компонентов значения. Существительное имеет темо-рематическое строение значения, причем в теме всегда оказывается предметный (на данном уровне НС-анализа) компонент. Глагол же устроен как нерасчлененное на тему и рему, целиком рематическое высказывание, в котором и предметный, и предикатный компоненты одновременно входят в рему.

Речь, разумеется, идет лишь о **потенциальном** актуальном членении, поскольку мы описываем значение номинативных единиц, а не предложений; устройство значения слова как бы заранее указывает, какие части значения войдут в модальную рамку или в пресуппозицию при использовании слова в любом конкретном высказывании. Такое своеобразное объединение конкретно-речевых и системно-языковых явлений в понятие "потенциальное актуальное членение" не будет нас смущать как нечто логически противоречивое, если учесть, что столь же потенциально и указательное значение дейктических слов типа "я", "ты", "сейчас", "здесь", "этот": оно бесспорно ориентировано на какой-то конкретный (любой возможный) речевой акт и при этом принадлежит не собственно речи, а системе языка, будучи "заранее" закреплено в семантике данных слов. В связи с этим вряд ли следует рассматривать актуальное членение как некое "наращение" на системно-языковые единицы, возникающее лишь при функционировании языка, т.е. как нечто принадлежащее речи, а не системе языка. Вполне обоснованно введенное Соссюром противопоставление "язык – речь", по-видимому, все еще требует более глубокого теоретического осмысления.

Стоит также отметить, что, как можно видеть из вышеизложенного, противопоставление понятий "предмет" и "признак (действие)", представляющееся нам естественным отражением фундаментальных различий в самой действительности, на самом деле скорее обусловлено особенностями устройства нашего языка и мышления. Семантический анализ показывает справедливость наблюдения Э. Бенвениста о том, что "противопоставление "процесса" и "объекта" не может иметь в лингвистике ни универсальной силы, ни единого критерия, ни даже ясного смысла... Такие понятия не воспроизводят объективных свойств действительности... Это не свойства, внутренне присущие природе" [Бенвенист 1974: 168].

2. Различение средствами актуального членения употреблений слова, "оттенков" значения и значений слова

Рассмотрим возможные акцентировки компонентов значения "передвигаться в воде", выражаемого глаголом *плавать*. Предложение (27) *Птицы не плавают, а летают* означает "Птицы (передвигаются) не в воде, а в воздухе"; здесь компонент "передвижения" в значении глагола образует пресуппозицию (входит в тему высказывания, что обозначено круглыми скобками), в рему же попадает компонент "среда, в которой происходит передвижение". В предложении (28) *Что же ты не плаваешь?*, которое означает "Почему (ты) не передвигаешься, (находясь в воде)", в рему попадает сам компонент "передвижения", а компонент "среда" образует пресуппозицию. При этом

сам состав компонентов глагольного значения в этих разных употреблениях слова одинаков.

Если в приведенных примерах иллюстрировались лишь какие-то различия в употреблении глагола *плавать*, то в некоторых других случаях различия в рематизации компонентов могут создавать уже разные "оттенки значения" слова [Апресян 1974]. Рассмотрим в этом плане глагол *стоять* означающий "находиться где-либо, имея вертикальное положение". Предложение *Суп такой густой, что ложка в нем стоит* означает "(находясь в супе) ложка не падает"; здесь в рему попадает компонент "иметь вертикальное положение", тогда как компонент "находиться где-л." составляет пресуппозицию. В предложении *Цветы стоят в вазе* в рему попадает компонент "находиться где-л.", тогда как компонент "иметь вертикальное положение" входит в тему (сохраняется, но не акцентируется). Эти различия уже, очевидно, можно интерпретировать не просто как разные употребления, а скорее как разные подзначения (оттенки значения) слова.

На том же принципе акцентирования разных компонентов (при сохранении компонентного состава значения) основаны и **метонимические переносы**. Так, в прямом значении существительное *стакан* обозначает "(сосуд, вмещающий некоторое количество жидкости), стеклянный, без ручки, цилиндрической формы"; рематический статус трех последних компонентов достаточно ясно обнаруживается в противопоставлении *не стакан, а чашка*. В переносном значении *выпить стакан воды* рематическим становится уже компонент "количество вмещаемой жидкости", тогда как остальные компоненты ("сосуд без ручки, стеклянный, цилиндрический") уходят в пресуппозицию (хотя и сохраняются в содержании слова): ср. *не стакан, а полстакана*, где отрицание затрагивает именно количественный компонент.

Та же смена логических акцентов внутри значения слова при сохранении компонентного состава характеризует и иные типы метонимических сдвигов: ср. *Москва* как название столицы государства и как название государства с такой столицей (*Москва заявляет...*); *золото* как материал, из которого делаются украшения, и как изделие из этого материала (*весь в золоте*); *Бородино* как название села, связанного с известной битвой, и как название самой битвы (*день Бородина*); *дорога* как место передвижения и как сам процесс передвижения (*в дороге*); *поворот* как "изменение направления движения в некотором пункте" и как "тот пункт, где меняется направление движения"; *свисток* как действие с использованием некоторого орудия и как орудие такого действия; *обращение (к кому-то)* как действие и как те слова, с которыми кто-то обращается к кому-то и т.п.

Как известно, существуют также **синонимические пары**, различающиеся лишь по ремо-тематической организации компонентов значения [Fillmore 1969], как, например, в паре *обвинять* и *критиковать*: *Я вовсе не обвинял вас в таких действиях* означает "Я не говорил, что вы совершили такие действия (которые, как известно, оцениваются отрицательно)"; *Я вовсе не критиковал вас за ваши действия* означает "Я не говорил, что (те действия, которые вы, как известно, совершили) **оцениваются отрицательно**" (наиболее существенный рематический компонент выделен жирным шрифтом).

3. Переносные употребления временных форм глагола

Рассмотрим случаи употребления настоящего времени глаголов речи в значении прошедшего – например, *Аристотель говорит, что...* (= *Аристотель сказал...*). Глагол *говорить-сказать* означает "произнести нечто, имеющее некоторое содержание для того, чтобы сделать это содержание известным другому лицу". В предложении *Я этого не говорил* в рему попадает компонент "не произносил"; в предложении *Почему ты мне об этом не сказал?* рематизируется компонент "не сделал известным" и т.д. Предложение *Что говорит об этом Аристотель?* означает "**Каково содержание** (того, что некогда произнес на этот счет) Аристотель?" Здесь, как видим, в рему попадает компонент "иметь содержание", который не связан с каким-либо конкретным

временем (содержание сказанного сохраняется и сейчас), в связи с чем и становится возможным употребление формы настоящего времени.

При этом действие, названное в пресуппозитивной части ("некогда произнес"), несомненно относится к прошлому: таким образом, в содержании данного предложения одновременно представлено два времени – настоящее и прошедшее, охватывающие два разных предиката, что и создает представление об употреблении формы настоящего в значении прошедшего. Отметим, что использование в аналогичном английском предложении (*What does Aristotle say about it?*) простой формы настоящего времени вместо длительной формы обусловлено именно тем, что в рему попадает компонент ("иметь содержание"), не обозначающий какого-либо длящегося процесса.

4. Перформативное употребление глаголов

К перформативным относят обычно глаголы волеизъявления *просить, требовать, возражать, клясться, обещать*, которые в 1 л. ед. ч. наст. времени не просто описывают действие, но и осуществляют тот акт, который обозначен глаголом [Austin 1962]. Действительно, произнеся *Клянусь! Обещаю! Я протестую! Прошу вас...*, мы тем самым уже осуществили акт клятвы, обещания, протеста, просьбы и т.п. Рассмотрим, за счет чего возникает в этих предложениях эффект перформативного употребления.

Глаголы типа *просить, возражать* и т.п. означают "говорить о своем желании (нежелании) совершения какого-то события", т.е. содержат два предикатных компонента ("говорения" и "желания"), которые могут по-разному акцентироваться в разных употреблениях. Предложение *Я не просил вас этого делать* означает "Я не говорил о том, что хочу, чтобы вы это сделали"; здесь в реме оказывается речевой компонент, и перформативного эффекта не возникает. Предложение *Я прошу вас это сделать* означает "(Я говорю сейчас о том, что) хочу, чтобы вы это сделали". Здесь уже есть "перформативный" эффект (акт просьбы состоялся), который возникает вследствие того, что в этом случае в рему попадает компонент "желания" (в связи с этим в соответствующем английском предложении глагол используется в простой, а не длительной форме настоящего времени). Компонент "говорения" при таком употреблении уходит в пресуппозицию; в частности, он не затрагивается модальностью при введении отрицания: в варианте *Я не прошу вас этого делать* сохраняется истинность того факта, что "Я сейчас нечто произношу". Пресуппозитивный статус речевого компонента в подобных предложениях вполне естественно обусловлен употреблением в 1 л. настоящего времени: нет смысла вводить в утверждение сообщение "я сейчас нечто произношу" в ситуации, когда об этом информирует уже само звучание речи.

Важно отметить, что перформативный эффект возникает лишь у глаголов, имеющих в своем значении оба компонента – "говорения" и "желания / нежелания". Действительно, в предложении (29) *Я хочу, чтобы вы это сделали*, в отличие от (30) *Я прошу вас это сделать*, перформативного эффекта нет, поскольку в глаголе *хотеть* нет речевого компонента; за вычетом указанного отличия, предложения (29) и (30) фактически синонимичны. Нет перформативного эффекта и в русском предложении *Я согласен (не согласен)...*, поскольку прилагательное не включает речевого компонента, – в отличие от английского *I agree (disagree)*, где есть перформативность, поскольку значение глагола уже содержит как компонент "желания", так и компонент "говорения".

5. Актуализация компонентов и глагольный вид

Как известно [Wierzbicka 1968], форму совершенного вида (СВ) в русском языке имеют лишь те глаголы, в значении которых содержится компонент "предельности действия", т.е. начала (или конца) какого-то состояния: так, *прийти* означает "начать находиться где-л.", *уйти* = "перестать находиться", *приобрести* = "начать иметь", *потерять* = "перестать иметь", *создать* = "сделать так, чтобы нечто начало существовать", *уничтожить* = "сделать так, чтобы нечто перестало существовать" и т.д. Под-

черкнем, что "начинательность" является компонентом лексического значения слова, т.е. она присутствует в содержании предельного глагола и в форме несовершенного вида (НВ) и лишь как-то здесь затушевана. Естественно, что у глаголов непредельных (не содержащих компонент "начало / конец состояния") типа *спать, сидеть, стоять, ждать, работать, жить, любить* не может быть и чисто грамматической (парной) формы совершенного вида.

Рассмотрим семантику противопоставленных видовых значений на примере чистовидовой пары *строить-построить*. Предложение *Стройшь ли ты дом?* означает: "Производишь ли ты действия (с целью, чтобы в результате этих действий возник дом)?" Здесь в основную модальную рамку предложения (в рему) попадает компонент "производить действия": именно он охватывается вопросительной модальностью и соотносится с настоящим временем. Второй же компонент ("возникновение дома"), оказывается вне ремы: он не охватывается вопросительной модальностью, поскольку содержит собственную целевую модальность ("с целью, чтобы возник"), и не относится к настоящему времени (возникновение дома ожидается в будущем). Вследствие такого акцентирования процессного компонента в содержании глагола форма НВ представляет действие как незаконченный, длящийся процесс.

Иная ситуация в предложении с глаголом СВ *Построил ли ты дом?*, которое означает: "Возник ли дом (в результате произведенных тобой действий)?" Здесь рематическим оказывается предельный компонент "возникновение (= начало существования) объекта": именно он охватывается модальной рамкой высказывания (вопросительной) и его временной рамкой (прошедшее время). Вследствие такой акцентировки компонента "начало" в значении глагола действие представлено как завершенное, достигшее предела (цели, результата и т.д.). При этом каузативный компонент "производить действия с некоторой целью" несомненно сохраняется в значении глагола в форме СВ, однако он стоит вне основной модальной рамки. Можно полагать, что каузативный компонент в содержании СВ не образует пресуппозицию, а имеет диктальный статус: действительно, предложение типа *Ты еще не построил ни одного дома* не подразумевает, что какие-либо строительные действия в прошлом уже производились.

Таким образом, в лексическом значении глагола в обеих видовых формах (*строить и построить*) обнаруживаются одни и те же семантические компоненты: каузативный компонент ("осуществление некоторых действий") и "результативный" компонент ("начало существования объекта в результате этих действий"), и, следовательно, лексическое значение этих глаголов одинаково. Различия касаются лишь актуального членения внутри глагольного значения: совершенный вид указывает, что в рематическую (ассертивную) часть значения попадает предельный компонент (начало или конец некоторого состояния), что и создает представление о законченности действия; несовершенный вид указывает, что предельный компонент не актуализуется, т.е. что в рему попадает какой-то иной компонент (в данном случае – обозначение длительного процесса).

Предложение с глаголом НВ в общефактическом значении *Строил ли ты когда-нибудь дом?* означает "Было ли когда-либо такое, [чтобы ты строил дом]?" или, что то же, "Был ли в прошлом такой момент, [когда бы (ты) совершал действия с целью, чтобы возник дом]?". В этом случае в рему входит сообщение о наличии в прошлом какого-либо момента, с которым соотносится данное действие. При этом собственно глагольное значение целиком оказывается вне ремы (и имеет диктальный статус), в результате чего предельный компонент опять-таки не актуализуется; однако здесь нет и актуализации каузативного компонента ("совершать действия..."), как при конкретно-процессном (актуально-длительном) значении НВ.

Отметим, что различия в актуализации компонентов сохраняются в видовой паре и тогда, когда глагол целиком входит в тему (пресуппозицию) высказывания. Пресуппозиция есть некоторое предшествующее утверждение, повторяемое в данном предложении, и модальная рамка этого (прошлого) утверждения также охватывает ту или иную часть глагольного значения. Так, предложение *Кто строил этот дом*

включает пресуппозитивное утверждение "Некто строил дом", в котором актуализован каузативный компонент; предложение *Кто построил этот дом?* включает пресуппозицию "Некто построил этот дом", в которой утвердительная модальность охватывает компонент "начало существования объекта".

Таким образом, в общем плане для выбора видовой формы несущественно, входит ли сам глагол в данном предложении в рему или в тему целого высказывания. Однако выражаемое формой вида "внутреннее" актуальное членение (в пределах значения глагола) так или иначе взаимодействует с "внешним" (с членением на тему и рему целого высказывания), что может приводить к некоторым добавочным семантическим эффектам. Рассмотрим эти эффекты отдельно для двух указанных выше типов актуального членения высказывания: 1) предложения, в которых рема представлена самим сказуемым (тип *Было ли...? – Да / Нет*) и 2) предложения, в которых рему образуют другие члены предложения (тип *Где? Что? Когда? Какое событие?* и т.п.).

Предложение первого типа при использовании глагола НВ просто сообщает о наличии / отсутствии действия в прошлом, точнее – о наличии в прошлом момента, с которым было бы связано данное действие: ср. (31) *Вы читали эту статью?* При использовании глагола СВ такое предложение всегда подразумевает **ожидаемость** данного действия [Рассудова 1968]: действительно, вопрос (32) *Вы прочитали эту статью?* звучит естественно лишь в том случае, если адресат вопроса должен был или собирался прочитать статью: то же относится и к утвердительному или отрицательному предложению (*Да, прочитал; Нет, не прочитал*). Таким образом, предложения данного типа с глаголом СВ содержат пресуппозицию "предполагалось, что в некоторый момент будущего событие будет иметь место" и сообщают о том, наступило ли (началось ли) это событие в указанный (определенный) момент.

Разумеется, предложения с НВ также могут использоваться в ситуации, где данное действие заранее ожидается, например: (33) *Помните, я дал вам почитать свою статью? Вы читали ее?* Однако в этом случае ожидаемость действия выражена в предшествующем контексте (в фоновой части высказывания), а не в самом глаголе-сказуемом, как в предложении (32) с формой СВ. Использование глагола НВ в предложении (33) может быть вызвано именно стремлением не допустить выражения смысла "я ожидал, что вы читаете", т.е. смягчить ту требовательность, которая была бы выражена в предложении при употреблении формы СВ. Важно отметить также и невозможность обратного явления, т.е. использования глагола СВ в сказуемом- реме, когда ситуация исключает какую-либо "ожидаемость" события; ср. контексты типа *Вы меня вызывали? – Да, вызывал, садитесь или Интересно, что нового у Петра: он звонил тебе на этой неделе? – Нет, не звонил*. Вследствие таких существенных содержательных различий, связанных с употреблением видовых форм (наличие / отсутствие пресуппозиции ожидаемости), в отношении предложений данного типа вряд ли можно говорить о возможности взаимозамены видов.

Одним из следствий эффекта "ожидаемости" при употреблении формы СВ в сказуемом- реме является невозможность использования здесь глаголов непреднамеренного (и потому неожиданного) действия. Действительно, вопросительные предложения типа *Ты потерял мою книгу? Ты ушибся?*, несмотря на акцентированность сказуемого, представляют иной тип актуального членения: это не вопрос типа "Состоялось ли событие?", а вопрос типа "Какое событие имело место?", т.е. "Потерял ли ты книгу или порвал, или отпал кому-либо?". Вопрос же с частицей *ли* (который соответствует именно первому типу актуального членения) звучал бы в данной ситуации странно: предложение *Потерял ли ты мою книгу?* означало бы нечто вроде "(Я ожидал, что потеряешь); совершилось ли это?".

Рассмотрим теперь, с чем может быть связано возникновение добавочного пресуппозитивного значения ожидаемости при использовании СВ в таких предложениях. Предложение (34) *Проснулся ли ребенок?* можно представить в следующей семантической записи: "Началось ли (в указанный момент у ребенка состояние бодрствования)?" Здесь вопросительная модальность охватывает лишь семантему "начало", тог-

да как отмеченная скобками пресуппозитивная часть содержит повторение чего-то, о чем уже как бы говорилось ранее. Что же могло говориться ранее о "состоянии бодрствования", если еще неизвестно, имеет ли оно место в данный момент? Очевидно, не то, что оно существует или существовало, а только то, что наступление такого состояния ожидается (ожидалось) в некоторый момент будущего; семантическая запись предложения (34) такова: "Ранее ожидалось, что в некоторый момент у ребенка наступит состояние бодрствования; Наступило ли это состояние в указанный момент?".

Предложение с формой НВ (35) *Просыпался ли мальчик ночью?* означает "Был ли (в течение ночи) такой момент, [когда бы (у ребенка) началось состояние бодрствования?]". В этом случае нет пресуппозиции существования какого-либо выделенного (= определенного) момента – об этом еще лишь спрашивается в самом предложении. Нет здесь и пресуппозиции ожидаемости события в некоторый момент будущего, как в предложении (34) с глаголом СВ. По-видимому, пресуппозиция ожидаемости может возникнуть лишь при определенности (известности) момента времени, с которым соотносится начало состояния, поскольку в этом случае сообщение о таком моменте всегда образует пресуппозицию (тему), и в рему неизбежно попадает сам компонент "начало (состояния)". В предложениях же с глаголом НВ в общефактическом значении ситуация противоположная: момент всегда остается неопределенным, т.е. он сам занимает позицию ремы, выводя другие компоненты за пределы ассертивной части.

Обратимся теперь ко второму типу высказываний, в котором рема представлена не самим сказуемым, а другими членами предложения (в том числе, и вместе со сказуемым). Таковы предложения, отвечающие на вопросы *Кто? Что? Где?* Сюда же относятся и предложения, отвечающие на вопрос *Какое событие имело место?*, в которых рема охватывает либо все предложение целиком (например: *Что случилось? – Петр разбил чашку*), либо сказуемое вместе с каким-то другим членом предложения: ср. *Что было потом? – Потом пришел Петр* (рема выделена жирным шрифтом).

Предложения этого типа содержат пресуппозицию "известно, что некоторое событие имело место", так что вопрос (отрицание или утверждение) касается лишь обстоятельств осуществления этого (несомненно происшедшего) события. В этом случае уже нередко становится возможной взаимозамена видовых форм. Действительно, высказывания (25) *Кто построил этот мост?* и (26) *Кто строил этот мост?* оказываются весьма близкими по смыслу, поскольку они отражают (хотя и с определенными видовыми отличиями) одну и ту же ситуацию: "Мост построен".

Следует впрочем подчеркнуть, что в предложении (25) возникновение результата ("мост построен") непосредственно выражено формой совершенного вида, тогда как в (26) эта информация находится за пределами высказывания: она может быть известна из ситуации, но никак не выражена в самом предложении. Поэтому вопрос типа (26) *Кто строил этот мост?* в принципе допустим как в ситуации "Мост построен", так и в ситуации "Мост строили, но не закончили" (в последнем случае замена на СВ, естественно, становится невозможной).

Видовой замене в предложениях второго типа актуального членения способствует не только общность пресуппозиции "событие имело место", но и тот факт, что сказуемое в них не является ремой, а потому при употреблении глагола СВ здесь не возникает добавочной пресуппозиции "ожидаемости события", которая препятствует взаимозамене видов в предложениях первого типа. Однако значение видовых форм полностью сохраняется, поэтому там, где предельный компонент достаточно ясно актуализируется с помощью контекстных средств, замена СВ на НВ становится недопустимой: ср. *Сколько мостов ты уже построил?* (= сколько уже существует?); *Зачем ты построил такой маленький дом?* (= дом получился маленьким); *Где ты купил розы в такое время?* (= сумел добиться результата). Замена становится возможной лишь в достаточно "нейтральных" контекстах, т.е. там, где нет явного акцентирования предельного или каузативного компонента: *Кто перевел / переводил сонеты Шекспира?*; *Где ты купил / покупал свою машину?*

Нередко одна из видовых форм оказывается предпочтительней благодаря тому, что акцентирование одного из компонентов глагольного значения скрыто выражено в более широком контексте. Ср. *Откуда у тебя эта книга?* – *Мне ее брат купил* (= "она у меня появилась благодаря брату"); *Сколько стоит эта книга?* – *Не знаю, ее брат покупал, спроси его* (= "брат занимался процессом покупки"); *Покажи, как ты перевел этот текст* (= "что получилось в результате"); *У тебя нет даже словаря! Как же ты переводил текст?* (= "как ты занимался переводом, если нет словаря?").

Возвращаясь снова к эффекту "ожидаемости события", отметим, что эта пресуппозиция возникает в предложениях любого типа актуального членения, если глагол СВ употреблен с отрицанием. Отрицание всегда рематизирует компонент "начала" в значении формы СВ и тем самым выводит остальные компоненты – включая и сообщение о моменте времени – в пресуппозитивную часть, что, в свою очередь, как уже говорилось, создает пресуппозицию ожидаемости. Так, предложение *Я поскользнулся, но не упал* означает: "(в следующий момент, в который ожидалось падение, оно) не наступило"; *Не бойся, я не упаду* опять-таки подразумевает "ты думаешь, что в какой-то момент я упаду"; *Смотри, не выброси эти бумаги* означает "(может случиться, что выбросишь); я этого не хочу" (в отличие от *Не выбрасывай эти бумаги*, где нет опасения относительно случайной возможности события); *Я пересяду от окна: не хочу простудиться* означает "(может случиться, что простужусь); я этого не хочу"; *Неужели я не имею права сказать то, что думаю?* подразумевает "хочу / должен сказать" (в отличие от *не имею права говорить*); *Очень интересный случай. Надо не забыть рассказать это коллегам* означает "(могу забыть); надо, чтобы этого не произошло".

Скрытая ожидаемость явно ощутима и в ряде случаев использования формы СВ без отрицания – в частности, там, где наиболее обычным (без добавочных пресуппозиций) является употребление глагола НВ. Так, многократные действия, как правило, обозначаются глаголом НВ: *Он любит шутить / читать / гулять по городу*. Однако в предложении с глаголом СВ *Он любит пошутить / почитать перед сном / погулять вечером по городу* присутствует уже дополнительный смысл "при случае", т.е. "когда (если) есть возможность (желание) пошутить"; последнее выражение содержит скрытую пресуппозицию "иногда бывает такой момент, когда можно (нужно)...". Таким же образом, предложение с СВ *Он странный человек – никогда не улыбнется, не поздоровается* подразумевает "когда (т.е. в тот момент, когда) это можно или нужно сделать" и т.д.

Итак, глагольный вид представляет собой особый способ указания актуального членения внутри значения глагола, которое осуществляется с помощью грамматической формы глагола. Различные семантические эффекты, возникающие при употреблении видов в предложениях того или иного типа актуального членения, обусловлены именно тем, что вид есть как бы лишь разновидность одного общего явления – членения на рему и тему. Обратим также внимание на то, что рематизация предельного компонента в значении глагола может осуществляться и без использования формы СВ, а с помощью чисто контекстуальных средств. Это имеет место в условиях "нейтрализации" видового противопоставления, в частности, при обозначении многократности действия ([Маслов 1948]: в зависимости от контекстных уточнителей глагол НВ может обозначать здесь как незавершенный процесс (*Он всегда подолгу решает такие задачи*), так и достижение результата (*Он всегда правильно решает такие задачи*). Предельный компонент актуализуется в форме НВ также и при употреблении глагола в настоящем историческом (*Ученик подходит к доске, быстро решает задачу и садится на место*), поскольку в этом случае контекст указывает на последовательную смену моментов, в каждый из которых возникает некоторое новое состояние.

Естественно, что для одновидовых глаголов НВ (*спать, ждать, любить* и т.п.) подобное употребление для обозначения завершенного действия оказывается невозможным, поскольку их лексическое значение не содержит предельного компонента, который мог бы быть акцентирован какими-либо контекстными (или иными) средствами.

6. Актуализация и лексическая сочетаемость

Особенности акцентировки компонентов лексического значения влияют на сочетаемость слова: компонент, не входящий в рему, как правило, утрачивает возможность реализовать свои сочетаемостные свойства (перестает взаимодействовать с окружающим контекстом). Несомненно различается, например, сочетаемость видовых форм глагола, хотя состав компонентов в значении слова остается неизменным: ср. *строить долго (два года) – построить быстро (за два года)*.

Сочетания *вежливо просить, радостно приветствовать, бурно протестовать* становятся недопустимыми при перформативном употреблении данных глаголов (*Я прошу вас...*), поскольку в этом случае компонент "говорения", с которым только и может взаимодействовать наречие, стоит вне модальной рамки высказывания (образует пресуппозицию). Сочетание *сообщить вовремя* не может быть использовано при переносном употреблении формы времени (*Сегодняшние газеты сообщают, что ожидаются заморозки*), поскольку акцентируемый компонент ("иметь содержание") такой сочетаемостью не обладает, компонент же, связанный с прошедшим временем ("опубликовали сообщение"), не входит в рематическую часть значения глагола.

Сочетание слова *стакан* с определениями *граненый, треснутый, грязный* становится недопустимым, когда в значении существительного акцентируется "количественный" компонент (*выпить стакан воды*). Разумеется, здесь мы имеем дело с двумя разными значениями слова, однако напомним, что данное различие значений создается лишь за счет изменения ремо-тематического статуса компонентов, без какого-либо изменения их состава. Точно так же глагол *писать* в значении "письменно сообщать" несомненно включает семантический компонент "изображать знаками на бумаге", однако из-за пресуппозитивного статуса этого компонента в предложении *Брат написал (пишет) мне, что скоро придет* вряд ли будут естественны уточнения типа *карандашом, с ошибками, корявым почерком* и т.п.

7. Тема и рема в плане семантической производности

Для противопоставленных семантем "тема – рема" понятие семантической производности оказывается неприменимым, поскольку установить направление производности оказывается здесь невозможным. Действительно, с одной стороны, тема высказывания образуется при повторении в предложении ремы предшествующего высказывания, и в этом плане, следовательно, тема "вторична", производна от ремы. Однако, как уже говорилось, всякое высказывание обязательно содержит как рему, так и тему, и, таким образом, нет какого-либо исходного чисто рематического типа предложения, с которого могла бы начаться цепочка производности "от ремы к теме". В этом плане, таким образом, тема оказывается столь же "первичной", что и рема.

Тот же парадокс "курицы и яйца" обнаруживается и в сфере семантического противопоставления понятий "предмет – признак" или "субъект – предикат". Как было показано выше, и в "предметном" значении существительного, и в предикатном значении глагола на достаточно глубоком уровне анализа обнаруживается двойственная, предметно-признаковая (субъектно-предикатная) семантическая основа. Каждое из этих понятий по отдельности представляет собой лишь результат разных логических "акцентировок" (актуального членения) одной общей семантической структуры предложенческого типа, заведомо содержащей как предметную, так и предикатную части.

В каком-то смысле некоторую аналогию с данным соотношением можно видеть в конверсивах типа *купить-продать*, где также нельзя говорить об "первичности" и "вторичности" (производности) одного из значений: обе семантемы описывают одну ситуацию в разных ракурсах (акцентировках). Подобным же образом нет отношений производности и между значениями местоимений *я – ты – здесь – сейчас*, которые также представляют лишь разные ракурсы одного общего (включенного в них в виде пресуппозиции) высказывания "Некто производит в некоторый момент речевое дей-

ствии, передавая кому-то информацию". Действительно, все актанты события – говорящий, слушающий, момент речи, место нахождения говорящего – уже присутствуют в этом исходном высказывании и все они одинаково обязательны для него (т е одинаково первичны")

Можно также сравнить эту ситуацию с соотношением значений "звук" и "слышать" которые в равной степени элементарны [Апресян 1995 75], поскольку они отражают одну общую ситуацию. Нечто воздействует на некоторую часть тела, вызывая определенное ощущение : то, что воздействует, мы называем звуком, вызванное этим ощущение – *слышанием*, воспринимающий орган – *ухом* и т д. Здесь опять таки каждый из элементов этой общей ситуации, становясь центральным в значении одного из названных слов как бы обязательно "тянет" за собой все остальные элементы, так что в любом из слов – *звук*, *слышать*, *ухо* – обозначена вся ситуация целиком, хотя и в разных ракурсах.

Сознавая, что это лишь аналогия, можно все же предположить, что понятия "тема (старое) – рема (новое)", предмет (субъект) – признак (предикат)" не описываются через отношения "первичности – вторичности" именно потому, что они представляют собой лишь разные варианты акцентировки частей одной общей для них семантемы, всегда как бы уже содержащей оба противопоставленных значения. Несмотря на то, что "старая информация" есть то что сообщалось до момента речи, а "новая" – то, что сообщается в сам момент речи, оба типа информации как бы неразрывны: нельзя сообщить новое, не повторив при этом в высказывании старого, как невозможно и сообщение содержащее лишь старую" информацию, без новой

Точно так же неразрывны и одинаково "первичны" входящие в понятия "тема" и "рема" семантемы: предшествование моменту речи" и "одновременность моменту речи" как впрочем, и более широкие понятия "предшествование / следование" (т е несовпадение с чем-то по времени) и "одновременность" (совпадение по времени), и еще шире – понятия "тождество" и "различие (нетождественность)", всегда взаимно предполагающие друг друга (диалектичные", в гегельянской терминологии)

С одной стороны исходным в нашем осмыслении мира как будто бы является представление о некотором целостном событии, которое мы далее расчленяем на составные части – субъект и производимое им действие, или субстанцию и ее атрибуты. Являясь с логической точки зрения более простыми сущностями – составляющими частями сложного целого, – эти элементы, однако, в свою очередь, всегда включают в свое содержание обозначение целой ситуации (события), и в этом плане не представляются чем-то более простым по отношению к этому целому, как и одно по отношению к другому (субъект по отношению к предикату). Это, по-видимому, связано с более широким логическим явлением – определенной парадоксальностью соотношения понятий целого и части, толкование которых неизбежно содержит порочный круг: "целое" есть то, что состоит из частей, а "части", в свою очередь, это то, что составляет некоторое целое. В отношении таких "взаимопроникающих" понятий вопрос о первичности и вторичности оказывается, как можно видеть, некорректным.

Все это однако, не отменяет того бесспорного факта, что тема (пресуппозиция) об разуеться на базе ремы предшествующего высказывания (как повторение такого высказывания) тем самым тема – в этом плане – все же вторична, производна от ремы. По-видимому, такого рода соотношения еще нуждаются в более ясном теоретическом осмыслении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 1974 – Ю Д. *Апресян*. Значение и оттенок значения // ИАН СЛЯ 1974 № 4
Апресян 1995 – Ю Д. *Апресян*. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. 2-е изд. М. 1995
Арутюнова 1973 – Н Д. *Арутюнова*. Понятие пресуппозиции в лингвистике // ИАН СЛЯ 1973 № 1

- Арутюнова Ширяев 1983 – *Н Д Арутюнова Е Н Ширяев* Русское предложение Бытийный тип (структура и значение) М , 1983
- Балли 1955 – *Ш Балли* Общая лингвистика и вопросы французского языка М 1955
- Бенвенист 1974 – *Э Бенвенист* Общая лингвистика М 1974
- Виноградов 1947 – *В В Виноградов* Русский язык Грамматическое учение о слове М , 1947
- Гулыга 1971 – *Е В Гулыга* Теория сложноподчиненного предложения в современном немецком языке М 1971
- ГСРЯ 1980 – Грамматика современного русского языка Ч 2 М , 1980
- Гуревич 1988 – *В В Гуревич* Семантическая производность в грамматике М , 1988 (2-е изд М 1998)
- ЛЭС 1990 – Лингвистический энциклопедический словарь М , 1990
- Маслов 1948 – *Ю С Маслов* Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке // ИАН ОЛЯ 1948 №4
- Смирницкий 1959 – *А И Смирницкий* Морфология английского языка М , 1959
- Распопов 1970 – *И П Распопов* Строение простого предложения в современном русском языке М , 1970
- Рассудова 1968 – *О П Рассудова* Употребление вида глагола в русском языке М , 1968
- Шмелев 1973 – *Д Н Шмелев* Проблемы семантического анализа лексики М , 1973
- Austin 1962 – *J L Austin* How to do things with words Oxford, 1962
- Bellert 1970 – *I Bellert* The semantic interpretation of subject-predicate relations // Progress in linguistics The Hague, Paris 1970
- Fillmore 1969 – *Ch Fillmore* Types of lexical information // Studies in syntax and semantics V 10 Dordrecht 1969
- Russel 1920 – *B Russel* Introduction to mathematical philosophy London, 1920
- Wierzbicka 1968 – *A Wierzbicka* On the semantics of the verbal aspect in Polish // To honor R. Jacobson The Hague, 1968

© 2004 г. А. МУСТАЙОКИ, М. КОПОТЕВ

**К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ ЭКВИВАЛЕНТОВ СЛОВА ТИПА
ПОТОМУ ЧТО, В ЗАВИСИМОСТИ ОТ, К СОЖАЛЕНИЮ**

К рассмотрению вопроса, вынесенного в заглавие этой статьи, нас привели не теоретические рассуждения, а чисто практические цели. Мы столкнулись с этой проблемой, составляя классификационную схему обработки материала для Аннотированного корпуса русского языка ХАНКО/HANCO" (см [Копотев, Мустайоки, в печати]). Корпусная лингвистика заставляет взглянуть на многие проблемы с точки зрения, отличной от традиционного описания языка, позволяющего нетотальный охват материала и иногда даже непоследовательное употребление классификационных критериев. Единично, о которых пойдет речь в настоящей статье, плохо вписываются в системные, уровневые подходы к описанию материала, поэтому они хотя и не отрицались, но выпадали из сферы интересов русистики второй половины XX века. Если в традиционных лингвистических описаниях мы можем довольствоваться тем, что, например, *так как* является, с одной стороны, словом, а с другой, – состоит из двух слов, то при компьютерной обработке такая непоследовательность недопустима. В связи с этим при составлении ХАНКО мы создали для языковых единиц такого рода особый "ярус" рассмотрения, который позволяет поиск как однословных, так и многословных единиц. Однако это чисто техническое решение не должно уводить от обсуждения собственно лингвистической проблематики, связанной с подобными единицами. Цель настоящей статьи – поставить вопрос о лингвистическом статусе многокомпонентных эквивалентов слова и возможности их грамматического и лексикографического описаний.

Начнем с небольшого экскурса в область общеупотребительных лингвистических понятий СЛОВО и ПРЕДЛОЖЕНИЕ сохранили свое центральное положение как в лингвистических описаниях, так и в наивных представлениях людей о языке¹. Несмотря на многочисленные работы, ставящие под сомнение как терминологическое употребление лексемы СЛОВО, так и существование собственно лингвистического объекта, называемого словом, лингвистические исследования, как правило, не обходятся без этого термина. Многие грамматические описания даже разделяются на части, в которых рассматриваются явления, связанные с этими единицами; иногда (см., например [Русская грамматика 1989]) части так и называются "Слово" и "Предложение". С другой стороны, известно, что широкое употребление этих терминов не означает, что они четко и однозначно определены. Нетрудно подобрать примеры, которые противоречат существующим определениям. Все это привело многих ученых к мысли о невозможности дать однозначное определение слову даже в рамках одного языка.

Если оценивать частотность лексем СЛОВО и ПРЕДЛОЖЕНИЕ, то СЛОВО гораздо употребительнее и в научных работах, и в "народной лингвистике". Благодаря

¹ Этот факт обычно не выражается эксплицитно лингвистами, однако известный психолог А.Р. Лурия [1979: 47] отмечает, что слово – "основной элемент языка", а предложение – "основной элемент речи". И.Б. Левонтина [2000: 290], с другой стороны, пишет, что концепт *слово* – это квинтэссенция "наивной лингвистики", то есть того представления о языке, которое человек не выучивает в школе, а неосознанно воспринимает из самого языка¹.

широкой гамме разных значений² оно превышает по частоте употребления все остальные метаязыковые имена (ср [Арутюнова 2000 15]) Однако определяя его строго лингвистически, мы сразу сталкиваемся с трудностями³

Для иллюстрации этой сложности приведем очевидные случаи, которые выявляют противоречия в описании объектов, называемых "словом":

- 1) *во дворе*,
- 2) *рок-музыка*;
- 3) *дом-музей дома-музея*;
- 4) *никто ни у кого*.

В примере (1) два 'слова' сливаются при произношении в одно фонетическое слово, в примере (2) приведено одно "слово" с точки зрения словарного представления, но с учетом двойного ударения и отсутствия редукции гласного в первом слоге однословная интерпретация становится не такой очевидной, в примере (3) однословность нарушается морфологическими (словоизменительными) свойствами сложносоставного слова, в примере (4) одно "слово" разделяется на две части, если оно употребляется с предлогом. Спрашивается, имеем ли мы дело во всех этих случаях с одним словом, с одной языковой единицей или более чем с одним словом, более чем с одной языковой единицей?

Кроме отмеченных случаев понятие "слово" как таковое допускает принципиально разные интерпретации. В истории лингвистики это обстоятельство привело к тому, что были введены более дифференцированные понятия "лексема" (в традиционном понимании, совокупность всех форм и значений одного слова); "словоформа" (отдельная форма лексемы), "словоупотребление" (конкретное употребление какой-либо словоформы в речи/тексте); "текстоформа" и "лемма" (аналоги "словоформы" и "лексемы" при машинной обработке текста)⁴. Несмотря на наличие более узких по своему значению понятий, термин "слово" все еще нередко используется даже в тех случаях, когда было бы уместнее употреблять более точный термин. Например, в предисловиях большинства словарей русского языка объем словника, как правило, определяется в словах, хотя речь чаще всего идет о лексемах или вокабулах.

Рассматриваемые нами единицы русского языка, а именно *потому что*, *в течение* и подобные, являются "большими", чем слово, но "меньшими", чем словосочетание. По выполняемой в предложении функции это – аналоги лексемы

Исторический очерк изучения эквивалентов слова

На особенность рассматриваемой группы обращал внимание еще В.В. Виноградов в 30-е годы прошлого века. По-видимому, впервые эквивалентами слова В.В. Виноградов называет их в работе "Об основных типах фразеологических единиц в русском языке" (1947 г.) [Виноградов 1947: 351]. В знаменитом компендиуме "Русский язык. Грамматическое учение о слове", рассматривая морфологический состав предлогов,

² Согласно И.Б. Левонтиной [2000 290–292], лексема *слово* имеет в современном русском языке восемь основных значений, а С.В. Дегтев и И.И. Макеева [2000 157–161] обнаруживают в древнерусском языке 35 различных значений лексемы *слово*, часть из которых сохраняется до настоящего времени

³ Как известно, уже Ф. де Соссюр отмечал "двойной смысл, характерный для термина *слово* со всеми присущими ему неустраняемыми недостатками" [Соссюр 1990 163, курсив Ф. де Соссюра]. В.М. Жирмунский [1963 6] писал "Слово это основная единица языка. Между тем определение слова и установление его границ представляет большие трудности" (см еще статьи И.Е. Аничкова, В.З. Панфилова, И.П. Ивановой, А.А. Леонтьева, С.Е. Яхонтова и др. в этом же сборнике [Морфологическая структура 1963], формальное определение слова в [Кузнецов 1964] и выделение двух основных значений слова₁ и слова₂ в [Мельчук 1997 96–349])

⁴ Кроме упомянутых терминов, употребляется и термин "вокабула" (см, например [Вардуг 1965 22, Мустайоки 1980 146, Мельчук 1997 346–347]). Напомним, что в работах Московской семантической школы термин "вокабула" (набор всех связанных значений) противостоит *лексеме* (лексическая единица, имеющая ровно одно значение)

он выделяет, кроме производных, наречных, отыменных и отглагольных предлогов, и сложные типы предложных словосочетаний", приводя примеры типа *независимо от, в отношении к, согласно с, вслед за, несмотря на* [Виноградов 1986 557–560]. На основе устойчивости данных сочетаний В.В. Виноградов разделяет их на две категории: Если в них не стерлись лексические значения составных элементов, то приходится рассматривать их как сложные фразеологические единства; если же компоненты срослись в неразложимое целое, можно говорить о предложных идиоматизмах' [Там же 559]. Для темы настоящей статьи существенно отметить, что на закрепленные в узусе отыменные предлоги типа *по мере, с помощью, в течение, по причине* В.В. Виноградов не обращает особого внимания, перечисляя их вместе с однословными отыменными предлогами типа *посредством, ввиду, насчет, вроде*.

Вопросы, связанные с комплексом проблем, поставленных В.В. Виноградовым, рассматриваются в работах В.П. Сухотина [Сухотин 1950], А И Смирницкого [Смирницкий 1952 1954], В.Н. Ярцевой [Ярцева 1955] и др., в которых "эквивалент слова" если и не получает статуса термина, то закрепляется в лингвистическом узусе. Особое место в ряду этих работ занимает статья М В Панова [Панов 1956], в которой выделение слова в качестве отдельной языковой единицы ставится в прямую связь со степенью идиоматизации его составляющих. Слово – минимальная значимая единица языка, вступающая в свободные сочетания – отмечает исследователь [Панов 1956 163], и, следовательно, единицы, связанные в своем употреблении (будь то суффикс *-тух* в *настух* или часть фразеологизма *зги в не видно ни зги*), являются лишь частями более крупных единиц – слов.

Вторая волна интереса к многокомпонентным единицам была инициирована серией конференций, организованных в Ленинградском отделении Института языкознания АН СССР (см. особенно [Морфологическая структура слова 1963] и [Аналитические конструкции 1965]). Одной из тем указанных конференций (а для конференции 1965 года – ведущей) стали аналитические конструкции. Отметим, что при всей важности поставленных в статьях указанных сборников проблем многокомпонентные знаменательные конструкции не стали предметом особого рассмотрения. Известно, что указанные работы заложили основы для активно развивающейся области лингвистических исследований – фразеологии (ср [Телия 1996]).

Фразеология как учение об устойчивых сочетаниях, функционирующих в роли полнозначных лексем, стала во второй половине XX века самостоятельной и активно развивающейся дисциплиной, а изучение аналитических форм слова закрепило свое место и в типологических, и в дескриптивных работах, тогда как изучение сложных по составу служебных слов так и не стало предметом многочисленных штудий, и – особенно – теоретического осмысления. До сих пор существуют лишь отдельные исследования этого вопроса.

Так, относительно хорошо разработана проблематика союзов – эквивалентов слова [Колосова, Черемисина 1987а; 1987б; Ляпон 1988а]. Т.И. Колосова и М.И. Черемисина обращают внимание на так называемые "скрепы", или слова, выполняющие союзные функции в предложении. Некоторые единицы этой группы (*потому что, так как несмотря на то что* и др.) являются многокомпонентными, за ними закрепляется термин "функцив".

"Функцивы – единицы одновременно и лексического, и грамматического фонда. Они лексичны, поскольку характеризуются относительно устойчивым строением, единой семантикой и представляют собой такое же единство планов выражения и содержания, как и обычные слова. < > Они грамматичны, поскольку их назначение состоит в оформлении связей между компонентами синтаксических конструкций, т е они являются грамматическими показателями связей" [Колосова, Черемисина 1987б: 19].

Предлагая в монографии [Колосова, Черемисина 1987б 136–180] структурную классификацию скреп, авторы закладывают основу для систематизации союзов – эквивалентов слова. По мнению ученых, необходимо определить статус подобных еди-

ниц, их отношение к обычным типам фразеологизмов, определить их частеречный статус, их отличие от одноместных союзов

Близкая по объекту исследования статья Ляпон [1988а] посвящена релятивной лексике (прежде всего союзам, а также частицам, наречиям и модальным словам, функционирующим в роли квалификатора отношений). Объектами наблюдения в указанной статье становятся не только такие единицы, как *если то, конечно но, едва как*, но и *не успел . как, достаточно чтобы* и др.

М.В. Ляпон отмечает неразработанность проблемы идиоматизации служебной лексики ссылаясь в то же время на теоретическую сложность исследования подобных явлений. В работе указывается, что служебные фразеологизированные единицы занимают особое положение в системе языка, оставаясь на грамматическом уровне абстракции и участвуя в образовании особых "синтаксических фразеологизмов", "фразеосхем". В этом, по мнению автора, их принципиальное отличие от лексических фразеологизмов.

Из других работ, посвященных сложным союзам, назовем [Ляпон 1988б; Жаринова 1989, Скрипникова 1995, Кузнецова 1997]

В работе А.А. Лучик [1999] предлагается классификация наречных эквивалентов слова, построенная на основе структурных схем словосочетания в рамках концепции "Русской грамматики" 1980-го года. И хотя в работе подробно не обсуждается вопрос о статусе и принципах выделения подобных эквивалентов слова, автор приводит 40 базовых моделей, самыми представительными из которых оказываются модели с начальным предложным компонентом (*вне очереди, во всеулышание* и др.), затем следуют модели с начальным компонентом наречием (*просто так*), местоимением (*чего ради*), частицей (*не спеша*), союзом (*и все*), междометием (*ой как*).

Особо необходимо отметить статью [Mel'čuk 1995], в которой автор предлагает типологию фразеологизмов, проявляющихся на трех уровнях языковой системы, – лексемном, морфологическом и синтаксическом. И.А. Мельчук [Mel'čuk 1995: 217–218] предлагает четыре основные линии для описания всех типов фразем.

– участие прагматических факторов в процессе фразеологизации связанные с внеязыковой ситуацией прагматемы (*срок годности*, англ. *best before*) vs семантические фраземы (*дутый авторитет, отбросить копыта*);

– языковая единица, которую затрагивает фразеологизация: словосочетание (*дутый авторитет*, англ. *red herring*), лексема (*настух* с аффиксом *-тух*)⁵, синтаксическая конструкция (напр., различающиеся просодией варианты предложения *Ты у меня почитаешь эту книгу*);

– компонент лингвистического знака, подверженный фразеологизации: означаемое (напр., *бить баклуши*), означаемое (напр., супплетивные единицы в морфологии) или синтактика знака (напр., англ. *He sort of laughed*);

– степень фразеологизации: полные фраземы (*бить баклуши*, англ. *red herring*), полуфраземы (*дутый авторитет*), квазифраземы (англ. *ham and eggs*).

В настоящей статье нет возможности подробно анализировать систему исчислений, предложенную И.А. Мельчуком. Отметим только, что комбинация указанных параметров дает $2 \times 3 \times 3 \times 3 = 54$ типа фразем, из которых с лексемным уровнем соотнесится 18 типов.

Вовсе не обязательно, что в русском языке обнаружатся все типы связанных сочетаний, однако это исчисление может оказать существенную помощь при квалификации "служебных эквивалентов слов", которые собственно и являются предметом нашего рассмотрения. В указанной работе И.А. Мельчук не рассматривает специально служебные части речи, но из приведенных примеров следует, что служебная

⁵ Подробнее о морфологической фразеологизации см [Мельчук 2001: 447–460]

лексика включается исследователем в область анализа, подчиняясь общим правилам фразеологизации и относясь, теоретически, к какому-нибудь из указанных классов

Суммируя сказанное, можно отметить, что эквиваленты слова уже несколько десятилетий входят в круг интересов русистов. Более полувека тому назад была начата разработка этих вопросов. Исследования по данной тематике (правда, не всегда с опорой на термин эквивалент слова) продолжают и в наше время. Примечательно однако, то, что эти вопросы рассматриваются, как правило, с точки зрения отдельных групп слов без серьезных попыток дать теоретическое обоснование этому явлению и представить систематическое описание

Существующие словари эквивалентов слова

В русской лексикографической практике не существует эксплицированных критериев и ясных принципов выделения в словарные статьи подобных единиц⁶. Систематичное описание интересующие нас конструкции получили лишь в нескольких специализированных словарях. Рассмотрим основные из них.

Три издания словаря Р.П. Рогожниковой [Рогожникова 1983, 1991, 2003], очевидно, представляют собой первый в русской лексикографии опыт описания многокомпонентных единиц. В последнем издании Словаря эквивалентов слова⁷ [Рогожникова 2003] упоминается 1500 таких единиц, для которых приводятся частеречные характеристики, значение и иллюстрации.

'Словарь эквивалентов слова' [Рогожникова 1991] послужил одним из основных источников справочника "Русская служебная лексика (Сводные таблицы)" [Богданов, Рыжова 1997]. Однако в последнем материале дополнен сведениями из других словарей, а также из академической грамматики [РГ 1980]. Предисловие к книге С.И. Богданова и Ю.В. Рыжовой составлено так, что в нем ни разу не употребляется термин эквивалент слова или же какой-либо другой термин с этим значением. Собирательное название "русская служебная лексика" удачным образом покрывает и слова, и эквиваленты слов. Сходным образом составлено и предисловие книги "Объяснительный словарь русского языка. Структурные слова"⁷ ([Объяснительный словарь 2002], первое издание 1997) под редакцией В.В. Морковкина. В нем употребляются термины "слово" и "лексическая единица" в одном и том же значении. Каждой единице словаря приписывается принадлежность к соответствующей части речи, при этом повторяется традиционная для русской лексикографии ошибка *ignotum per ignotum*. Так, например, *к сожалению по всей вероятности* и *в самом деле* относятся к вводным словам при том, что в предисловии мы не найдем критериев для выделения этой нетрадиционной части речи⁸.

⁶ Необходимо отметить, что в "Толково-комбинаторном словаре русского языка" [Мельчук Жолковский 1984: 75–76] эксплицитно указано, что фраземы и лексемы являются равноуровневыми единицами описания. Статья И.М. Богуславского и Л.Л. Иомдина специально посвящена проблеме представления фразем и безусловных оборотов в ТКС [Богуславский Иомдин 1982]. Однако в целом описание служебной лексики фрагментарно, а непосредственно в ТКС статей, посвященных служебной лексике, нет.

⁷ Как в 'Объяснительном словаре' [2002], так и в словаре [Рогожникова 2003] приводятся достаточно обширные словарные статьи. Что касается принципа составления словарей, то отмечается существенное различие. В 'Объяснительном словаре' [2002] нет наречий и слов категории состояния, поскольку они не входят в число структурных слов. Кроме того, словарь покрывает не только эквиваленты слова, но и однокомпонентные слова. 'Объяснительный словарь' [2002] отличается также свойством, которое является редкостью в русских толковых словарях и которое особенно важно при рассмотрении эквивалентов слова: в нем систематически приводятся произношение словарных единиц.

⁸ Впрочем, следует признать, что *de facto* выделение вводных слов как особой части речи можно найти в МАС, в БАС, в Грамматическом словаре А.А. Зализняка и во многих других словарях (см. об этом ниже).

Недавно вышедший "Толковый словарь служебных частей речи русского языка [Ефремова 2001] представляет собой, как кажется, первый опыт систематического и последовательного представления служебных единиц русского языка (к которым причислены наречия и предикативы, впрочем автор не претендует на пересмотр части речной классификации – такое положение вызвано скорее прикладными задачами) В словаре описано более 22 000 семантических единиц, часть из которых составляют "многословные образования" (более 2 000 единиц) И в этом состоит одно из оригинальных решений автора "Нетрадиционность состава словника проявляется в наличии в нем в качестве самостоятельных заголовочных единиц 1) предложно-падежных конструкций, 2) лексических единиц, состоящих из более чем одного слова, но семантически эквивалентных ему, а также 3) слов, образовавшихся в результате перехода единиц из одной части речи в другую" [Ефремова 2001 6] К сожалению, в предисловии к словарю специально не обсуждаются критерии выделения сложных единиц, но в общем случае включенные в словарь единицы не вызывают возражений

Подытоживая изложенное, можно сказать, что класс рассматриваемых языковых единиц – именуемых или не именуемых эквивалентами слова – заслужил определенное внимание русских лексикографов В то же время необходимо признать, что в распространённой лексикографической практике эквиваленты слова, как правило, не считаются единицами, заслуживающими выделения в отдельные словарные статьи Однако поскольку составление словарей требует систематизированной подачи языкового материала, этот вопрос так или иначе решался составителями словарей В нашем распоряжении имеются разные классификации словосочетаний такого типа, а также конкретные списки языковых единиц Однако следует отметить, что речь идет главным образом о специализированных словарях, в основном о толковых словарях русского языка (БАС, МАС), где эти словосочетания не получили систематического и последовательного описания⁹

Основные классы эквивалентов слова

Опишем кратко основные группы эквивалентов слова, отмеченные в данных словарях, взяв за основу частеречную классификацию¹⁰

По нашим подсчетам, самая многочисленная группа среди эквивалентов слова – это **наречия** (свыше 500, по данным Р П Рогожниковой [2003], и более 1500, по данным Г Ф Ефремовой [2001]) Среди них можно выделить следующие группы

- (neg) + предлог + существительное *без следа, вне очереди, для интереса до смерти, из любопытства из-за рубежа, из-под мышки, от руки, со стороны, к месту по выбору в заключение, за полночь, на дом, под конец, между прочим с лишним в гостях, за границей, на днях, не по адресу, при случае,*
- (neg) + предлог + прилагательное / местоимение / числительное + существительное *в равной мере, по крайней мере, до сих пор в свою очередь, в то же время в самом деле по всей вероятности ни в коем случае в первую очередь,*
- (neg) + предлог + местоимение *у себя, про себя, при этом,*

⁹ Для сравнения отметим, что богатая английская лексикографическая традиция представляет поучительную и интересную параллель В основных словарях английского языка данный вопрос решен уже достаточно давно По определенным правилам они или выделяются в отдельную статью, или включаются в словарные статьи входящих в выражение слов [OED 1989 I xxx–xxxii] Примером может служить конструкция *in and out* [OED 1989 VII 772]

¹⁰ В своем словаре Р П Рогожникова [2003 16] различает эквиваленты слова, принадлежащие определенной части речи (наречия предлоги, союзы, частицы междометия) и аналоги наречий, предлогов, союзов частиц, междометий, местоимений Так по ее мнению в *деле* – предлог, а в *адрес* – аналог предлога Вообще, как легко можно понять, списки единиц и их распределение по частям речи у авторов словарей немного различаются

- местоимение / числительное + существительное *все время, всякий раз, сию секунду, каким образом, первый раз, одним словом,*
- сочетания с вопросительно-союзными словами *где угодно, куда попало, кто куда, чего ради сколько хочешь, как всегда, как минимум, как ни странно, как никогда, как нельзя, как следует, мало где;*
- сочетания с формами сравнительной степени. *более того, не более,*
- другие: *все еще, все равно, просто так, так же, не раз, шутка ли, при чем тут, так или иначе, как правило, главным образом, время от времени, в конце концов, судя по всему, не ахти, вот так, еще раз, только что, вместе с тем, вот так вот, раз и навсегда тому назад тем самым.*

Предлогов – эквивалентов слова свыше 300, по данным Р. П. Рогожниковой [2003], и около 200, по данным Т. Ф. Ефремовой [2001]. По всей видимости, они, наряду с союзами, представляют прототипичный случай эквивалентов слова. И если при описании наречий эта проблема часто игнорируется, поскольку в грамматиках не приводятся исчерпывающие списки наречий, то предлоги и союзы русского языка невозможно адекватно описать без упоминания эквивалентов слова. Как представляется, предлоги – эквиваленты слова разделяются по образованию на достаточно четкие группы:

- предлог + существительное *от имени, по вине, в знак, в течение, во время, на смену, за исключением, с помощью, в конце, в результате, во главе, на основе, при условии,*
- предлог + существительное + предлог: *по отношению к, по сравнению с, в отличие от в зависимости от в связи с,*
- наречие + предлог: *недалеко от, незадолго до, вслед за, рядом с;*
- (пег) + дееспричастие + (предлог) *несмотря на, судя по, исходя из, начиная от, не считая*
- другие *не без, с точки зрения*

По данным Р. П. Рогожниковой [2003], союзов – эквивалентов слова приблизительно столько же, сколько и предлогов (в [Ефремова 2001] – около 300). По своей словообразовательной структуре они составляют весьма пестрый набор. Приведем некоторые типовые случаи (для наглядности возможные запятые в конструкциях пропущены)

- конструкции с *что*: *потому что, благодаря чему, вследствие чего, в результате чего, прежде чем*
- конструкции с соотносительным *то* и союзом *что* / *чтобы* / *как* *для того чтобы из-за того что между тем как, благодаря тому что, вследствие того что мало того что в отношении того что / в том отношении что, по той причине что по мере того как, в результате того что, за исключением того что, независимо от того что судя по тому что;*
- конструкции с *это* / *то*: *при этом, между тем, сверх того, к тому же, тем более (а) тем не менее более того,*
- конструкции с *ни* *кто ни, где ни, как ни, когда ни, где бы ни, сколько бы ни,*
- конструкции с *бы* (как) *будто бы, (как) если бы, хоть бы, вроде бы, лишь бы лишь бы только,*
- временные конструкции с *как* / *пока* *в то время как, до того времени как, с тех пор как, до тех пор пока, пока не;*
- двойные союзы *чем . тем, сколько . столько и.*

Частиц – эквивалентов слова немного меньше, чем союзов и предлогов. Они представляют собой многообразные сочетания единиц, не поддающиеся классификации. Вот некоторые примеры: *а вот и, ай да, все же, ан нет, вроде как, разве что, да уж, и без того, как бы, как раз, тем не менее, едва не, мало ли, ну вот и, так или иначе, отнюдь не, без того, уж и, что бы.*

В классификации частей речи **междометия** занимают периферийное положение. Но интересно отметить, что, согласно нашим источникам, существует и целый ряд междометий – эквивалентов слова. Некоторые примеры: *ах ты, ай да, ну то-то ж, ах вон оно что, на вот, вот как, да ну, так вот что, вот так да, вот это да, вот тебе и на, чего там, нечто вроде, надо же, не за что, да здравствует, до завтра, на здоровье, всего доброго.*

В отличие от грамматических описаний других языков, положение **местоимений** в классификации частей речи русского языка вызывает разные толкования. Если отнести местоимения к самостоятельной части речи, то на включение в этот разряд претендуют конструкции, состоящие из более чем одного слова. Их количество невелико

- в конструкции два склоняемых слова: *тот или другой, то же самое, один и тот же;*
- часть конструкции изменяется, часть – нет: *кто попало, что угодно, что хочешь, мало кто, друг друга*¹¹;
- несклоняемые слова: *между собой, своего рода, такого рода, подобного рода*
- Для полноты классификации отметим отсутствующие в указанных словарях местоимения, которые состоят из более чем одного слова только в формах косвенных падежей с предлогом: *кое-кто, кое у кого, никто ни с кем*¹²

Если для большинства единиц Р П Рогожникова находят соответствующие частеречные характеристики, то в целом ряде словарных статей приведены лишь квазиквалификации. Большую группу составляют "слова, выступающие в синтаксической функции сказуемого", по терминологии Р.П. Рогожниковой. По всей видимости, речь идет о словах **категории состояния**, или предикативах. Таких эквивалентов слова у нее почти 50 (в [Ефремова 2001] – больше 250). Вот некоторые примеры: *не грех, к лицу, по силам, не по дороге, в радость, не под силу, между нами, в моде, не в состоянии, на уровне, не для чего, не к чему, не по себе, при чем тут, проще всего.*

Вторую еще более многочисленную группу составляют эквиваленты слова, употребляемые в функции **вводного слова**: *в сущности, к сожалению, к счастью, с другой стороны, как ни странно, если не ошибаюсь, собственно говоря, по всей вероятности, как назло, одним словом.* Отметим, что словарь [Ефремова 2001], основанный на более четких исходных принципах, исключает подобные характеристики. Все слова указанной группы отнесены к определенным частям речи.

Кроме этих традиционных для русской лексикографической практики групп слов, Р П Рогожникова выделяет эквиваленты слова, которые употребляются в роли вводной конструкции (*к счастью, в частности, как говорится*), соотносительного слова (*по поводу того, независимо от того, насчет того*), в роли союзного слова (*где бы ни когда ни*), и, наконец, "обороты речи" (*дело в том, речь идет о, в чем дело, тот факт что*). Кроме того, в указанном словаре отмечены эквиваленты слова, "не поддающиеся классификации по принадлежности к какой-либо части речи или по их синтаксической функции" *и прочее, и так далее и тому подобное* [Рогожникова 2003: 17] ср. [Объяснительный словарь 2002: 7].

Эквивалент слова: неупотребительный термин и неопределенное понятие

На основе приведенного материала можно сделать вывод, что единицы, именуемые эквивалентами слова, представляют собой не периферийное или второстепенное явление, а весьма распространенный тип, который, безусловно, нельзя игнорировать при описании русского языка. Несмотря на это, термин "эквивалент слова" или

¹¹ Интересно, что взаимно-возвратное местоимение *друг друга* отсутствует в [РГ 1980], но выделено в Краткой русской грамматике [Русская грамматика 1989: 210], что, безусловно, отражает неустойчивость квалификации (ср. еще [Зализняк 1967: 53]).

¹² Вероятно, речь здесь должна идти об аналитической форме лексемы *никто* и тому подобных (ср. [Зализняк 1967: 53]).

его синонимы практически отсутствуют в фундаментальных лингвистических описаниях. Конкретным доказательством непопулярности термина можно считать его полное отсутствие в огромном массиве текстов поисковой базы данных "Интегрум" (www.integrum.ru). Сделанные для сравнения поиски других не всеми признанных лингвистических терминов дали положительные результаты: "категория состояния" и "детерминант" представлены десятками примеров.

Еще более убедительным доказательством игнорирования термина "эквивалент слова" является то, что он не упоминается ни в основном словнике (который состоит из 700 терминов), ни в предметном указателе (свыше 2500 терминов) самого авторитетного справочника по русистике – энциклопедии "Русский язык" [1997]. Отсутствует он и в "Лингвистическом энциклопедическом словаре" [ЛЭС 1991]. В редкости термина "эквивалент слова" мы также убедились, выступая перед весьма авторитетной аудиторией на заседании Грамматической комиссии Комитета славистов в августе 2002 года.

В то же время отсутствие четкой теоретической квалификации эквивалентов слова ведет к непоследовательному употреблению термина "слово". Так, в Русской грамматике [1989: 21] частям речи дается следующее определение: "это самые крупные грамматические классы слов" (подчеркивание наше. – А.М., М.К.). В описании отдельных частей речи мы находим уже другое толкование "слова". Так, предлоги и союзы разделяются на простые (или однословные) и составные (или неоднословные). Из этого выходит, что, например, *так как* является союзом и, следовательно, словом, но особым словом, которое состоит из двух слов.

Проблема размытости употребления термина "слово" привела к формулировкам, с помощью которых авторы стараются избежать непоследовательного употребления терминов. Для сравнения рассмотрим другое описание, авторы которого не попадают в терминологическую ловушку. Введение к книге русско-французского авторского коллектива под редакцией К. Киселевой и Д. Пайара "Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания" [Дискурсивные слова 1998: 7] начинается так: "Предлагаемая вниманию читателя книга содержит описания тридцати шести единиц русского языка. <...> При выборе единиц мы руководствовались не столько четкими, заранее заданными критериями, сколько интересом участников проекта к отдельным словам и группам слов" (подчеркивания наши. – А.М., М.К.). Следующий абзац начинается: "Единицы, рассматриваемые в настоящем сборнике, мы называем дискурсивными словами". После этого во всей книге говорится о словах, к которым принадлежат не только лексемы *всего, опять, снова, именно, конечно* и др., но и *по крайней мере, еще раз, все равно, кроме того, как раз*.

Итак, после того, как мы представили положение словосочетаний типа *в течение* в современной научной традиции, мы готовы перейти к поиску решений, позволяющих более обоснованный и последовательный их учет при лингвистическом анализе.

ВОЗМОЖНЫЕ ПОДХОДЫ К РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ

1. Эквивалент слова = слово

Итак, вернемся к положению, согласно которому данные конструкции считаются словами. Как было сказано выше, такое толкование никем не дается эксплицитно, но принятое в основных русских грамматиках описание частей речи имплицитно основывается на этой идее. Раз такая вольность, – даже если она допускается не мотивированно, а, так сказать, "по умолчанию", – не вызывает недогазумений и протестов у читателей лингвистических трудов, зачем требовать терминологической точности?

Поддержку этому можно найти в определении других лингвистических терминов. Так, одним из примеров может служить второе основное понятие лингвистики – "предложение". Его можно определить, следуя рекурсивному принципу: как пример (5), так и примеры (6–7) считаются предложениями.

5) *Нина читает.*

6) *Нина читает книгу.*

7) *Нина читает книгу детям.*

Такая аналогия, однако, не действует. Определяя предложения, можно сказать, что все примеры (5–7) обладают одними и теми же свойствами: они являются в одинаковой мере предложениями. Это не касается конструкций типа *в течение*. С функциональной и семантической точек зрения они, безусловно, соответствуют словам, но они не имеют существенного критерия определения слова, который часто служит опорой для языковой интуиции, – слитного написания¹³. Данный критерий при определении лингвистического термина может показаться неубедительным, поскольку правописание можно считать чисто внешней и, по сути дела, второстепенной стороной проявления языка (ср. [РГ 1980: 398]). Кроме того, решение вопросов культуры письменной речи находится под влиянием экстралингвистических факторов, вызванных вмешательством нормализаторских сил языкового общества. Несмотря на эти оговорки, для большинства носителей языка *во время* считается одним словом, а *во время* – двумя только из-за современной орфографической нормы. Историческую изменчивость "единообразности" отдельных языковых единиц можно проиллюстрировать на примере союза *потому что*: было время, когда он состоял из трех слов (см. [Историческая грамматика 1979: 310–315]), сейчас он состоит из двух слов, и потенциально не исключено, что придет время, когда этот союз будет писаться слитно. Характерно, что запрос в поисковой системе Yandex дает почти 35 000 (!) случаев написания *потомучто*¹⁴. Подобная цифра не может не вызывать некоторые размышления о возможной эволюции письменной нормы.

Опора на орфографию соответствует пониманию среднего носителя языка, который, видимо, ответит на вопрос, является ли *потому что* словом, отрицательно. Если же спросить, является ли это выражение союзом, число положительных ответов сильно вырастет. В принципе мы могли бы игнорировать мнение неспециалистов, как обычно делается при создании научных терминов. Однако ответы специалистов-лингвистов в общих чертах такие же, что подтверждает и лексикографическая практика. Лингвисты могут дополнить свои ответы разными объяснениями и рассуждениями, но в целом взгляды, очевидно, совпадают: *потому что* считается союзом, состоящим из двух слов, но не словом. Более того, орфографическая и пунктуационная особенность оформления таких эквивалентов (*в течение, несмотря на, так как, потому что* и др.) отражает интуитивное стремление лингвистов и нормализаторов языка отделить подобные конструкции от сходных словосочетаний. Признав подобные комплексы самостоятельными лексическими единицами, можно более строго сформулировать и ряд орфографических и пунктуационных правил, например, "лексемы *в течение, в продолжение*, являясь предлогами, пишутся через *-е*"; "лексемы *так как, потому что* пишутся без запятой между компонентами союза" и т.д.

Итак, мы убедились в том, что расширение сферы употребления термина "слово" – неудовлетворительное решение данной терминологической проблемы. Обсудим другую возможность решения проблемы.

ВОЗМОЖНЫЕ ПОДХОДЫ К РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ

II. Эквивалент слова как явление речи

Еще один возможный подход к решению проблемы основывается на том, что эквиваленты слова можно считать явлением не языка, а речи. Известно, что в современной лингвистике, особенно в ее когнитивном и функционально ориентированном направлениях, в последнее время получили развитие идеи о приоритете речи

¹³ Н.Д. Голев [1999: 98] пишет в этой связи об "орфографоцентристском языковом сознании носителей современного русского языка" (ср. [Лайонз 1978: 212]).

¹⁴ Конечно, большинство найденных примеров представляют "разговорный" вариант письменной нормы (дадим один из них, сохраняя орфографию: "*потомучто видно не особо много народу щас жаждет подключится, вот и получается так быстро...*").

над языком Основу языкового умения составляют не абстрактные правила, с помощью которых можно было бы создавать различные построения из языкового материала – но скорее сам этот материал как первичная данность, усваиваемый в конкретной форме и применительно к конкретным условиям употребления" [Гаспаров 1996 104].

Предполагается, что языковые структуры – это продукт лингвистических построений, тогда как носитель языка в повседневной практике оперирует речевыми штампами¹⁵, актуализированными в его сознании в соответствии с частотностью их употребления в речи. Можно сказать, что речь представляет исследователю набор фрагментов, частью закрепившихся в языке, частью же находящихся в промежуточном положении между языком и речью. Их количество, по мнению ученых, сопоставимо с количеством лексических единиц "There are vast numbers of such memorized fixed expressions; these extremely crude estimates suggest that their number is about the same order of magnitude as the single words in the vocabulary. They are hardly a marginal component in our use of language" [Jackendoff 1995: 136].

В таком случае если и представлять процесс становления языковой системы, то можно говорить о постепенной "шаблонизации" определенных речевых выражений, их стабилизации в системе. При этом изучения заслуживают не только "речевые произведения" как это предлагали младограмматики, или – следуя структуралистской программе – не только структуры, закрепленные на том или ином уровне системы языка, но и такие промежуточные типы, "шаблоны", "штампы" (ср. [Телия 1996: 11–83]). Возможно, часть из них войдет в систему языка, вступив в отношения противопоставления с другими единицами. Однако, по-видимому, часть из них так и останется в "подвешенном" состоянии. Эта промежуточность, тем не менее, не должна заслонять от нас самой необходимости изучать эти единицы, определять их статус и значение. Невозможно истолковать эти случаи как феномен речи, который не должен получать отражения при описании языка, то есть в грамматике и словаре.

Суммируя сказанное, подчеркнем, что принадлежность рассматриваемых языковых конструкций к речевой сфере, с одной стороны, оправдана: действительно, они рождаются в потоке речи как слияние двух или более единиц. С другой стороны, этот факт не снимает необходимости адекватным образом описывать эти единицы в грамматиках и словарях. Мы считаем, что истолкование конструкций типа *потому что* только как явления речи не несет никакой эвристической ценности

ВОЗМОЖНЫЕ ПОДХОДЫ К РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ

III. Эквивалент слова как фразеологическая единица

Возможным способом выделения и классификации эквивалентов слова является применение инструментария, накопленного в области фразеологии самостоятельных частей речи (см. указанные работы В.В. Виноградова, В.Н. Телия, И.А. Мельчука и др.) Однако в сфере русской служебной лексики применение выдвинутых

¹⁵ Основной единицей анализа при таком подходе оказывается "коммуникативный фрагмент" [Гаспаров 1996 116–142], конструкция' [Fillmore, Kay 1993 и др.], "клише" [Jackendoff 1995]. Как известно, наиболее последовательно подход к анализу синтаксических построений, как более или менее идиоматичных конструкций разрабатывается в рамках Грамматики конструкций Ч. Филлмора (см. [Fillmore, Kay, O'Connor 1988, Fillmore, Kay 1993, 1999, Kay 1998], см. еще <http://www.constructiongrammar.org>). У нас нет возможности подробно описывать формализм Грамматики конструкций, обозначим лишь главную идею ученых "The major motivation for Construction Grammar (CG) is the need to develop a system of grammatical description in which the marked constructions (more or less 'idiomlike' forms of expressions) are represented in the same formal system as the regular 'core' patterns or rules" [Kay 1998 1]

учеными требований наталкиваются на серьезные трудности. При верности базового определения фраземы¹⁶ конкретные реализации достаточно своеобразны.

Как известно, основным классифицирующим признаком для служебных слов считается синтаксический, тогда как семантический критерий вторичен и не является в ряде случаев классообразующим (см. более подробно в следующем разделе статьи). В то же время в силу того, что основная функция служебной лексики именно реляционная, кажется, что фразеологизация проявляется не только на уровне взаимодействия единиц, входящих во фразему, но и распространяется на тот класс (или те классы) слов, реляцию между которыми осуществляют служебные единицы.

Рассмотрим некоторые примеры.

1. Ряд единиц представляют случаи фразеологизации, вполне укладывающиеся в предложенную И.А. Мельчуком схему.

Так, наречие *в лоб* (*спросить в лоб*) можно определить как полную семантическую фразему, поскольку значение прямо, однозначно не содержит нетривиальных сем, совпадающих с семами предлога В и существительного ЛОБ. С другой стороны, наречие *на попу* (*поставить что-либо на попу*) в значении 'на поверхность предмета, имеющую наименьшую площадь, вертикально' является полужраземой, поскольку использует тривиальное значение предлога *на* – указание на направление движения.

К подобному классу полужразем можно отнести и предлог *в порядке* (*взаимопомощи, критики, эксперимента* и т.д.) в значении 'в виде, в качестве', поскольку в указанном сочетании не реализуется ни одно из значений лексемы ПОРЯДОК (см. [МАС, 3: 310]). То же можно сказать и про предлог *в адрес* (*редакции, директора* и т.д.), реализующий значение 'объект/тема коммуникации' (*критика в адрес редакции* = *критика редакции*; ср. *критика в адрес редакции* и *направлять по адресу*...)

Однако существуют и другие случаи. Проанализируем лишь некоторые из них, чтобы показать реальную сложность проблемы.

2. *Только что* в значении 'непосредственно перед настоящим моментом'. Эту единицу можно рассматривать как полужразему, в которой элемент *только* обладает тривиальным набором сем, а второй элемент *что* содержит "пустую сему" (см. [Mel'čuk 1995: 182]), сохраняя только синтаксическую конфигурацию (ср. *Он только что пришел* = *Он только* (= 'непосредственно перед настоящим моментом') *пришел*). Однако кроме этого в конструкции *только что* лексема ТОЛЬКО способна реализовывать лишь одно из своих значений – временное (ср. *Он только что пел* и *Он только пел*). Наконец, в этой фраземе реализуется и сочетаемостное ограничение, потому что лексема ЧТО в свободном употреблении не сочетается с наречиями. Таким образом, фразема *только что* содержит три связанных компонента: значение времени в только, использование полувспомогательного что и нестандартное сочетание что с наречием. Все это позволяет нам отнести рассматриваемую единицу к двум типам фразем: семантическая (с двумя мотивировками) или сочетаемостная полужразема.

3. Единица *не только... но и* интуитивно претендует на роль фраземы (один из возможных английских аналогов *not just [X] but also* приведен в [Mel'čuk 1995: 167] в качестве примера фраземы). С другой стороны, ее семантика вполне укладывается в сумму значений входящих компонентов:

- НЕ – квантор отрицания;
- ТОЛЬКО – указание на уникальность/выделенность объекта/действия/признака, к которому относится.

¹⁶ "Комплекс X, образованный из сегментных знаков X₁, X₂, ..., X_n, называется фраземой, если, по крайней мере, один из трех компонентов этого комплекса (т.е. его означаемое, означающее или синтактика) не предоставим в терминах соответствующих компонентов знаков X₁, X₂, ..., X_n, в то время как два других его компонента представимы в терминах соответствующих компонентов знаков X₁, X₂, ..., X_n" [Мельчук 2001: 448]

- НО – противительный союз;
- И – показатель эфазы.

Кажется, что значение оборота *не только ... но и* не составляет ничего большего, как сочетание указанных смысловых компонентов. Однако более внимательный анализ показывает, что в этом случае существует одно ограничение, связанное с употреблением именно этой конструкции. Сравним:

- 8) **Работать не только необходимо, но и отдыхать*
- 9) *Необходимо не только работать, но и отдыхать.*

Как показывают указанные примеры, связанным при использовании союза *не только... но и* оказывается объект эфазы в обеих частях синтаксической конструкции. Говоря грубо, элементы, которые попадают под выделение, должны принадлежать к одному синтаксическому классу. Отметим, что союз *но* в свободном употреблении не связан подобными ограничениями: *Надо было работать, но он все время думал о своем.*

Кроме того, указанный союз нивелирует противительное значение НО, приближаясь по семантике к сочинительному союзу И (ср. *Необходимо работать и отдыхать*).

Необходимо отметить, что связанное с конструкцией ограничение на сочетаемость существенным образом отличается от той, что мы находим в полуфразах полных слов типа *спать без задних ног*. В этом случае идиоматика (сочетаемостные ограничения) не выходит за рамки фраземы, тогда как в рассмотренном выше союзе сочетаемостные ограничения направлены, если можно так сказать, от фраземы, заставляя в общем случае бесконечный (то есть свободный) набор сопоставляемых единиц подчиняться определенным правилам.

Если принять указанные уточнения, то рассмотренная фразема включается в класс сочетаемостных полуфразем, по И.А. Мельчуку.

4. Предлоги *в продолжение, в течение, на протяжении* всегда интерпретируются как содержащие сему временной протяженности: *в продолжение встречи, в течение полета, на протяжении вечера*. Таким образом, все три предлога имеют в своем составе нетривиальную связанную сему и должны считаться фраземами.

Однако кроме этого предлог *в продолжение* (*года, недели* и т.д.) представляет интерес тем, что часть значения лексемы ПРОДОЛЖЕНИЕ (а именно указание на "начало", "то, что располагается, следует непосредственно за чем-либо", по формулировке МАС [МАС, 3: 481]) уже не входит в значение этой служебной единицы, элиминируется из состава фраземы. Так, словосочетание *в продолжение всего вечера* интерпретируется как "от начала до конца вечера, весь вечер", но не как "начиная с какого-то момента в ходе вечера". Как показывает этот пример, идиоматизация в сфере служебной лексики может приводить не только к появлению добавочного значения, но и к элиминации существующего.

5. Группа фразем, производных от деепричастий (*глядя по, несмотря на, невзирая на*), кроме очевидных модификаций в семантике "этимологических" деепричастий обладают еще одной интересной особенностью.

Как известно, субъект русского деепричастия должен быть кореферентен субъекту главного предиката. Однако для фразем *глядя по, несмотря на, невзирая на* и др. это правило не работает: ср. *Дом будет построен рабочими, несмотря на сложности с финансированием*. Указанные предлоги являются примером того, что при фразеологизации семантические или сочетаемостные правила (так же как и семы в случае 4) могут не только добавляться, но и устраняться.

6. Единица *друг друга*, которая выделяется в ряде грамматических описаний ([Зализняк 1967: 53; Русская грамматика 1979: 355, 521; Русская грамматика 1989: 210; Шелякин 2000: 109–110] и др.), является полной фраземой. Ни один нетривиальный компонент лексемы ДРУГ не задействован в образовании этого местоимения. Более

того, подвергается редукции и набор грамматических сем, в частности элиминируются грамматические семы числа [Зализняк 1967: 98], падежа (именительного [Зализняк 1967: 99]). Этот пример показывает, что фразеологизация может затрагивать не только лексическую семантику, но семантику грамматическую (анализ этого случая лишь подтверждает правоту ученых, относящих фразему *друг друга* к классу не существительных, но местоимений).

Итак, выделение в области служебной лексики многокомпонентных единиц, образованных в результате фразеологизации, позволяет отметить ряд особенностей: недискретность, неединственность описания [Мельчук 1997: 232; Мельчук 2001: 450]. Однако существует и ряд особенностей, возможно связанных именно с этими группами слов.

- В силу реляционной функции, которую выполняют многие служебные единицы, фразеологизация может проявляться не внутри оборота, а выходить за его рамки, навязывая определенные условия единицам, которые связывает эта служебная единица. При этом список полнозначных слов, вступающих в отношения реляции, открыт и его составляющие не могут считаться частью фраземы (*не только ... но и*).
- Связанным с первой особенностью можно назвать и способность служебных фразеологизмов менять параметры семантической сочетаемости, существующие у лексем в свободном употреблении (*несмотря на*).
- Фразеологизация служебной лексики проявляется не только в появлении дополнительных, связанных сем, но и в элиминировании части значения (*в продолжение*).
- Процессы фразеологизации могут влиять не только на лексический компонент в составе лексемы, но и на морфологический, добавляя те или иные особенности в морфологический облик единиц (*друг друга*).

Представленное выше краткое обсуждение фразеологической природы эквивалентов слова позволяет сделать два вывода. Во-первых, мы, безусловно, имеем дело с процессом фразеологизации языковых единиц, но этот процесс обладает некоторыми особенностями, вызванными служебной функцией данных конструкций. Во-вторых, разные степени фразеологизации эквивалентов слова говорят скорее об их истории, а не о том, какой статус имеют эти единицы в грамматической структуре современного русского языка. Указанные примеры показывают и реальную сложность, стоящую перед исследователями. Как кажется, ближайшие шаги в этой области должны быть направлены на выявление степени связанности компонентов, на классификацию служебных эквивалентов слова на этой основе. Только после этого можно будет сказать, какая лексика единиц принадлежит к области языковой фразеологии, какая к области речевых клише и штампов. Все это позволит создать полноценные описания служебной лексики, так необходимой и в лексикографии, и в компьютерной обработке текста.

ВОЗМОЖНЫЕ ПОДХОДЫ К РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ

IV. Эквиваленты слова как представители разных частей речи

Центральный вопрос при рассмотрении эквивалентов слова – это их частеречный статус. Как известно (см., напр. [Теньер 1988: 55, 62–63]), определение частей речи – более или менее нечеткая процедура по той причине, что одновременно используются критерии, которые могут в отдельных случаях противоречить друг другу: понятийные (содержательные), морфологические (комплекс морфологических категорий), словоизменительные (система парадигм) и синтаксические критерии (см., напр. [РГ 1980: 457]).

Рассмотрим разные группы эквивалентов слова, распределенные по частям речи. Как известно, части речи можно разделить на три большие группы по двум критериям: (знаменательность/незнаменательность, отсутствие/наличие флексии)¹⁷.

¹⁷ Мы не будем подробно анализировать междометия, составляющие особый разряд слов. Отметим только, что при их рассмотрении проблема эквивалентов слова значима в такой же степени, как, скажем, при рассмотрении предлогов, союзов или частиц.

А	Б	В
Знаменательные части речи		Незнаменательные части речи
Флексивные части речи	Нефлексивные части речи	
Существительные	Наречия	Союзы
Прилагательные	("Слова категории состояния"/"предикативные наречия")	Предлоги
Числительные		
Глаголы		Частицы
Местоимения		("Вводные слова и выражения")

С точки зрения грамматического описания частей речи в группе А приведенной таблицы требуют особого внимания местоимения. Более или менее очевидно, что те местоименные формы, которые состоят из более чем одного слова только в косвенных падежах с предлогом (*кое у кого, ни с кем, не к кому*), вряд ли можно считать представителями эквивалентов слова; они скорее примыкают к аналитическим формам словоизменения (ср. *буду читать, хотел бы* и др.)¹⁸. Что касается других местоименных конструкций, нужно задаться вопросом, можно ли их вообще считать местоимениями. Более или менее явных случаев – таких, которые упоминаются в грамматиках, – только несколько: *такой же самый, тот же, друг друга, тот самый, между собой* и некоторые другие¹⁹. Последняя конструкция отличается от других, "классических" местоимений неспособностью к словоизменению, однако известно, что неизменяемость ряда существительных (*кофе, пальто*) и прилагательных (*люкс, беж*) не исключает их из соответствующих классов. В поддержку того, что *между собой* – местоимение, можно отметить его семантическую близость к местоимению *друг друга*. Следующая группа слов типа *кто попал, кто придется, что угодно, что хочешь / хотите, мало кто* напоминает по своей структуре (и в какой-то мере и по семантике) двойные местоимения с несклоняемой первой (или второй) частью (*кто-нибудь, никто*). Таким образом, есть основания считать их местоимениями. При этом, однако, следует отметить, что такое решение приводит к вопросу, являются ли такие же конструкции допустимыми при всех вопросительных местоимениях (*какой, чей, сколько*), а также при наречиях (*где, куда, откуда, когда, как*). Если наличие соответствующего слова является главным критерием для того, чтобы считать какую-либо конструкцию эквивалентом слова, то выражения *своего рода, такого рода, подобного рода* можно условно отнести к местоимениям благодаря слову *такой*, хотя сильной интуитивной поддержки такое решение не получает. Отметим также, что в словаре [Объяснительный словарь 2002] из этих конструкций отмечается только *такого рода*.

Единицы группы Б представляют особую группу в составе знаменательных частей речи. Так, и наречия, и предикативы почти не изменяются, и в этом смысле учебные лишены морфологических критериев для выделения этих частей речи²⁰. С дру-

¹⁸ После дискуссий 1950–1960 годов и полемики с известным тезисом И.А. Смирницкого о цельнооформленности слова можно считать вопрос об аналитических конструкциях более ясным (см. особенно [Панов 1956]).

¹⁹ См. [Русская грамматика 1979: 359–361, 521; Русская грамматика 1989: 210; Шелякин 2000: 109–110, 113; Wade 2000: 156, 167].

²⁰ Словоизменение, как известно, проявляется только у некоторых наречий и предикативов в формах степеней сравнения, вопрос о наличии аналитических временных форм у предикативов не может считаться решенным.

гой стороны, наречия не занимают монопольного положения в структуре предложения: типичная для них обстоятельственная позиция регулярно занимаетя и другими частями речи (*Он приходил к нам вечером / вчера / в понедельник / на прошлой неделе*). Таким образом, при выделении наречий не отмечается такой прямой связи между синтаксической функцией и частеречными характеристиками, как у слов группы В. Однако другой критерий частеречной классификации – семантический ("обобщенное значение, характеризующее все слова той или иной части речи", как отмечается в [РГ 1980]) – позволяет оперировать достаточно строгими критериями и отделять в контексте наречия *вдаль, наверх*, например, от предложно-падежных сочетаний *в даль* и *на верх*. Таким образом, ведущими классообразующими критериями для наречий необходимо считать единство общекатегориального значения и синтаксической функции. Исходя из этого, единицы типа *где угодно, до смерти, на цыпочках* и другие вписываются в круг единиц, относящихся к наречиям. Очевидно, что перечень таких единиц требует переоценки, о чем говорит и тот факт, что списки наречий – эквивалентов слова в словарях [Рогожникова 2003; Ефремова 2001] различаются в три раза.

Что касается слов категории состояния (предикативных наречий), то они, в основном, восходят к наречиям. Их можно было бы считать не отдельной частью речи, а отдельным случаем употребления наречий в особой синтаксической функции (как это и делается в [РГ 1980]). Однако употребление слов категории состояния представляет специфическую синтаксическую функцию, и поэтому "этимологические" наречия, выступающие в этой роли, допустимо выделять в отдельную категорию так же, как мы поступаем при рассмотрении "наречий" в функции предлога (*вокруг, возле*). Впрочем, на равных основаниях допустимо и рассмотрение предикативов как наречий, но это потребует переинтерпретации частеречных характеристик класса наречий, в частности эксплицитного включения в признаки класса указания на предикативную роль в предложении.

Перейдем к рассмотрению частей речи группы В. Они отличаются друг от друга прежде всего на основе синтаксических функций: "Предлоги, союзы и частицы – это служебные, т.е. лексически несамостоятельные, слова, служащие для выражения различных синтаксических отношений (предлоги и союзы), а также для образования аналитических форм или для выражения синтаксических и модальных значений предложения (частицы)" ([РГ 1980. II: 457]; ср. [Зализняк 1977: 7]).

В связи с этим служебные части речи определяются по выполняемой синтаксической функции. Хотя иногда употребляются выражения типа *слово X употребляется в функции союза*, в общих чертах верно утверждение: союзами (как часть речи) считают слова (конструкции), которые выполняют синтаксическую роль союза.

Так, на наш взгляд, традиция считать союзами и предлогами также эквиваленты слова, вполне приемлема²¹. Однако, если поступать последовательно, такое толкование приведет к существенным изменениям в теории частей речи в русском языке: необходимо признать, это не "самые крупные грамматические классы слов", а самые крупные грамматические классы слов и эквивалентов слов. Более того, если мы принимаем первичность синтаксической роли при классификации слов (как частей речи) группы В и если мы допускаем, что в этих функциях могут выступать и конструкции, состоящие из более чем одного слова, то решается и судьба вводных слов и выражений: подобно предлогам, союзам и частицам они употребляются в спе-

²¹ Другой вопрос, какие конструкции нужно считать эквивалентами слова. Например, нужно ли в эту категорию включать "союзы" с соотносительными словами типа *вследствие того что, в том отношении что, в результате того что, за исключением того что* и подобные? Рамки статьи не позволяют привести развернутые размышления на эту тему, но мы склоняемся к мысли, что подобные словосочетания не следует считать союзами.

циальной функции и заслуживают статуса отдельной части речи²². Естественно, этот вопрос в плане практически-описательном потребует еще серьезных усилий. началом этой работы могло бы стать сравнение списков в [Рогожников 2003; Ефремова 2001], а также изучение коллокаций на основе частотных характеристик встречаемости.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы надеемся, что смогли убедить читателя в двух вещах. Во-первых, сложившаяся традиция практически игнорировать проблему эквивалентов слова – ситуация, которую нельзя считать удовлетворительной. Во-вторых, эквиваленты слова образуют пеструю группу единиц, которые требуют разных квалификаций. Кроме того, проводя такую работу, необходимо учесть одновременно и ряд других факторов, в том числе и интуитивное представление о статусе этих конструкций, а также лингвистическую традицию. С другой стороны, когда в метаязык научного описания вводятся новые единицы, необходимо подумать и о том, какие из них будут приняты в мире лингвистов. Надо помнить, что мы имеем дело не только с каким-то отдельным фрагментом терминологической системы: решение этого вопроса (каково бы оно ни было) приводит к существенным изменениям как в лексикографической, так и в "грамматографической" практике. В связи с принципиальностью рассматриваемого вопроса нам кажется, что до того, как принять окончательное решение, необходимо провести развернутую дискуссию по данной теме.

Напомним также о двух обстоятельствах, с которыми мы непременно сталкиваемся в лингвистической практике. Во-первых, имея дело с описанием такого сложного явления, как язык, вряд ли можно найти такое решение, преимущество которого можно доказать объективными критериями. Речь идет, скорее, о лингвистической традиции, в которой, безусловно, необходимо соблюдать такие принципы, как логичность, последовательность и доступность лингвистической классификации²³. Во-вторых, из-за вечной борьбы разных одновременно действующих внутренних сил в языке не образуются четкие классы и разряды единиц. В связи с этим в любом классе отмечаются прототипичные случаи и менее типичные, периферийные случаи, пересекающиеся с единицами соседнего класса²⁴.

В качестве исходных положений предлагаемой дискуссии выносим следующее.

1. Возможную квалификацию типовых случаев можно представить следующим образом:

- предлоги: *от имени, по вине, незадолго до, начиная с* и т.д.;
- союзы: *потому что, благодаря чему, и... и, чем... тем* и т.д.;
- частицы: *а вот и, ай да, разве что, как раз* и т.д.;
- междометия: *ах ты, надо же, вот это да, да уж* и т.д.;
- местоимения: *тот и другой, друг друга, кто угодно* и т.д.;
- наречия: *в конце концов, только что, главным образом* и т.д.;
- предикативные наречия (слова категории состояния): *не грех, к лицу, в радость, в моде* и т.д.

²² Ср. важное замечание В.С. Храковского по близкой проблеме аналитических форм: "При функциональном подходе для включения в словоизменительную парадигму глагольных форм, построенных на базе одного и того же лексического морфа, необходимо и достаточно, чтобы все эти формы выполняли одну функцию – выступали в качестве ядерного элемента в одной и той же конструкции. Состоит ли словоформа из одного компонента (цельнооформленная или синтетическая словоформа) или из нескольких (раздельнооформленная или аналитическая словоформа) при указанном подходе не является существенным" [Храковский 1965: 221].

²³ О критериях хороших лингвистических классификаций, см., например [Голубева-Монаткина 1999: 5–10].

²⁴ О разных типах пересекаемости (overlapping) категорий разного рода см. [Givón 2001: 29–34].

Нам кажется, что в лексикографической работе необходимо серьезно подумать о возможности принять новую практику и считать подобные случаи самостоятельными единицами словаря. При составлении бумажных словарей это означает выделение их в отдельные словарные статьи. При компьютерной обработке (составлении частотных списков лексики и лексических минимумов, например) такой подход позволит избежать одного существенного недостатка прикладной лексикографии. Когда единицей словаря фактически считаются только слова "от пробела до пробела", данные частотных словарей дают неправильное представление о частотности таких лексем, как *сожаление* или *течение*. Решение этой проблемы имеет своим следствием среди прочего и составление более адекватных речевой практике носителей языка лексических минимумов для учебных целей.

II. Как было отмечено выше, при составлении грамматики судьба данных конструкций имеет своим следствием прежде всего изменение частеречной классификации. Во-первых, добавив в дефиницию понятия части речи "разряд слов и эквивалентов слова", можно определить, что части речи могут состоять не только из однокомпонентных единиц, но и из многокомпонентных. Во-вторых, вводные слова необходимо выделить в отдельную группу на достаточном для служебных слов основании – особой синтаксической функции. Квалификация предикативов может быть решена (и уже решается) двояким образом, что отражает их реальное переходное положение.

III. Осталось прокомментировать в двух словах сам термин. В предложенной работе мы употребляли термин "эквивалент слова", который в современной литературе по русистике практически не используется, но у которого, как мы показали, есть и свои исторические корни, и свои сторонники в настоящее время. Другой термин, который возможно закрепить в лингвистическом узусе, – "служебная/незнаменательная фразаема". При этом выделение "эквивалентов слова" может предполагать широкий взгляд на устойчивые единицы в речи, тогда как **служебные/незнаменательные фраземы** предполагают более строгие процедуры выделения. Интересную возможность предоставляет и переинтерпретация понятия "лексема". Если лексема – мельчайшая единица словаря, то рассматриваемые конструкции можно считать лексемами. В принципе новое толкование научного термина "лексема" не такая сложная процедура, каким было бы переосмысление общеупотребительного "слово". Мы, однако, оставляем вопрос о термине открытым: решение этого вопроса требует более широкого обсуждения*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аналитические конструкции 1965 – Аналитические конструкции в языках различных типов. М., 1965.
- Арутюнова 2000 – *Н.Д. Арутюнова*. Наивные размышления о наивной картине языка // Язык о языке. М., 2000.
- Богданов, Рыжова 1997 – *С.И. Богданов, Ю.В. Рыжова*. Русская служебная лексика. Сводные таблицы. СПб., 1997.
- Богуславский, Иомдин 1982 – *И.М. Богуславский, Л.Л. Иомдин*. Безусловные обороты и фраземы в толково-комбинаторном словаре // Актуальные вопросы практической реализации систем автоматического перевода. Ч. 2. М., 1982.
- Вардуть 1965 – *И.Ф. Вардуть*. Слово как часть речи // Вопросы теории частей речи на материале языков различных типов. Л., 1965.
- Виноградов 1947 – *В.В. Виноградов*. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Академик А.А. Шахматов. М.; Л., 1947.
- Виноградов 1986 – *В.В. Виноградов*. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1986 (Первое издание – 1947 год).

* Авторы статьи благодарят Л.А. Бирюлина и А. Никунласси за ряд ценных замечаний, высказанных при обсуждении данной статьи.

- Гаспаров 1996 – *Б.М. Гаспаров* Язык, память, образ Лингвистика языкового существования М., 1996.
- Голев 1999 – *Н.Д. Голев*. Когнитивный аспект русской орфографии орфографоцентризм как принцип обыденного метаязыкового сознания // Отражение русской языковой картины мира в лексике и грамматике. Новосибирск, 1999.
- Голубева-Монаткина 1999 – *Н.И. Голубева-Монаткина*. Классификационное исследование в лингвистике вопросы и ответы диалогической речи М., 1999.
- Дегтев, Макеева 2000 – *С.В. Дегтев, И.И. Макеева*. Концепт слово в истории русского языка // Язык о языке М., 2000.
- Дискурсивные слова 1998 – Дискурсивные слова русского языка опыт контекстно-семантического описания М., 1998.
- Ефремова 2001 – *Т.Ф. Ефремова*. Толковый словарь служебных частей речи русского языка М., 2001
- Зализняк 1967 – *А.А. Зализняк* Русское именное словоизменение. М., 1967
- Зализняк 1977 – *А.А. Зализняк*. Грамматический словарь русского языка. М. 1977
- Жаринова 1989 – *Т.Н. Жаринова* Формирование союза БОЛЬШЕ .. НЕЖЕЛИ // Синтаксические отношения в сложном предложении. Калинин. 1989.
- Жирмунский 1963 – *В.М. Жирмунский*. О границах слова // Морфологическая структура слова в языках различных типов М.; Л., 1963.
- Историческая грамматика 1979 – Историческая грамматика русского языка Синтаксис. Сложное предложение. М., 1979
- Колосова Черемисина 1987а – *Т.А. Колосова М.И. Черемисина* Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск, 1987
- Колосова Черемисина 1987б – *Т.А. Колосова, М.И. Черемисина* Некоторые закономерности пополнения фонда скреп // Служебные слова. Новосибирск, 1987.
- Копотев, Мустайоки 2000 – *А. Мустайоки, М. Копотев* Принципы создания Хельсинкского аннотированного корпуса русских текстов (ХАНКО) в сети интернет // Научно-техническая информация. Сер. 2
- Кузнецов 1964 – *П.С. Кузнецов*. Опыт формального определения слова // ВЯ 1964. № 5
- Кузнецова 1997 – *Р.Д. Кузнецова* Отражение путей и способов образования союзов в их строении и функционально-семантических свойствах // Неоднозначные слова: история, семантика, функционирование. Тверь. 1997.
- Лайонз 1978 – *Дж. Лайонз* Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978
- Левонтина 2000 – *И.Б. Левонтина*. Понятие слово в современном русском языке // Язык о языке. М., 2000.
- Лурия 1979 – *А.Р. Лурия*. Язык и сознание. М. 1979.
- Лучик 1999 – *А.А. Лучик* Теорія і практика моделювання базових прислівникових еквівалентів слів російської мови // Наукові записки XVI Серія Філологічні науки (мовознавство). Кировоград 1999 (Доступно по адресу: <http://www.kspu.kr.ua/research/nauk/1/5.php3>)
- ЛЭС 1991 – Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1991
- Ляпон 1988а – *М.В. Ляпон*. Семантические модификации служебного слова в условиях фразеологизированной конструкции // Язык система и функционирование. М., 1988.
- Ляпон 1988б – *М.В. Ляпон* Лексикографическая интерпретация служебных слов // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре М., 1988.
- МАС – Толковый словарь русского языка В 4-х тт М., 1981–1984.
- Мельчук 1997 – *И.А. Мельчук* Курс общей морфологии. Т I. М., 1997.
- Мельчук 2001 – *И.А. Мельчук* Курс общей морфологии. Т IV М. 2001.
- Мельчук, Жолковский 1984 – *И.А. Мельчук, А.К. Жолковский*. Толково-комбинаторный словарь русского языка Wien 1984.
- Морфологическая структура 1963 – Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.: Л., 1963.
- Мустайоки 1980 – *А. Мустайоки*. Типы ударения имен существительных и их минимизация в учебных целях (= Ежегодник Института культурных связей между Финляндией и СССР. 26). Хельсинки, 1980.
- Объяснительный словарь 2002 – Объяснительный словарь русского языка Структурные слова предлоги, союзы, частицы, междометия. М., 2002
- Панов 1956 – *М.В. Панов* О слове как единице языка // Уч. зап. Московского городского пед. ин-та им. В.П. Потемкина Т. 51 Кафедра русского языка Вып 5 М., 1956.
- Русская грамматика 1979 – Русская грамматика Тт. I–II. Прага, 1979.

- Русская грамматика 1989 – Краткая русская грамматика. М., 1989
- Русский язык 1997 – Русский язык Энциклопедия М., 1997.
- Рогожникова 1983 – *Р. П. Рогожникова* Словарь сочетаний, эквивалентных слову М., 1983
- Рогожникова 1991 – *Р. П. Рогожникова* Словарь эквивалентов слова М., 1991.
- Рогожникова 2003 – *Р. П. Рогожникова* Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову М., 2003.
- РГ 1980 – Русская грамматика. Тт. I–II. М., 1980.
- Скрипникова 1995 – *Н. Н. Скрипникова*. Служебная единица И ТО и ее функциональные эквиваленты в современном русском языке Автореф дис... канд. филол. наук. Воронеж, 1995
- Смирницкий 1952 – *А. И. Смирницкий*. К вопросу о слове (проблема отдельности слова) // Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию. М., 1952.
- Смирницкий 1954 – *А. И. Смирницкий*. К вопросу о слове (проблема тождества слова) // Труды Института языкознания АН СССР. М., 1954
- Соссюр 1990 – *Ф. де Соссюр*. Заметки по общей лингвистике М., 1990.
- Сухотин 1950 – *В. П. Сухотин*. Проблема словосочетания в современном русском языке // Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950.
- Телия 1996 – *В. Н. Телия*. Русская фразеология М., 1996.
- Теньер 1988 – *Л. Теньер*. Основы структурного синтаксиса. М., 1988.
- Храковский 1965 – *В. С. Храковский*. Аналитическая конструкция, аналитическая словоформа, аналитическое слово // Аналитические конструкции в языках различных типов. М.; Л., 1965.
- Шелякин 2000 – *М. А. Шелякин*. Справочник по русской грамматике. М., 2000.
- Ярцева 1955 – *В. Н. Ярцева*. Предложение и словосочетание // Вопросы грамматического строя. М., 1955.
- Givón 2001 – *T. Givón*. Syntax. V. I. Amsterdam; Philadelphia, 2001.
- Fillmore, Kay 1993 – *Ch. J. Fillmore, P. Kay*. Construction grammar coursebook. Berkeley, 1993.
- Fillmore, Kay 1999 – *Ch. J. Fillmore, P. Kay*. Grammatical constructions and linguistic generalizations The what < X doing Y? construction // Language. 1999. V. 75/1.
- Fillmore, Kay, O'Connor 1988 – *Ch. J. Fillmore, P. Kay, M. O'Connor*. Regularity and idiomacity in grammatical construction The case of *Let alone* // Language. 1988. V. 63/3.
- Jackendoff 1995 – *R. Jackendoff*. The boundaries of the lexicon // Idioms: Structural and psychological perspectives. Hillsdale; New Jersey; Hove (UK), 1995.
- Kay 1998 – *P. Kay*. An informal sketch of a formal architecture for construction grammar // http://www.icsi.berkeley.edu/~kay/cg_arch.ps, 1998.
- Mel'čuk 1995 – *I. Mel'čuk*. Phrasemes in language and phraseology in linguistics // Idioms: structural and psychological perspectives. Hillsdale; New Jersey; Hove (UK), 1995.
- OED 1989 – The Oxford English dictionary. V. I–XX. 2nd. ed. Oxford, 1989.
- Wade 2000 – *T. Wade*. A comprehensive Russian grammar. Oxford, 2000.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

А.В. Бондарко Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка М Языки славянской культуры 2002 736 с

Примечательной чертой жизни нашего лингвистического сообщества стала сегодня возможность доступа к лучшим трудам тех ученых которые формировали и в значительной степени определяли основные направления в развитии отечественного языкознания В сериях "Языки славянской культуры", *Studia philologica*" и др отобраны и изданы научные исследования, которыми мы можем гордиться и которые представляют собой значительные достижения современной лингвистики как в области теории языка, так и в сфере описания тех или иных языковых явлений. Среди книг этого рода монография А.В. Бондарко заняла свое достойное место, подводя итоги его плодотворной деятельности в последней четверти XX в. и демонстрируя широкий круг его научных интересов

Каждая из семи частей книги заслуживает не только беглого упоминания, но и специального анализа, ибо все они, исключительно важные по своей тематике и глубине ее изучения, соответствуют актуальным проблемам современной лингвистики, и нам жаль, что в небольшой рецензии мы не можем рассмотреть их с той степенью подробности, как бы нам хотелось. И все же для более полного представления о рецензируемой книге без анализа каждой части обойтись невозможно. Более того, думается, что каждый из семи разделов книги служит по-своему раскрытию общего замысла монографии – разъяснению роли понятия значения и его определения в функциональной грамматике, притом в той ее версии которая была создана А.В. Бондарко и плеядой его учеников и последователей

Как подчеркивает автор в начале книги, свою роль он усматривает в том, чтобы всесторонне осветить проблему языковой интерпретации мира (в его терминах "языковой категоризации семантического содержания"), то есть,

по всей видимости, того мыслительного содержания, которое, отражая опыт взаимодействия человека с действительностью, объективируется затем в конкретном языке в виде особой совокупности реализуемых значений языковых единиц и различных конструкций этих единиц.

Таким образом, можно полагать, что и в поставленной автором проблеме выделяется главный ее аспект – извечная загадка соотношения мыслительного содержания с его языковым воплощением, с его преломлением в языке и, как следствие, с его языковой интерпретацией. Именно к такой трактовке замысла книги нас подводит уже его *первая часть*, содержащая материалы историографического плана, но фактически направленная не только на изложение взглядов крупнейших представителей отечественного языкознания (от А.А. Потемби, Ф.Ф. Фортунатова, И.А. Бодуэна де Куртене и др до Л.В. Щербы, И.И. Мещанинова и В.В. Виноградова, что, безусловно, ценно и само по себе), но и на то, чтобы выдвинуть положение о развитии во всех их работах такой фундаментальной идеи, как идеи вычленения собственного языкового содержания и его соотношения с содержанием мыслительным" (с. 15)

Рассмотрение взглядов отечественных ученых должно, по мнению А.В. Бондарко, подготовить читателя к восприятию той концепции языкового содержания, которая развивается далее на протяжении всей монографии но которая в концентрированном виде выступает во *второй части книги*, где она получает название Стратификация семантики"

В значении языковых форм и категорий последовательно выделяется универсальная смысловая основа и идиоэтнический интерпретационный компонент. Поставленная ученым еще в монографиях 70-х годов, данная

проблема в связи с новой, интегрирующей, научной парадигмой в работах 90-х годов и в рецензируемой монографии получила новое осмысление. Развивая идеи С. Д. Кацнельсона о содержании языковых форм как амальгаме универсальных и идиоэтнических функций, А. В. Бондарко в языковом значении вычленяет универсальную **смысловую** основу и идиоэтнический **интерпретационный** компонент как способ представления смысла, определяемый данной языковой формой. "Смысловая основа содержания высказывания не дана в 'чистом виде" Проходя сквозь призму языковой формы, передаваемый смысл всегда получает ту или иную языковую интерпретацию" (с. 109). "Интерпретационный компонент составляет специфику именно данной формы, данного комплекса языковых средств, данного высказывания" (с. 108).

Вопрос о соотношении значения и смысла А. В. Бондарко связывает с проблемой синонимии, или же, скорее проблемой смысловой эквивалентности языковых единиц, демонстрирующих явное сходство по своему содержанию, но репрезентирующих разное видение объекта или описываемых ситуаций говорящими на данном языке (ср. разное решение этих вопросов в работах Ю. Д. Апресяна, Ю. С. Степанова, Е. С. Кубряковой и др.) Именно в этом отношении намечаются известные точки соприкосновения позиции автора как с когнитивными исследованиями (и в частности с таким понятием, как "конструирование мира – the construal of the world), так и с исследованиями языковой картины мира (ЯКМ), то есть с исследованиями, выполняемыми с антропоцентрической точки зрения, или в антропоцентрической парадигме знания. И остается сожалеть, что эти параллели ускользнули из поля зрения автора как при изложении соответствующих взглядов, так и при освещении истории вопроса. В дальнейшем мы коснемся этих параллелей.

Предлагаемый в монографии вариант стратификации языковой семантики позволяет найти точки соприкосновения между некоторыми противопоставляющимися в последнее время лингвистическими теориями, в частности между денотативно ориентированными семантическими описаниями и когнитивными исследованиями семантических структур (в их соотношении с ментальными структурами носителей языка и с особенностями восприятия мира представителями того или иного этноса). В работе А. В. Бондарко идиоэтнический интерпретационный элемент языкового значения связывается не с говорящей личностью и психологическим опытом человека и этноса, а с системно-структурной организацией содер-

жательного плана языковых категорий и форм. Содержание, выражаемое формальными средствами, всегда выступает в той или иной языковой интерпретации как прошедшее сквозь призму системы и структуры данного языка, сквозь призму языковой формы (с. 109, 117–119), то есть в качестве **интерпретатора** здесь выступает не человек, не этнос, а сам язык, который по своей природе не различает экстралингвистическую и психологическую реальность, ср. [Падучева 1996: 5].

В отечественной лингвистике уже неоднократно высказывалась точка зрения, что разные подходы к анализу языковой семантики – с одной стороны, антропоцентрический, этноцентрический, с другой – системноцентрический, не должны противопоставляться. Трактовка интерпретационного компонента в работе А. В. Бондарко в известной степени снимает такое противопоставление. Зафиксированные в разных языках различия мировосприятия описываются на сугубо лингвистических принципах, что дает основание А. В. Бондарко говорить об интерпретационных элементах значения, порождаемых самим языком¹, без обращения к таким понятиям, как ЯКМ, наивная модель мира, а также к дискуссионным проблемам национального менталитета, языкового сознания, культурных концептов. Но при таком подходе остается в стороне вопрос о взаимосвязи интерпретационных компонентов и их объединении в целостную картину. Меж тем исследования ЯКМ показали, что отраженные в разных языках различия мировосприятия носят системный характер, что в частности проявляется в существовании в ЯКМ своего рода семантических доминант, т. е. некоторых фундаментальных идей, категориальных концептов, выражаемых разными средствами и представляющих собой семантическое микрополе, хорошо разработанное и тонко дифференцированное в том или ином языке.

Некоторые компоненты языковых значений, выражаемые разными средствами, в частности значение начинательности, по мнению автора, может относиться как к смысловой основе, так и интерпретационному компоненту (с. 114–116). Рассмотрим этот вопрос подробнее. В первом случае начинательность выступает как элемент смысла высказывания, связанный с коммуникативными намерениями говорящего (ср.: *Начал строить*

¹ При этом роль говорящего как активной языковой личности в выборе той или иной интерпретации обозначающей ситуации в его дискурсивной деятельности не рассматривается.

дом, но так и не достроил. Снова начал курить). Интерпретационная же начинательность обусловлена характерными для русского языка тенденциями представления наступления действия в цепи последовательных завершённых фактов в прошлом – с обозначением границ данного действия, как правило его начала Ср *Усталость и рассеянность его исчезли он встал и решительно заходил по горнице Потом остановился и, краснея сквозь седину стал говорить* (с 115) Сочетание в этом предложении претеритальных форм разных видов маловероятно ? *он встал и решительно ходил по горнице остановился и говорил*, тогда как в чешском языке (который упоминается на с 115 в связи с работами Св Иванчева) при обозначении цепочки сменяющих друг друга действий в прошлом не только допускается, но и является обычным, стилистически нейтральным выделение одного из звеньев этой цепочки и представление его как процесса глаголом НСВ без актуализации временных границ Конечно, это не значит, что претеритальные формы НСВ в русском языке вообще не могут передавать этап повествования, одно из сменяющих друг друга действий – могут, но, как правило, либо в стилистически маркированных текстах, либо при определенных контекстных условиях, например, при лексической поддержке таксисных ориентиров типа *начала, потом, после этого*, а также при помощи обстоятельств *долго, целый час* и др Ср *Когда гости ушли, Лара долго проветривала, подметала комнаты мыла на кухне посуду Потом быстро разделась потушила лампу и легла* (Б Пастернак) Обозначение деятельности и действий, сменяющих друг друга на линии повествования, без такой контекстной поддержки формами прошедшего времени НСВ в русском языке обычно стилистически не нейтрально (ср пример из Повести непогашенной луны' Б Пильняка *Однажды звонил телефон он слушал и ответил*), при близкает повествование к былинному стилю (ср. *Натягивал скоренько свой тугой лук / Стрелял во Соловья Рахманова / Стрелял он ему в правый глаз / Сва шлся он Соловеем с сорока дубов* [Потебня 1977 34–44]), об употреблении претеритальных форм НСВ в значении стилистически маркированного сказового действия см [Гловинская 2001 187–191]

Высокую степень обязательности выражения начальной границы деятельности или процесса включенных в повествование, прежде всего при помощи производных глаголов с приставками *за-* и *по-* или аналитических конструкций с фазисными глаголами *начать, стать*, А В Бондарко рассматривал в своих

публикациях 90-х годов (см., например, [Бондарко 1994]) с связи с проблемой снижения интенциональности грамматических значений, т е снижения обусловленности их выражения коммуникативными намерениями говорящего (в новой монографии этой проблеме посвящена 2 глава II части) Мы хотели бы подчеркнуть, что в данном случае пониженной интенциональностью и возрастанием обязательности выражения характеризуется не грамматическое значение, а значение, выражаемое словообразовательными или лексическими средствами, т е здесь можно усмотреть определенную степень грамматикализации смысла 'начало' действия Это вполне отвечает той значимости, которая придается смыслу 'начать' в определении содержательного инварианта СВ в целом ряде аспектологических работ, см [Wierzbicka 1967, Гловинская 1982, 1998], а также представлению семантической доминанты аспектуальной системы русского языка при помощи понятия предела как временной границы действия [Петрухина 2003]

В целом же необходимо отметить, что выделение интерпретационного компонента значения в трактовке А В Бондарко позволяет выявить тончайшие расхождения в семантике аналогичных единиц различных языков, в частности славянских

Фундаментальность семантической теории, разработанной А В Бондарко, проявляется в том, что она своими истоками уходит в лучшие философские и лингвистические традиции мировой науки, связанные с идеями В фон Гумбольдта и А А Потебни о понятийной основе языковых категорий, которые в трудах А В Бондарко обогащаются функционально-грамматическими принципами и представлениями С этой точки зрения семантическая теория А В Бондарко представляет собой, по существу, один из вариантов многоуровневой теории значения, разработка которой считается во всем мире наиболее актуальной задачей современной лингвистики Не ограничиваясь анализом собственно языковых значений, автор внимательно прослеживает соотношение понятийного и языкового уровней репрезентации знаний, рассматривает их взаимодействие в процессе формирования языковых значений, и это, в частности, находит свое отражение в теории функционально-семантических полей, в способах стратификации семантики, в авторской интерпретации интенциональности грамматических значений, соотношения значения и смысла, инвариантности и вариативности, языка и речи (системы и среды)

Вклад А В Бондарко в теорию значения можно, однако, связать не только со стратифицированным представлением семантики

языковых единиц, но с особым вниманием к разграничению ролей контекстуальной ситуативной и энциклопедической информации в процессе формирования смысла высказывания и, наконец, в-третьих, с понятием интенциональности. Этому понятию специально посвящается **третья часть** книги

Считая целесообразным для полной характеристики языкового значения в высказывании и целостном тексте ввести понятие интенциональности, А.В. Бондарко утверждает при этом особую его связь "с намерениями говорящего, с коммуникативными целями речемыслительной деятельности" (с 141). Он видит ее проявления прежде всего в функциональных потенциях самих грамматических значений (вида времени, залога и т.д.) и в реализациях этих потенций в высказывании (с. 144). По его мнению наиболее интенциональны те категории, которые охватываются понятием предикативности, – модальности, темпоральности, временной локализованности, персональности и т.п. (с 151), а само понятие интенциональности помогает уточнить конкретные проявления связи значения языковых форм и их смысла (с 156). Но хотя, действительно для каждой языковой формы и можно наметить некие семантические функции, предопределяющие ее выход в смысл", как об этом пишет А.В. Бондарко, вряд ли можно согласиться с тем, что "интенциональность может рассматриваться как свойство языковых значений разных типов – как лексических так и грамматических" (с 141). Кажется скорее, что интенциональность – это не столько свойство языкового значения, сколько свойство говорящего, при учете которого можно понять **выбор им той или иной языковой формы, единицы или конструкции**. Это конституирующая черта языковой способности человека, позволяющая ему согласовывать используемые или вновь создаваемые формы с собственными намерениями, установками, и, конечно, знаниями (в том числе и знаниями конвенциональных значений используемых форм и допустимых пределов их варьирования).

Часть четвертая "Категоризация семантики в системе инвариантности / вариативности" продолжает развитие идей, выдвинутых и защищаемых в предыдущих частях книги и уточняет некоторые из них за счет противопоставления во всех системных объектах такого признака или комплекса признаков, "который остается неизменным при всех преобразованиях, обусловленных взаимодействием исходной системы с окружающей средой" (с 159), тем "дополнительным" признаком, которые приобретаются объектами, притом как в системе языка, так и в речи

(ибо и в системе существуют некие "типичные языковые реализации, отражающие закономерности их функционирования", см с 160)

Подробно осветив концепцию Р. Якобсона об относительной инвариантности значения языковых форм, А.В. Бондарко считает необходимым не ограничиваться при анализе проблемы инвариантности и вариативности описанием системных признаков грамматических категорий, категориальных и некатегориальных значений, взаимодействия лексики и грамматики, системы и среды и обращается к понятию прототипа, рассматривая прототипы с позиции системы вариативности. Автор определяет прототип как "эталонный репрезентант, эталонный вариант определенного инварианта среди прочих его представителей" (с. 265) усматривая основное отличие инварианта от прототипа в том, что инварианты часто не являются интенциональными, в то время как прототипы в сфере семантики по своей природе интенциональны и неразрывно связаны с актуальным сознанием участников речевого акта. Интеграция принципов инвариантности/вариативности и прототипического подхода А.В. Бондарко иллюстрирует на примере анализа временного дейксиса и перцептивности (с 266–285)

В этой же части книги читатель найдет интересные соображения автора об общих и основных значениях грамматических форм о реализации ими их собственного категориального значения, о роли транспозиции в определении статуса этого значения в системе языка. Но, пожалуй, особого внимания здесь заслуживают соображения автора о взаимодействии системы языка с той средой, в которой данная система функционирует, когда исследование "приобретает объяснительную силу если изучение внутрисистемных отношений дополняется анализом отношений между системой и ее средой" (с 195). Лишь с этой точки зрения могут быть установлены более адекватно все свойства грамматической категории, их системные признаки коррелятивности, вступление грамматических категорий в оппозиции и выражение ими неопозитивных различий, обязательность грамматических категорий и т.д. вплоть до определения места грамматической категории в связи с противопоставлением в системе языка ее ядра или центра, и ее периферии (с 263). Именно для характеристики этого противопоставления имеет смысл рассмотреть понятие категории в "лучших примерах", то есть привлекая к ее анализу понятие прототипа, а также вариантов перцептивности (с 273 и сл.). Все это позволяет в конечном итоге выявить "категоризацию семантики" в данном языке. В книге

она подробно описывается и в следующих главах, посвящаемых уже более конкретно рассмотрению материала русского языка

Самостоятельной, по существу, теорией в рамках рассматриваемой авторской концепции значения является грамматика функционально-семантических полей и категориальных ситуаций, представляющая собой модель функциональной грамматики, которая связана с изучением системы семантических категорий в их языковом выражении. Этой теории посвящается четвертая часть книги. Концептуальным основанием теории служит треугольник "семантическая категория – функционально-семантическое поле – категориальная ситуация". Предлагаемая модель функциональной грамматики также строится на нескольких принципах. К числу важнейших А В Бондарко относит принцип единства грамматики, т.е. единства ее структурных и функциональных аспектов, ее системно-языковых и речевых элементов, и системно-интегрирующий принцип анализа функционально-семантическое поле (ФСП) как система интегрирует разноуровневые средства на базе общности их функций. Последнее, по мнению самого автора, определяет существенное отличие функциональной грамматики от традиционной ('урвневой') грамматики, которая в своей основе является системно-дифференцирующей (с 293)

Несомненно, сильной стороной предлагаемой модели функциональной грамматики является сочетание двух направлений анализа и описания языкового материала – исходно-семантического и исходно-формального. В то же время основной принцип построения грамматики, определяющий ее структуру и доминирующий тип описания языкового материала, связан с подходом "от семантики к средствам ее выражения". Именно этого принципа придерживается автор, рассматривая конкретные ФСП, что позволяет ему выйти за пределы 'простых и явных' языковых средств, традиционно изучавшихся грамматикой, и обратиться к изучению более сложных, разноуровневых средств в их взаимодействии. Наиболее иллюстративным примером такого взаимодействия разноуровневых средств может служить предлагаемый автором анализ поля временной локализованности (с 443–472). В то же время функциональная грамматика, по мнению А В Бондарко, требует и второго, 'от формы к семантике', типа описания, позволяющего ответить на вопрос, какие функции выполняет данная форма, как она функционирует (с 298).

Существенным с точки зрения целостности рассматриваемой теории значения представляется также разграничение таких поня-

тий, как грамматическая категория – "функционально-семантическое поле – "грамматическое единство", чему А В Бондарко уделяет пристальное внимание в связи с обсуждением вопросов системного анализа в сфере функциональной грамматики. Если грамматическая категория включается в состав ФСП как его центр, ядро (например, категория вида – центр поля аспектуальности), то грамматическое единство трактуется автором как понятие, охватывающее различные типы категорий и разрядов в сфере грамматики, например части речи. Это позволяет исключить какие-либо неточности, связанные с необходимостью использования одного и того же термина 'грамматическая категория' в более узком и более широком смысле. А В Бондарко также останавливается подробно на типологии грамматических единств и функционально-семантических полей.

Отдельная глава этой части посвящена категориальной ситуации как одному из основных понятий, на которых, наряду с ФСП, строится предлагаемая модель функциональной грамматики. По существу, теория категориальных ситуаций является продолжением и развитием теории функционально-семантического поля, поскольку она затрагивает вопросы реализации элементов того или иного поля в речи, в высказывании, закономерности и типы функционирования языковых единиц. Понятие категориальной ситуации вводится, прежде всего, для того, чтобы выделить в трактовке содержательного аспекта любого высказывания реализацию одной из семантических категорий в соответствующем ФСП и тем самым дать представление о типовых ситуациях, описываемых в конкретном языке. Особой составляющей такой ситуации является предикация. Несмотря на необычность самого термина категориальная ситуация, его использование оправдано тем, что он способен обозначать родовое понятие по отношению к конкретным, видовым понятиям как узальной, локативной и других ситуаций, связанных с отдельными семантическими категориями. При этом в понятии категориальной ситуации автор совершенно справедливо выделяет два аспекта универсально-понятийный и конкретно-языковой, подчеркивая тем самым ориентацию семантического содержания на конкретный язык.

Весьма важными представляются и теоретические размышления А В Бондарко о функциях языковых единиц (и в частности, о разграничении функций потенциалов и функций реализации), о значении и функции, функциональном потенциале (с 339–356), что позволяет автору сделать очень тонкие и

точные замечания по поводу отличий, существующих между понятиями семантической функции и значения. Эти отличия, по мнению А.В. Бондарко, сводятся к тому, что семантическая функция, являясь более широким понятием, чем значение, охватывает не только собственные значения языковых единиц, но и речевые смыслы, в формировании которых значительную роль играют речевая ситуация и фоновые знания (с 342).

В своей новой книге (в пятой ее части) А.В. Бондарко продолжает исследование аспектуально-темпорального комплекса глагольных категорий как семантического единства, реализующего идею времени в языке (с 357–540). Основное внимание здесь уделяется категории аспектуальности и в ее рамках категории вида, новизна описания которой в монографии заключается именно в рассмотрении ее в более широкой системе данного комплекса.

А.В. Бондарко является последовательным сторонником инвариантного подхода к определению категориальной семантики видов. В его работах (начиная с публикаций 80-х годов XX в. и в настоящей монографии) категориальное значение совершенного вида определяется при помощи 'двупризнакового бинама', состоящего из взаимосвязанных и выступающих одновременно признаков целостности (Ц) и ограниченности действия предель (ОГР), причем в последних публикациях автором признается приоритет признака ОГР (с 370). Сопоставительные исследования аспектуальных систем славянских языков, проводимые в целом ряде работ отечественных и зарубежных славистов, показало необходимость учета обоих признаков, хотя признак Ц в аспектологической литературе подвергался наибольшей критике, в связи с его крайней абстрактностью и 'психологической неощутимостью'.

Подчеркнем, что видовые категориальные признаки не дублируют полностью семантические особенности глаголов СВ и НСВ, что усиливает интерпретационную доминанту семантики видов (ср с 369), а также определяет известную асимметрию между категориальной семантикой и синтагматическими свойствами глаголов СВ и НСВ (ср, например, с 499). Категориальные видовые признаки можно было бы считать нетривиальными семантическими (по аналогии с "нетривиальными семантическими признаками" типа 'стативности', которыми пользуется в своей лексикографической практике Ю.Д. Апресян), – они отражают определенные семантические свойства слова, но не дублируют их целиком [Апресян 1995: 30], с той лишь раз-

ницей, что видовые признаки относятся к области не 'скрытой', а 'открытой' грамматики, то есть опираются на грамматические формы и охватывают все глаголы.

А.В. Бондарко исходит из того, что "для языковой системы первичны признаки ОГР и Ц, заложенные в категориальном значении СВ" (с 414), на уровне же высказывания, как "проявление последствий предела" возникает признак 'возникновения новой ситуации' (ВНС) (с 415–127), который трактуется автором "не только в смысле 'что-то началось, наступило, стало иным' и т.п., но и в смысле 'кто-то что-то сделал, последовал ряд сменявших друг друга фактов', 'что-то произойдет' и т.п." (с 421).

Изучение различных направлений в аспектологии приводит нас к выводу, что к выявлению концептов, передающих категориальную сущность видов, можно идти разными путями: анализируя, с одной стороны, толкования глагольных значений ("смысловый", или лексикографический подход), а с другой – синтагматические свойства глаголов СВ и НСВ, во многом определяемые категориальными семантическими видовыми признаками ("признаковый" подход). Наибольшей адекватности языковому материалу можно, очевидно, ожидать от такого подхода к исследованию видовой семантики, в котором сочетаются оба типа анализа. Такому требованию, на наш взгляд, отвечает определение категориальной семантики видов на основе концепта 'предела действия как его временной границы', так как оно предполагает изучение реализации этого признака в значении глаголов СВ и НСВ в зависимости не только от внешнего, но и внутреннего, лексического, контекста. 'Предел' как временная граница ситуации может рассматриваться как "изнутри", со стороны самого действия (ср 'предел' в разных его интерпретациях, 'завершение действия', 'результат' и др.), так и "снаружи", с точки зрения отношения данного действия с другими смежными во времени ситуациями (ср. 'начало новой ситуации', 'начать', 'изменение' и под.). При этом в аспектуальных системах разных славянских языков наблюдается актуализация и категоризация разных сторон данного концепта [Петрухина 2003].

Рассмотрим еще один фрагмент конкретного описания употребления видов в монографии А.В. Бондарко. Категориально обусловленный запрет на сочетаемость глаголов СВ с фазовыми глаголами и на употребление в контексте актуально-процессного значения, в том числе при обозначении актуального настоящего в большинстве славянских язы-

ков соблюдается очень строго. Тем не менее, как отмечает А. В. Бондарко, в высказываниях, передающих ситуации актуального настоящего, возможно употребление глаголов СВ 1) *Посмотрите огонек то вспыхнет, то погаснет*; 2) *Не пойму, что он говорит*, 3) *Попрошу задержаться*. А. В. Бондарко считает, что приведенные примеры ограничивают утверждение о неспособности рассматриваемых форм СВ выступать в функции настоящего актуального (с 499). Здесь позиции А. В. Бондарко сближаются с точкой зрения Г. А. Золотовой, которая считает, что глаголы СВ вполне могут выполнять "имперфективную процессуально-воспроизводящую функцию", например, в таком предложении, как *Пес как прыгнет, завизжит* (ср. *Пес прыгает и визжит*) [Золотова и др. 1998: 403]. Но читателю не хватает анализа и объяснения отмеченных фактов в соотношении с категориальной семантикой совершенного вида.

Подведем некоторые итоги. В небольшой этой рецензии было бы нереальным пересказать или прокомментировать всю массу глубоких идей автора, связанных с теорией функциональной грамматики и с осмыслением в ее рамках природы и типов грамматических значений. Было бы также сложным отметить по достоинству все то новое, что отличает эту монографию от уже опубликованного А. В. Бондарко прежде. Хотелось бы в то же время подчеркнуть, что именно собранные вместе и переработанные эти публикации предстали в монографии как части единого целого, единой и непротиворечивой системы взглядов, в которой каждой из составляющих дано четкое определение и подробное разъяснение. Монография, несомненно, позволяет по-новому взглянуть на место функциональной грамматики в грамматическом описании языков и еще раз задуматься над природой и типами грамматических значений. Бережное отношение автора монографии к нашим традициям, к современникам и предшественникам, интереснейшие экскурсы в историю языкознания, богатство материала, разъясняющего теоретические позиции автора, и безупречная логика изложения, заставляющая ощутить внутреннее единство всей книги, – все эти яркие

отличительные черты книги делают ее издание значительным событием – и не только в отечественном языкознании. Мы уверены в том, что она еще долго будет востребованной своими благодарными читателями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 1995 – Ю. Д. *Апресян*. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
- Бондарко 1994 – А. В. *Бондарко*. К проблеме интенциональности в грамматике // ВЯ. 1994. № 2.
- Гловинская 1982 – М. Я. *Гловинская*. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.
- Гловинская 1998 – М. Я. *Гловинская*. Инвариант совершенного вида в русском языке // Типология вида. Проблемы, поиски, решения. М., 1998.
- Гловинская 2001 – М. Я. *Гловинская*. Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола. М., 2001.
- Золотова и др. 1998 – Г. А. *Золотова*, Н. К. *Онипенко*, М. Ю. *Сидорова*. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
- Петрухина 2003 – Е. В. *Петрухина*. Доминантные черты русской языковой картины мира (в сравнении с чешской) // Русское слово в мировой культуре. X Конгресс МАПРЯЛ. Пленарные заседания. СПб., 2003.
- Падучева 1996 – Е. В. *Падучева*. Феномен Анны Вежицкой // Анна Вежицкая. Язык. Культура. Познание. М., 1996.
- Потебня 1977 – А. А. *Потебня*. Из записок по русской грамматике. Т. IV. Вып. II. Глагол. М., 1977.
- Wierzbicka 1967 – A. *Wierzbicka*. On the semantics of the verbal aspect in Polish // To honour Roman Jakobson. Essays on the occasion of his seventieth birthday. Paris, 1967.

*Н. Н. Болдырев, Е. С. Кубрякова,
Е. В. Петрухина*

Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация / Отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2003. 565 с.

Зафиксированные в целом ряде исследований изменения, происходящие в русском языке на рубеже веков, возвращают русистов к проблеме социальной обусловленности языка [Костомаров 1994, Земская, ред. 1996,

РЯ 1997, КРС 2000; РЯС 2003]. Очевидная корреляция социальных и языковых преобразований последнего времени (например: крушение тоталитарной системы → процесс деидеологизации языка; демократизация об-

щества → процесс демократизации литературных норм; обретение свободы совести → формирование церковно-религиозного стиля речи и др.) подталкивает современных исследователей к возрождению лежащих на поверхности идеи изоморфизма языковой и социальной структур

Авторы рецензируемой монографии опираясь прежде всего на критерий функциональной вариативности языка/речи отказываются от прямолинейной механистической трактовки социальной дифференциации языка. Признание эффективности рассмотрения языка в динамике его функционирования (а современное состояние русского языка отличается интенсивным динамизмом) влечет за собой выбор ведущих принципов коллективного исследования в их числе антропоцентризм, необходимость расширения ряда факторов влияния – стилистического, ситуативного, коммуникативно-ролевого

Принимая в целом традиционную схему дифференциации языка, авторы делают акцент на функционировании, употреблении языковых единиц, на наличии промежуточных подсистем языка (ср.: диалект, просторечие и полудиалект [Герд 2000 47]), обращают внимание на полиглоссность носителя языка [Ларин 1928], приходят к выводу о необходимости рассмотрения проблемы социальной дифференциации языка в тесной связи с проблемой языкового варьирования.

Коллективная монография состоит из введения, четырех основных частей и заключения. Самостоятельную ценность имеет библиографический список, дающий целостное представление о развитии социолингвистики XX века.

Во Введении (Л. П. Крысин) осуществляется постановка проблемы, уточняются методологические позиции коллектива авторов, кратко характеризуется научный аппарат исследования, прогнозируются перспективы социофункционального подхода к языку.

Часть I "Социальная дифференциация системы современного русского национального языка" (Л. П. Крысин) основана на разработке фундаментального положения о двояком выражении социальной дифференциации языка через социально обусловленные подсистемы (глава 1), через социально маркированные языковые средства (глава 2). При рассмотрении каждой конкретной подсистемы языка в соответствии с социофункциональным подходом, учитываются следующие параметры: социальная характеристика носителей данной языковой подсистемы; набор средств коммуникации; особенности использования этих средств. Характеристика литературного

языка по названным параметрам приводит к обоснованному выводу о его гетерогенности: субстратной, социальной, функциональной

Функциональная дифференциация языковых средств и членение на функциональные стили правомерно признаются особенностью собственно литературной подсистемы национального языка. Хотелось бы попутно заметить, что описание структуры научного стиля речи проведено без учета результатов монографического исследования [Кожина 1994; Стилистика 1998] этого стиля в его эволюции (XVIII–XX вв.). Если отвлечься от данного раздела и оценить монографическое исследование в целом, можно с сожалением отметить, что заявленный функционально-стилистический поворот социолингвистического анализа к видимым результатам не привел

Нельзя не признать плодотворности положения о специфике жанрового репертуара отдельного функционального стиля. Еще М. М. Бахтин говорил о целесообразности классификации речевых жанров "по сферам человеческой деятельности" [Бахтин 1979 242], связанным с функциональной дифференциацией языка. Эта мысль, безусловно, актуальна для социолингвистического исследования

Целым рядом уточнений и обобщений, связанных как с кругом носителей диалекта, так и с функционированием говоров, ограниченным семейной и неофициальной межличностной коммуникацией, сопровождается анализ территориальных диалектов. Особо подчеркивается наличие социального и стилистического варьирования диалектных средств. Вскрываются причины формирования полудиалектов

При характеристике просторечия как специфически национальной языковой подсистемы высказываются оригинальные перспективные идеи. Мы имеем в виду прежде всего идею разграничения "просторечия-1" и "просторечия-2", связанную с наличием круга носителей этой языковой подсистемы и наличием собственно языковых особенностей, которые прослеживаются на всех уровнях (от фонетического до синтаксического). Представляется, что углубленный анализ "просторечия-2" может изменить сложившееся представление о просторечии как периферии общенационального языка. Источники неправильности, и повернуть социолингвистические исследования в сторону этнокультурной специфики данной подсистемы

В монографии четко дифференцируются жаргоны профессиональные, основанные на объединении по специальности, профессии (отмечаются тенденция к их диффе-

ренциации и тенденция к интеграции с литературным языком, просторечием, а также к интеграции взаимной), и жаргоны социальные, основанные на социальном отчуждении (отмечается связь социального жаргона с порождающей его социальной средой); особо оговаривается существование общего жаргона [ТСОЖ 1999].

Характеристика каждой подсистемы максимально соотнесена с состоянием русского языка на рубеже веков. Динамический подход к описанию позволяет систематизировать важнейшие направления реальных социоязыковых изменений.

Важнейший итог данной главы и исследования в целом – сформулированные Л.П. Крысиным социолингвистические свойства каждой языковой подсистемы. Лаконизм, точность, адекватность соответствующих формулировок (с. 47, 52, 68, 74) позволяют говорить о целесообразности их внедрения в тексты учебников по современному русскому языку и культуре речи.

Социальная обусловленность языка, как известно, выражается в разных формах [Крысин 1968] и, в частности, в том, что некоторые "языковые средства приобретают функции социальных символов – маркеров принадлежности говорящего к той или иной социальной среде" (с. 79). Описанию таких социально маркированных языковых единиц посвящена глава 2. Основопологающим тезисом является положение об избирательном характере социальной обусловленности языка [Поливанов 1968], и это известное положение развивается и уточняется Л.П. Крысиным. Показано, что не только разные уровни языковой структуры в разной степени проницаемы для социального воздействия (лексика и фразеология в большей степени; морфология, фонемный состав – меньше), но и на каждом уровне языка социальному влиянию подвержены лишь определенные участки. В главе рассмотрены все уровни языка и именно те участки или группы единиц, которые являются социально маркированными: в области консонантизма – [ʎ] фрикативное, [ж'] полумягкое, [ɫ] средне-европейское; в области вокализма – сохранение [o] не под ударением, редукция неударного [y]; в морфологии – формы именительного падежа множественного числа существительных мужского рода; в сфере словообразования показана специализация словообразовательных моделей и/или предпочтение каких-либо моделей в определенной подсистеме языка; в области синтаксиса – отдельные конструкции, частотные в средствах массовой информации; на лексическом уровне – профессиональные метафоры и слова с социально

ориентированным значением. Ценно то, что описание иллюстрируется фактами, наблюдаемыми в современной русской речи. Принципиально важным нам кажется социолингвистический поворот в оценке указанных речевых особенностей, которые обычно интерпретируются либо с точки зрения соответствия норме, либо с точки зрения принадлежности к какой-либо подсистеме языка или стилистической окрашенности. В главе убедительно показано, что многие специфические, нарушающие языковую традицию явления могут быть квалифицированы как принадлежащие той или иной социальной среде (например, формы именительного падежа множественного числа существительных мужского рода с флексией *-á/-я*). При этом автор отнюдь не склонен видеть за каждой специфической особенностью результат социального влияния; далеко не все факты отклонения от литературной нормы следует считать социально маркированными, некоторые инновации отражают общие тенденции развития языка и возникают на пересечении нескольких функциональных разновидностей.

При характеристике социально маркированных языковых явлений учитывается множество параметров: принадлежность к той или иной профессиональной группе, уровень образования, возраст, пол, степень социальной мобильности и др. Это позволяет создать целостное впечатление о социально-языковых факторах в их многомерных связях.

Часть II "Соотношение социальной дифференциации языка и функционально-жанрового членения речи", включающая шесть основных глав, характеризует новизной теоретического подхода: социальная дифференциация языка поставлена в связь с жанровыми формами, приспособленными для устной и письменной межличностной и массовой коммуникации.

В главе I (М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова) выявлены жанровые реализации типовых ситуаций общения горожан. Анализ жанровых форм проведен в русле концепции М.М. Бахтина, акцентирующей такие признаки речевого жанра, как диалогичность, целеполагание, связь с определенной сферой общения. Для анализа привлекается уникальный речевой материал: осуществленные авторами записи живой речи москвичей. Известно, что речь жителей столицы отличается меньшей консервативностью, чем речь жителей провинциальных городов. Именно речь москвичей, находящихся в центре современных социальных новаций, может служить надежным источником сведений о динамике социальной дифференциации языка.

Авторами разработаны принципы членения коммуникативного пространства относительно хронотопа, темы (ситуативной и текстовой), партнеров коммуникации, их ролевых функций (см. таблицу 1, с. 109–110), а также форм речи – разговорной или кодифицированной литературной. Спорно, однако, утверждение о том, что кодифицированность – некодифицированность можно отнести к "функционально-стилевой дифференциации языка" (с. 104). Ведь функциональные стили, как было заявлено в первой части монографии, – это принадлежность исключительно литературной подсистемы языка, следовательно, к функциональному стилю относится лишь кодифицированная (или литературно-разговорная) речь – письменная и устная.

Авторами устанавливается зависимость в ряду: репертуар социальных ролей человека – типовые ситуации общения – жанровый репертуар. Каждое звено указанного ряда получает классификационное воплощение; жанровые формы убедительно проиллюстрированы. Выявлены основные тенденции жанрового развития: диалогизация и усиление личностного начала для письменных жанровых форм (плакаты: *Папа, не пей!; Господа из Банк оф Нью-Йорк, предупреждаем: мошенничество с ценными бумагами недопустимо*) при общем усилении фатки (реплика-наклейка на стекле автомобиля: *Осторожно, пуता педали!*).

Типовые ситуации стереотипной устной городской коммуникации, обеспеченной цепочками соответствующих жанров, представлены на примере микромира аптеки. Предложенное описание жанрового воплощения стереотипных ситуаций имеет прикладное значение: живые диалоги, естественно вписанные в конкретный участок городского пространства, представляющие собой особым образом организованный текст и отражающие модели социально-ролевого поведения, могут быть с успехом использованы в учебных пособиях по русскому языку как родному и, в особенности, – как иностранному.

Изменения в социальной стратификации российского общества, в поведенческих схемах, нашедшие отражение в городских вывесках, анализируются в главе 2 (М.В. Китайгородская). Лексика вывесок – точно выбранный материал для динамического социофункционального исследования. Отмечены важнейшие сдвиги в социолингвистическом облике города: деидеологизация, изменение стилистического узуса, смена лексико-тематических парадигм, формирование новейших парадигм, смена ролевых позиций иждивателя и адресата (горожанина), активизация ряда оппозиций (свое/чужое: *ресторан "Царская трапеза" – ресторан*

"Кардинал Ришелье"; старое/новое: Строгановы и К° – Мебель в натуре и на заказ) и др. Собственно лингвистический интерес представляет классификация актуальных способов номинации; социолингвистической значимостью обладает предложенная М.В. Китайгородской типология названий городских объектов, позволяющая, в частности, составить представление о культурно-ценностных предпочтениях и языковом вкусе жителей столицы. Перспективной представляется обозначенная жанровая интерпретация текстов-примитивов, в соответствии с которой выделяется жанровое ядро и варьирующееся жанровое расширение (*Продукты → Продукты 24 часа; Любимые продукты* и др.).

В главе 3 (М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова) анализируется современная политическая коммуникация, характеризующаяся, как отмечают авторы, заменой вертикального типа общения власти и народа (монолог) горизонтальным (диалог), поворотом от коллективного типа сознания к индивидуальному. Заслуживает внимания и экспериментальной проверки гипотеза дуальной модели (Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский), объясняющая современные социально обусловленные языковые процессы. Основные тенденции развития современной политической коммуникации выявляются на фоне моделей политической коммуникации в тоталитарном обществе. Показано направление динамики ряда базовых оппозиций (с. 166). Например, движение от письменности к устности; от регламентированности к спонтанности. Спорно лишь противопоставление безадресности и адресованности. В тоталитарной политической коммуникации, как нам представляется, адресность существовала, однако тип адресата характеризовался высокой степенью обобщенности. Вывод о замене политической диглоссии полифонией мы полностью поддерживаем. Условное выделение трехчленного ряда – языка власти/языка демократической оппозиции/языка коммунистической оппозиции – позволяет разработать трехчастный очерк ключевых идеологем, демонстрирующий целесообразность такого разделения.

Вербализация идеологических концептов, отражающих политические установки партий, прослеживается на материале текстов определенных жанров: партийных программ, бюллетеней, листовок, дебатов и др., однако идентификацию партий даже по текстам программных жанров провести невозможно. Именно поэтому авторы, следуя антропоцентрическому принципу анализа, обращаются к речи партийных лидеров, яркие портретные зарисовки которых дают пред-

ставление о степени воздействия индивидуальной манеры речи и отраженных в ней ценностных установок.

Базульной заслугой авторов является впервые осуществленное целостное описание "речевого мира" митингов 90-х годов (демократических и прокоммунистических), во многом определивших перестройку посткоммунистического общественного сознания. Теоретическая строгость категориального анализа (пространство, время, ролевая структура, тематика, репертуар жанров) позволяет сделать ценные социолингвистические обобщения. Все выводы основаны на изучении текстового материала, собранного авторами методом включенного наблюдения и представляющего самостоятельную социолингвистическую и историческую ценность. Так, приведенные примеры разных жанров народно-площадного творчества позволяют судить о свойственных носителю современного русского языка социальном оптимизме, прозорливости, эмоциональной и аксиологической раскованности, склонности к афористичности (например: *Идеи социализма / Высшая степень идиотизма*). Ценным представляется систематизация лексики (прагматические антонимы, словооценки и др.), позволяющая проследить маркировку "своего" и "чужого", дать интерпретацию митингов как синсемантических текстов.

Серия фотографий дополняет и конкретизирует наблюдения о языке города в меняющихся социальных условиях.

В главе 4 (Е.В. Какорина) рассматривается отражение социальной дифференциации языка в текстах СМИ. Один из опорных тезисов автора кажется нам неточным: на с. 241–242 отмечаются "изменения в социо-психологических функциях языка МК" (массовой коммуникации). Автор говорит об усилении функций "информирования и развлечения" и редукции функции регулирования. Во-первых, вряд ли "развлечение" можно интерпретировать как функцию языка; во-вторых, нецелесообразно игнорировать конструктивный принцип организации публицистического стиля, описанный в трудах по функциональной стилистике [Кожина 1983: 185; Костомаров 1971: 90–104; Матвеева 1990: 85]. В главе рассмотрены живые языковые процессы в зеркале текстов СМИ нового времени; в частности, на материале молодежной прессы показана реализация установки на устную разговорную речь, сближающуюся с жаргонной. Особое внимание уделено освоению и популяризации терминологии и иноязычных заимствований. Интерес представляет систематизация профессиональных жаргонов, служащих источниками лексического обновления тек-

тов СМИ. Из дедуктивно выведенного на с. 246 соотношения "специфика издания – набор жанров – специфика языка", к сожалению, практически выпадает второе звено.

С точки зрения социальной дифференциации единого национального языка весьма существенным оказывается факт вхождения носителей языка в те или иные малые социальные группы. Принадлежность к определенной, референтной для индивида (с. 21) социальной группе, наряду с другим динамическим социальным фактором – социальной ролью, оказывает существенное влияние на использование языковых средств. Наиболее типичной малой социальной группой является семья. Глава 5 (А.В. Занадворова) посвящена исследованию языка семьи, который отражает многие общие особенности функционирования языковых единиц в малой социальной группе. Признаки, определяющие существование семьи (общая апперцепционная база, тесная спаянность речи с ситуацией), лежат в основе любого "семейного языка", который характеризуется, как показывает автор, внутрigrупповой общностью на всех уровнях языковой системы: в особенностях просодии и интонации, паралингвистических средств общения, в орфоэпических традициях, в составе "семейного словаря" и особенностях словоупотребления. Автор исследует уникальный материал – живую речь нескольких семей московской интеллигенции. Подробно анализируется лексика и фразеология семейного языка, поскольку именно специфические семейные слова "приобретают свойство символа принадлежности говорящего к данной группе" (с. 281) и придают неповторимое своеобразие домашнему языку. Особое внимание уделено описанию семейных номинаций: личных имен, прозвищ, "внешней и внутренней топографии" (с. 313). Каждый участник семейного словаря описан по нескольким параметрам: выделяются источники появления лексической или фразеологической единицы, причины ее возникновения, способы образования. Это создает целостную картину языка семьи. Интересны наблюдения, связанные с развитием особых, "узкогрупповых" коннотаций у некоторых классов слов (например, зоонимов). Важным, на наш взгляд, является вывод о том, что специфика семейного языка "заключается не столько в создании [здесь и далее выделено автором] новых лексических единиц..., сколько в отборе и оценке тех или иных языковых фактов, а также в обработке (фонетической, словообразовательной) и закреплении тех или иных словоформ и словосочетаний в семейном узусе" (с. 284). Разработанные принципы описания речевого существования малых социальных

групп могут быть использованы в дальнейших исследованиях.

Глава 6 (Н.Н. Розанова) посвящена исследованию сферы религиозной (богослужебной) коммуникации, которая, как справедливо замечает автор, в последние десятилетия заметно расширилась и активно проникает в современную жизнь, становясь частью повседневного речевого общения. Принимая положение о существовании религиозно-проповеднического стиля в функционально-стилистической парадигме современного русского литературного языка [Крысин 1996; Крылова 2000], автор тем не менее доказывает, что данный стиль не покрывает все пространство религиозного дискурса. Рассматриваются жанры, встречающиеся в данном локусе, но не определяющие его функционально-стилевой специфики: инструкция, микродиалоги различной иллокутивной направленности (информативные, прескриптивные, апеллятивные и др.). Однако Н.Н. Розанова убедительно показывает, что текстовые реализации этих жанров в коммуникативном пространстве храма специфичны в тематическом отношении и отличаются особенностями словоупотребления.

Особо анализируется жанр храмовой проповеди, который (как и молитва) составляет специфику исследуемой коммуникативной сферы. Выявлены коммуникативные признаки жанра (устность, монологичность, спонтанность в сочетании с подготовленностью), оказывающие влияние на характер организации текста проповеди. Реализуя принцип динамического подхода, автор описывает эволюцию данного жанра и выделяет некоторые композиционные, тематические особенности, определяемые изменениями в социокультурной ситуации последних лет. Ценным представляется характеристика проповеди как комплексного монологического жанра, состоящего из цепочки более мелких жанров, композиционно и логически связанных между собой. Для понимания механизма жанровых переключений проповедь исследуется с коммуникативных позиций; рассматривается соотношение трех основных компонентов коммуникативной структуры жанра: адресант – адресат – тема. Собственно лингвистический интерес представляет описание лексических, грамматических и стилистических особенностей текста проповеди.

Несомненная значимость материалов, содержащихся в исследовательских главах части II коллективной монографии, заключается в достаточно полной социолингвистической интерпретации важнейших участков современного коммуникативного пространства.

Часть III "Социальные различия говорящих и их речевое поведение" состоит из пяти основных глав. В главе 1 (Л.П. Крысин) рассматриваются особенности речевого поведения в социально неоднородной среде. Теоретически осмысливается группа факторов (языковых, социальных, ситуативных), касающихся различий между партнерами общения и влияющих на коммуникативный результат. Это, прежде всего, однородность/неоднородность языкового кода (выделяются разные степени неоднородности), сходство/расхождение в наборе коммуникативных стереотипов (например, стереотип *Пригласите к телефону такого-то* – правомочно интерпретируется как провинциализм). Отмечаются различия в использовании коммуникативных тактик (параллельно, в частности на примере взаимодействия врача и пациента, уточняется само понятие "тактика"). Подчеркивается, что в неоднородной среде проявляется владение говорящими социализованными нормами общения, причем социальная неоднородность и языковая неоднородность коммуникантов не всегда совпадают. Автор говорит о необходимости изучения способов коммуникативного приспособления, без реализации которых невозможна обратная связь.

В главе 2 (Л.П. Крысин) исследуются кодовые переключения в речевом поведении говорящего. Уточняется представление о социально-коммуникативной системе и ее составляющих (кодах, субкодах, находящихся в отношении "функциональной дополнительности"), дается интерпретация механизма переключения с одного кода (субкода) на другой, причем само кодовое переключение трактуется как форма языкового варьирования в структурированной определенным образом типовой ситуации общения. Показано, какие факторы влияют на кодовые (субкодовые) переходы и регулируют последние. Способность к кодовым/субкодовым переключениям осмысливается в аспекте языковой компетенции и, что очень важно, в аспекте речевой культуры человека, культурно-речевой компетенции.

Теоретические положения, разработанные Л.П.Крысиным и систематизированные в указанных двух главах части III монографии, могут служить надежной социолингвистической базой исследования коммуникации в тех или иных социальных группах.

В главе 3 (А.В. Занадворова) изложены результаты конкретного исследования коммуникативного существования городской семьи, принадлежащей к интеллигенции. Эта глава органично продолжает пятую главу части II монографии, и поэтому несколько

странным выглядит первый раздел, где дается характеристика семьи как малой социальной группы. На наш взгляд, логичнее было бы включить этот раздел именно в предыдущую главу, где автор в первый раз обращается к семейной речи. Семья относится к так называемым малым социальным группам и с этой точки зрения характеризуется как формальная, первичная, референтная, полифункциональная общность, предполагающая ролевую дифференциацию. В домашнем общении наблюдается асимметрия семейных ролей, и автор рассматривает разные виды асимметричности – иерархическую, обусловленную социальным статусом, ситуативную, а также "неравенство в уровне компетенции" (с. 395). Убедительно показано, что внутри семьи сосуществует несколько подъязыков, отличающихся особым набором жанров и тематическим диапазоном, что, в свою очередь, определяет выбор говорящим языковых средств. Все это позволяет расширить представление о полигlossии членов малой социальной группы. Бесспорной значимостью обладают сформулированные автором речевые показатели вежливости, релевантные для семейного общения.

Глава 4 (М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова) посвящена речевому общению в неиерархизированных общностях говорящих. Объект исследования – коммуникация в пространстве рынка. Конкретный анализ аудиозаписей рыночного речевого взаимодействия предваряется ценным социокультурологическим очерком, дающим представление о национальной специфике рыночно-ярмарочной коммуникации в ее эволюции. Эффективность приложения системы параметров, лежащих в основе коммуникативной ситуации, была продемонстрирована авторами в предыдущей части настоящего исследования, а ранее – в специальной монографии [РМ 1999]. Результативность алгоритмизированного подхода очевидна и при исследовании хаотичной, на первый взгляд, рыночной коммуникации. В процессе "ступенчатого" анализа выявлены определенные зависимости, в их числе: физическая и социальная открытость рыночного пространства – раскованность речевого поведения коммуникативных партнеров; специфика временных параметров – неофициальность, неформальность широких коммуникативных контактов; ролевые позиции коммуникативных партнеров в меняющихся социальных условиях – манера общения, специфика тональности, включение товара в сферу "своего" или "чужого", статусно-ролевые разъяснения и др. Представлено типологическое разделение тем – ситуативных и текстовых.

Авторами осуществлен опыт многоаспектного комплексного описания жанра выкрика-завыва, специфического (как и жанр расхваливания) для коммуникативного пространства современного рынка (например: *Кому картошка рязанская / рассыпчатая! Самые дешевые в Москве макароны спагетти! Любят взрослые и дети!*). Соответствующие высказывания и тексты охарактеризованы с просодической, лексической, морфологической, синтаксической позиций, а также в функциональном аспекте. В поле зрения исследователей попадают как первичные, так и вторичные жанровые варианты, имеющие не только устную, но и письменную форму реализации, отмеченные использованием специфических воздействующих приемов. Особо отметим запоминающиеся этюдные речевые зарисовки исполнителей выкриков-завывов: наперсточника, карточного шулера, молодого торговца-говоруна.

Проиллюстрирован репертуар жанров, которые активизируются в ситуации купли-продажи. Такие жанры, как, например, расчет, торг, в лингвистической литературе, насколько нам известно, рассматриваются впервые. Скорее всего, это объясняется трудностью получения языкового материала (в понимании Л.В. Щербы [Щерба 1974]), которым располагают авторы. Обратим внимание на попытку выявления коммуникативных тактик, которые используют коммуникативные партнеры в процессе диалогического взаимодействия. Здесь объективная трудность заключается в лингвистически корректном именовании тактик, ср., например: тактика "беру много, поэтому плачу меньше" / тактика "мой товар лучше, поэтому дороже" – и тактика молчания (с. 429).

Теоретически выверенным представляется проиллюстрированное на примере группы тактик убеждения соотношение: коммуникативная стратегия / набор типизированных тактик / набор речевых жанров.

Жанровое наполнение коммуникативного пространства рынка описано относительно спецификации последнего (рынок на колесах; птичий рынок). Доказана неиерархизированность коммуникации, в процессе которой взаимодействуют разные подсистемы русского национального языка. Социально типизированный принцип анализа не мешает авторам установить роль творческой индивидуальности в представлении, варьировании, обновлении речежанровых форм.

Глава 5 (Е.В. Какорина) включает данные социолингвистического опроса, направленного на выявление особенностей усвоения иноязычного слова в речевом узусе разных

социальных групп. Автором разработана методика опроса информантов, которая может быть использована в дальнейших исследованиях. Работа велась с тремя группами информантов. Выбор информантов объясняется тем, что они занимают нейтральное положение между активными билингвами и носителями одной подсистемы языка (например, диалекта или просторечия), "закрытыми" для заимствований. Факты количественного расхождения состава групп (83 человека / 18 человек / 10 человек), а также объединения в одну группу школьников и студентов технического вуза автором не мотивируются, хотя принципы отбора первой группы информантов вызывают сомнения (с. 457). Выбор материала для опроса проведен корректно. Эксперимент установил существование большого разрыва между общеязыковым значением иноязычного слова и его узуальными вариантами. Результаты эксперимента позволили автору сделать некоторые важные для социолингвистики выводы: во-первых, неодинакова скорость освоения иноязычных слов в различных социальных группах; во-вторых, освоенность лексики разных тематических областей (экономика, политика, музыкальная культура, мода, компьютерная техника) также неодинакова в различных социальных группах; в-третьих, можно говорить о неосвоенности или неполной освоенности употребительных иноязычных заимствований в отдельных группах и о функционировании в речевом узусе конкретной эпохи слов с социально скорректированными значениями.

Часть IV "Социально-речевые портреты носителей современного русского языка" содержит опыты социолингвистической портретистики, объединенные принципом антропоцентризма и общей задачей выявления зависимости между целевой установкой коммуникации и социально маркированным выбором речевых средств (обнаруживающих групповые особенности в языковых предпочтениях и запретах), а также выбором модели поведения.

В главе 1 (Л.П. Крысин) дан речевой портрет представителя интеллигенции. Разграничивая понятия "интеллигент" и "интеллигенция", автор подчеркивает, что "интеллигенция" – это особый неоднородный социальный слой, а язык представителя интеллигенции (даже с учетом "неединственности") может быть противопоставлен языку других социальных слоев.

Характеризуя по уровням набор языковых единиц, Л.П. Крысин выделяет лишь случаи предпочтений и отталкиваний, контрастные по отношению к речи представите-

лей других социальных слоев, и, если отвлечься от разного рода индивидуальных и территориальных исключений (например, петербуржец не скажет [жы²ра]), можно согласиться со всеми интерпретациями.

Ярко представлены особенности речевого поведения представителя интеллигенции. Так, например, охарактеризованы формулы общения, основанные на полиглосности носителя литературного языка, его готовности к "кодовым переключениям", выделены источники прецедентных знаков, отмечены существенные для обобщенного речевого портрета интеллигента склонности к отбору отдельных видов этих знаков (например, цитат); указано, что речь интеллигента открыта для разных форм языковой игры. Заметим, кстати, что, по нашим наблюдениям, игра присутствует и в социальных группах, не принадлежащих к слою интеллигенции, например в корпоративных профессиональных речевых коллективах.

Хочется особо подчеркнуть, что Л.П. Крысиным разработаны общие социолингвистические принципы речевой портретистики.

В главе 2 (В.Д. Черняк) представлен речевой портрет носителя "просторечия-1". Отмечая социально маркированные элементы в речи женщины, не утратившей связь с родной деревней, но полвека прожившей в городе, В.Д. Черняк делает ценные наблюдения, важные для понимания специфики речевого поведения носителя просторечия вообще, хотя в данном речевом портрете важными являются и индивидуально-творческие особенности человека говорящего. Актуальность подобных портретных характеристик определяется также необходимостью фиксации угасающей на наших глазах языковой подсистемы.

В главе 3 (М.А. Милехина) представлен речевой портрет бизнесмена как представителя формирующегося социального слоя (попутно заметим, что нейтральной, на наш взгляд, является номинация *предприниматель* – "владелец предприятия, фирмы, а также вообще деятель в экономической, финансовой сфере" [СОШ: 581], а не *бизнесмен*).

Многоаспектное исследование проведено на материале записей устной речи работников частных фирм и торговых предприятий Саратова. Наибольший интерес представляет описание семантической специализации лексики, маркирующей данный профессиональный слой (*оплатить бутербродом* – 'и безналичным путем, и наличными деньгами'; *снять шапку* – 'снять со счета наличные деньги' – с. 521), а также характеристики направления влияния разных подсистем национального языка на формирование речевого портрета

предпринимателя. Особо исследуется тематический спектр разговорного дискурса Показана, в частности, специфика вербального представления темы смерти (тематические слова. *киллер, расстрелять убить*)

Проведена дифференциация речи информантов в зависимости от уровня образования. Главный вывод, как нам кажется, связан с мыслью о формировании корпоративного языка нового для России социального слоя

В главе 4 (Е Я Шмелева) представлен портрет "нового русского". Источники материала – тексты анекдотов и, частично, газетные публикации и литературные произведения Б Акунина. Думається, что привлечение подобного материала правомерно, так как в анекдотах речь "новых русских" представлена карикатурно, гиперболически, в публицистике – обобщенно-идеологически, в избранных текстах Б Акунина использована довольно точная стилизация. Во всех этих случаях присутствуют разные формы чужой речи, а взгляд со стороны всегда полезен. Е Я Шмелева особо останавливается на возможности выделения "новорусского языка" и рассматривает такие маркированные элементы этого языка, как обращения (*братан, брателло, друган, Колян* и др.), частицы и междометные выражения (*в натуре, типа, блин*), специфические выражения (*Рамсы развести проблем нет*) и др. В главе выявлены некоторые стереотипы восприятия образа жизни, внешнего вида, манеры речевого поведения.

В заключение отметим, что коллективная монография "Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация", подготовленная под редакцией Л П Крысина, представляет собой первое фундаментальное исследование социальной структуры русского языка постсоветского периода. Динамический принцип изучения языка, функционирующего в постоянно меняющихся социальных условиях, позволил авторам выявить направления развития каждой социально обусловленной подсистемы русского языка на рубеже веков.

Антропоцентризм исследования (и связанное с ним преодоление магии анкетирования как ведущего метода социолингвистики) привел авторов к небанальным выводам о человеке говорящем как носителе определенной подсистемы (определенных подсистем) национального языка, позволил раскрыть сущность полиглоссии, описать механизм кодовых и субкодовых переходов, разработать принципы социолингвистического портретирования.

Сближение социолингвистического подхода с функционально-жанровым принесло эвристические результаты. Доказана связь

социальных факторов с развитием и варьированием жанровых форм в определенных сферах коммуникации. Заявленный функционально-стилистический поворот социолингвистического анализа, напротив, к видимым результатам не привел. Очевидно, что использование экспериментального материала представляющего собой некоторую "совокупность всего говоримого и понимаемого в определенной конкретной обстановке" [Щерба 1974: 26], обновление методологии выводит социолингвистику на новый уровень теоретических обобщений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бахтин 1979 – М М Бахтин Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества М., 1979.
- Герд 2000 – А С Герд Несколько замечаний касательно понятия "диалект" // Русский язык сегодня. Вып. 1. М., 2000
- Земская, ред. 1996 – Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / Отв. ред. Е.А. Земская. М., 1996
- Кожина 1983 – М Н Кожина. Стилистика русского языка. М., 1983
- Кожина 1994 – Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв.. Развитие научного стиля в аспекте функционирования языковых единиц / Под ред. М.Н. Кожиной. В 2-х ч. Пермь, 1994.
- Костомаров 1971 – В Г Костомаров. Русский язык на газетной полосе. М., 1971.
- Костомаров 1994 – В Г Костомаров. Языковой вкус эпохи из наблюдений над речевой практикой масс-медиа М., 1994.
- Крылова 2000 – О А Крылова Существует ли церковно-религиозный (церковно-проповеднический) функциональный стиль в современном русском литературном языке? // Культурно-речевая ситуация в современной России. Вопросы теории и образовательных технологий. Тез докл. Екатеринбург, 2000
- Крысин 1968 – Л П Крысин Русский язык по данным массового опроса: Проспект. М., 1968.
- Крысин 1996 – Л П Крысин Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме современного русского литературного языка // Поэтика. Стилистика. Язык и культура: Памяти Т.Г. Винокур. М., 1996.
- КРС 2000 – Культурно-речевая ситуация в современной России / Отв. ред. Н А Купина Екатеринбург, 2000

Ларин 1928 – *Б А Ларин*. О лингвистическом изучении города // *Русская речь* Вып 3 Л., 1928.

Матвеева 1990 – *Т В Матвеева*. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. Свердловск, 1990.

Поливанов 1968 – *Е Д Поливанов* Статьи по общему языкознанию М., 1968

РМ 1999 – *М В Китайгородская, Н Н Розанова*. Речь москвичей Коммуникативно-культурологический аспект М, 1999.

РЯ 1997 – *Русский язык / Red. nauk. E Shurjaev Orole*, 1997.

РЯС 2003 – *Русский язык сегодня / Отв ред. Л.П Крысин* Вып 2 М, 2003

ТСОЖ 1999 – *О П Ермакова, Е А Земская Р.И Розина* Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь общего жаргона. М, 1999

СОШ 1999 – *С И Ожегов Н Ю Шведова* Толковый словарь русского языка. М, 1999

Стилистика 1998 – *Стилистика научного текста (общие параметры) / Под ред М Н Кожинной* В 2-х ч. Пермь, 1998

Щерба 1974 – *Л В Щерба* О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // *Языковая система и речевая деятельность* Л, 1974

Н А Купина, О А Михайлова

Тань Аошуан. Проблемы скрытой грамматики: синтаксис, семантика и прагматика языка изолирующего строя (на примере китайского языка). М. Языки славянской культуры 2002 896 с

Исследование Тань Аошуан посвящено механизмам функционирования языковой системы изолирующего типа и тем средствам, которыми оно обеспечивается. Работа построена на материале современного китайского языка В изолирующем языке отсутствует "явная" и как бы "материализованная" грамматика, которая могла бы быть описана автономно и независимо от конкретных высказываний (речевых актов) – с одной стороны, и от лексического состава языка – с другой.

Естественно, что грамматические модели и грамматическая терминология были разработаны прежде всего применительно к языкам с явной грамматикой – индоевропейским языкам флективного типа Они задали основную систему грамматических значений и терминов Исследователь, работающий с языками иных типов, в частности, китаист, оказывается перед альтернативой. Он может либо принять уже существующую систему и адаптировать ее к своему объекту, либо отказаться от понятия грамматики, связанного с морфологически развитыми языками, либо предложить иную модель описания и обновить терминологию Тань Аошуан выбрала третий путь.

Автор исходит из того, что язык не может функционировать без системы правил кодирования (и соответственно, декодирования) некоторого содержания Эти правила считаются грамматическими, несмотря на сильную зависимость от прагматики, лексического значения и несмотря на то, что они не полностью отвечают условию облигаторности Обязательность выражения значений диктуется условиями употребления Дефицит вы-

раженности значений объясняется чрезвычайной экономностью китайского языка, не допускающего избыточности и широко используемого значимыми нулями и чисто прагматической информацией

Заметим, что сами понятия грамматики, грамматической категории, грамматического правила, грамматической формы и грамматического значения (в отличие от других типов форм и значений) в монографии подробно не рассматриваются Автор предлагает детально продуманную синкретическую модель порождения высказываний (охватывающую все уровни), исходным материалом которой служат классы лексически значимых единиц служебные маркеры, порядок слов и просодические явления (тон, акцент, интонация), т е в эту модель в первую очередь включен план выражения Что касается грамматических значений, то автор исходит из мысли об универсальности их основного фонда Поскольку предметом исследования является синтаксис высказывания (речевого акта), это в общем справедливо Тань Аошуан отказывается от терминологии, на которой лежит какой-либо идиоэтнический отпечаток Однако она описывает "скрытые" грамматические значения в терминах, принятых в синтаксисе флективных языков Так, например в порядке слов автор видит скрытую категорию падежа Всякая грамматическая категория предполагает развертывание в некоторую систему В китайском языке падежная парадигма, по-видимому, не выделяема Вместе с тем автор не полностью принимает и концепцию падежа как семантической роли актанта, предложенную Ч Филмором В целом понятие

грамматической категории интерпретируется автором как обобщенное значение, организующее не грамматические парадигмы слов, а коммуникативные парадигмы речевых актов.

Части речи (имя, глагол, прилагательное, наречие, предлоги), члены предложения и ряд других традиционных грамматических категорий приобретает статус семантических универсалий, независимых от способов их выражения и даже уровня языковой структуры, на котором они появляются (так, лексемы стабилизируются только в рамках синтаксических конструкций). Собственно "скрытым" является некоторый набор универсальных, а также лингвоспецифических значений, которые постепенно раскрываются при переходе от одного уровня к другому и в терминах которых формируются правила речеобразования. Под грамматикой, таким образом, понимается модель порождения коммуникативных единиц.

Правила порождения погружены в живые речевые произведения – речевые акты и тексты. С них автор и начинает свое исследование, непосредственно обращаясь к анализу звучащей, т.е. интонационно оформленной и акцентуированной речи, обладающей лексическим наполнением и иллокутивной силой. Из нее путем поэтапного анализа автор извлекает правила "скрытой грамматики", которые затем проверяются методами тестирования, лингвистическими экспериментами и сопоставлением с другими языками. В итоге автор приходит к формулированию единой системы правил порождения речи. Высказывание (речевой акт) служит, таким образом, и исходным пунктом исследования, и его конечным результатом.

На пути выявления правил скрытой грамматики Тань Аошуан проходит через все уровни языка – от порядка слов, интонации и акцентного выделения до детального описания категорий глагола и имени. На каждом уровне анализ выполнен с исключительной тщательностью. Мы хотим подчеркнуть это, поскольку автор обращается непосредственно к речевым произведениям и текстам – своего рода "сырому материалу", к которому еще не была применена выбранная методика описания.

Автор начинает с анализа порядка слов в исходной синтаксической структуре. При этом подчеркивается, что в китайском языке глагол семантически диффузен. Он приобретает смысловую определенность, т.е. получает статус лексемы, только тогда, когда его валентности заполняются в рамках той или другой синтаксической конструкции. Вследствие релевантности порядка слов для семантической интерпретации высказывания, его роль в

актуальном членении невелика. На коммуникативном уровне основная нагрузка падает на взаимодействие тона и интонации, о котором можно говорить только применительно к реальным высказываниям. Просодика китайского языка, как известно, чрезвычайно сложна. Поэтому предложенное в работе систематическое ее описание представляет большую ценность. Особое внимание уделено акцентному выделению, типам акцентов и возможностям их реализации в речевых актах – преимущественно повествовательных. Проблема вопросительных высказываний автором не затрагивается.

Далее Тань Аошуан переходит от анализа высказывания как целостной единицы к описанию его центрального компонента – глагольного предиката и его грамматических категорий – аспекта и времени. По набору релевантных для этих категорий признаков (статичность, предельность, эволюционность, моментальность) она выделяет пять семантических типов предикатов, в число которых вошел важный для китайского языка, но отсутствующий в классификации З. Вендлера, тип глаголов "нарастающих процессов". В остальном выделяемые семантические типы, в том числе предикаты стивных явлений, деятельности и достижения, видимо, универсальны. На фоне универсальной (или квазиуниверсальной) классификации ярко выделяются отличия китайской картины мира от средневропейского стандарта. Так, например, в китайском языке невозможен лексический "распад" единых ситуаций, т.е. такие пары как русск. *искать* и *находить* представляется одним глаголом *zhao* 'искать', для обозначения же результативности к нему присоединяется глагол моментального действия *dao*: *zhaodao* означает 'найти'.

Очень интересно написан фрагмент, посвященный особенностям китайской картины мира, в которой проводится четкая граница между миром человека и противостоящим ему миром объектов. Следует также отметить разделы, демонстрирующие большую конкретность китайской глагольной семантики, относящейся к миру человека, сравнительно с русской. Контраст был еще большим, если бы к сравнению был привлечен, например, французский язык, дескриптивность которого шла по нисходящей. Это сопоставление могло бы оказаться уместным при сравнении китайской кулинарной лексики (ей посвящен увлекательный фрагмент второй части третьей главы) с "языком" французской кулинарии, столь же изощренной, как и китайская, но, очевидно, не располагающей столь богатой лексикой.

Вместе с тем, как продемонстрировано в исследовании Тань Аошун, набор китайских глаголов, обозначающих способы существования природных и артефактных объектов, невелик. В этом сказалось чисто утилитарное отношение человека к природе и животному миру. Китайская картина мира более антропоцентрична, чем средневропейская. Мы хотим еще раз подчеркнуть, что автор умело и проницательно соотносит семантическую типологию глаголов со сложившейся и зафиксированной в китайском языке картиной мира.

Центральное место в монографии занимают главы 4–6 части второй. В них рассмотрена нормативная картина мира и, следовательно, семантика оценки. Она развернута на материале направительной, результативной и потенциальной форм предикатов. Главы написаны на высоком профессиональном уровне – строго, четко, современно. В анализе так называемых направительных результатов использованы понятия денотативного пространства, точки отсчета, места наблюдателя и места говорящего, т.е. вся система пространственного дейксиса, позволившая автору объединить функции направительных морфем в единую систему. Представляется обоснованным разделение, проведенное автором между понятиями цели, результата и предела действия: действие может достигнуть предела, оставаясь нерезультативным.

Результативные морфемы описываются автором также очень подробно и отдельно от направительных. Здесь большую роль приобретает аксиологический параметр действия. Автор отмечает продуктивность морфем, обозначающих аномальные состояния и всякого рода осечки и сбои в осуществлении целенаправленных действий. Завершается эта часть монографии описанием потенциальных конструкций в их отношении к частно- и общеоценочным прилагательным.

Остальные главы (7–11) второй части целиком посвящены скрупулезному анализу значений, функций и прагматических условий употребления аспектуально-темпоральных показателей. Анализ выполнен в терминах временных операторов – "смысловых (мы бы сказали формальных) показателей скрытой грамматики", играющих роль маркеров тех или иных временных значений. Обращение к операторам позволяет ослабить влияние грамматик, характерных для языков иных типов. В книге подробно описаны: оператор синхронности *zheng*, оператор переключения действия в состояние *zhe* и др. Особый интерес представляет анализ очень сложного в функциональном отношении оператора переключения состояния *le*. Автору удалось до-

биться унифицированного описания его разнообразных функций применением метода логического анализа. Сложность здесь состоит в том, что понятие "состояние" неоднозначно. Оно может подразумевать не только эпистемическое, но и другие состояния психики: намерения, вкусы и даже жизненные позиции.

В главах 9, 10, 11 части второй большое внимание уделено систематизации средств, участвующих в выражении аспектуальных значений. Эти значения определяются в терминах русской видовой системы: ср. конкретно-фактическое, фактивное, конкретно-процессуальное значения и др. Здесь ярко показана та роль, которую выполняют прагматические данные в изолирующих языках. Прагматические правила в китайском языке столь же обязательны, как грамматические правила в языках с развитой морфологией.

Немалый интерес представляет рассмотрение отрицания, выполненное также методом логического анализа. В китайском языке существует два показателя отрицания *bu* (NEG1) и *mei* (NEG2). Глубинные различия между отрицательными формативами сводятся к тому, что NEG1 функционирует как оператор истинности, тогда как NEG2 является оператором отрицания фактивности предиката: "имеет / не имеет место". NEG1 и NEG2 противопоставлены по признаку стательности, положительное значение которого приписывается NEG1. В сферу его действия входят классифицирующие и оценивающие предикаты. В случае выражения предиката акциональным глаголом NEG1 отрицает намерение агенса совершить действие, возможность его совершения с точки зрения говорящего и другие модусы. Например:

(1) а) Ta bu qu Beijing 'Он не поедет в Пекин',

ср. Ta yao qu Beijing 'Он намерен поехать в Пекин';

б) Xiao Wang jintian bu lai 'Сяо Ван сегодня не придет',

ср. Xiao Wang jintian yao lai 'Сяо Ван сегодня намерен приехать' (с 583).

NEG2 отрицает предикаты события, факта, процесса и состояния. Сфера действия этого показателя связана с диктумом предложения, а показателя *bu* – с его модусом. Это означает, что, отрицая ситуацию P, NEG2 указывает на неверность того, что в момент T₁ имеет место ситуация P. Значение T₁ определяется соотношением между Ts (временем речи), Te (временем предполагаемого события) и Tt (точкой отсчета). NEG1 отрицает только компоненты значения, входящие в сферу его действия, и поэтому не имеет непо-

средственного отношения ко времени. Соотнесенность предиката, оформленного NEG1, со временем определяется характером самого предиката и контекстом высказывания. Сравним:

(2) а) Wo bu chi fan bu he shui wu tian le 'Я не ем и не пью уже пять дней',

б) Wo mei chi fan mei he shui wu tian le 'Я не ел и не пил уже пять дней' (т.е. уже пять дней продолжается отсутствие факта (события) 'есть' и 'пить') (с. 593).

Часть четвертая целиком посвящена имени. Автор подробно описывает референцию общих имен, осуществляемую счетными словами с учетом семантического типа имени, а также его образности и поэтичности. Последнее обстоятельство представляется уникальным свойством китайского языка: счетные слова при именных группах участвуют в создании художественного образа.

Другая особенность китайского языка, подробно раскрытая в книге, состоит в том, что семантика счетных слов связана с миром человека. Если при именных группах, обозначающих компоненты этого мира, употребляется счетное слово со значением неисчисляемости, то речь идет о своего рода "предметной" характеристике человека. Если же счетное слово переклассифицируется из сферы неодушевленных имен в область имен, относящихся к человеку, то именная группа получает метафорическое значение. Ср.:

(3) а) yi jian yifu 'один предмет одежды',

б) yi shen yifu 'одно тело одежды' (с. 639).

Таким образом, в китайском языке, даже в кванторной семантике присутствуют элементы национальной картины мира, в которой мир человека противопоставлен предметной, или "другой", реальности. Это противопоставление прослеживается также в употреблении маркера множественного числа *men* и в системе личных местоимений. В частности, предметы, не входящие в мир человека, часто интерпретируются в терминах собирательных множеств. Например:

(4) Zhe xie xiaber shu dai qu gan ma? 'Зачем тебе эти комиксы?'

Ni ba ta cong shubaoli na chulai 'Взнь их из портфеля!' (с. 657).

15-я глава имеет своей темой анализ категории определенности/неопределенности. Анализ выполнен путем сопоставления артиклевых языков (английского и немецкого) и безартиклевых, но разнотипных – русского и китайского. В китайском языке указанное противопоставление подчинено коммуникативной оппозиции данного и нового. При

этом данное понимается широко: все то, что входит в фонд энциклопедических знаний адресата речевого акта, считается данным, т.е. имеет презумпцию определенности, и его детерминация избыточна. Анализ и описание типов референции имен выполнены автором в логических терминах. Выбранный метод оказался эффективным и был применен вполне компетентно.

В заключение необходимо отметить, что исследование Тань Аошуан гармонически сочетает высокий теоретический уровень с обстоятельным описанием материала. Теоретическая аргументация всегда подтверждается языковыми данными. Предложенная в работе лексическая типология поддержана точным компонентным анализом значений слов. На основании языкового материала автор реконструирует фрагменты национальной картины мира. Лингвистический анализ и интуиция автора неизменно проверяются лингвистическим экспериментом.

Монография вносит много нового как в разработку моделей описания языков изолирующего типа, так и в анализ конкретных языковых данных. В теоретическом отношении книга существенно дополняет знания о механизмах порождения речи, заложенных в изолирующих языках. Исследования Тань Аошуан углубляют понятие типа языка, его лингвоспецифичности, вырисовывающейся на фоне семантических универсалий.

Работа Тань Аошуан имеет большую практическую ценность. Она может быть использована при составлении теоретического и учебного синтаксиса китайского языка, а также пособий по анализу и интерпретации текста, в лексикографии, в развитии новых методов преподавания китайского языка.

Но кроме практического значения, рецензируемая работа имеет фундаментальную теоретическую значимость для понимания типологии изолирующих языков. Автору удалось показать, что за их как бы "аграмматичностью" скрыта весьма определенная и облигаторная для говорящих грамматика. Автор выделяет два типа облигаторности. В первом случае обязательно как присутствие, так и отсутствие показателя грамматического значения. Нарушение этого правила либо делает высказывание аграмматичным (ненормативным), либо нарушает его иллокутивную функцию. Пример:

(5) а) Li Ping shi [yi ge] piaoliang de guniang 'Ли Пин красивая девушка' (с. 706),

б) Lao Xu, ni cai [zhe tiao] guiyu shi duoshao qian? 'Старина Сюй, догадайся, сколько стоит окунь' (вместо "сколько стоит этот окунь") (с. 704).

Во втором случае отсутствие грамматического показателя не нарушает языковую норму, но влияет на прагматический статус высказывания, ослабляя эффект его воздействия на адресата, т.е. его перлокутивную значимость:

(5) в) Nao [yi chang] jilie de douzheng 'Это была настоящая схватка' (с. 710).

Первый тип облигаторности лежит в сфере грамматики, второй принадлежит стилистике.

Suzuko Tamura. The Ainu language. Tokyo: Sanseido. 2000. 292 p.

Рецензируемая книга представляет собой перевод на английский язык описания айнского языка, изданного по-японски в 1988 г. в составе первого тома Лингвистической энциклопедии издательства Сансэйдо. Его автор – Судзюко Тамура, профессор университета Васэда в Токио, ведущий в Японии специалист по айнскому языку.

С. Тамура, ученица крупнейшего японского лингвиста Сиро Хаттори (1908–1995), еще в 50-е гг. под руководством своего учителя начала заниматься изучением айнских диалектов, тогда еще существовавших. Она участвовала во фронтальном исследовании этих диалектов, результатом которого стал наиболее полный их словарь [Ainugo 1964], а затем в течение многих лет описывала диалект сару на юго-востоке Хоккайдо. Ей принадлежит значительное количество книг и статей по этому и другим диалектам. В последние десятилетия айнский язык, потерявший естественное функционирование, привлекает внимание и этнических айнов, и любителей из среды японцев. Кафедра крупнейшего университета Васэда, долго возглавлявшаяся С. Тамура, стала главным в Японии центром не только изучения, но и преподавания этого языка. Автору рецензии приходилось в 1979 и 1985 гг. присутствовать на занятиях профессора Тамура, где, в частности, изучались тексты, собранные в 20-е гг. Н.А. Невским и изданные в Москве [Невский 1972]. Под ее руководством ставились и фольклорные спектакли на айнском языке, где играли студенты-японцы, а роль медведя исполнял огромного роста студент из США.

Значительное количество исследований С. Тамура и других японских айноведов, к сожалению, недостаточно известно за пределами Японии из-за языкового барьера: вплоть до рецензируемого издания эти публикации, за отдельными исключениями, выходили лишь на японском языке. А, безусловно, именно японские исследования, основанные

Итак, у изолирующих (аморфных) языков существует прямая связь между коммуникативными категориями и механизмом функционирования системы значений, в то время как у флективных языков она опосредована. Это позволяет говорить об "открытой" грамматике во втором случае и о "скрытой" – в первом.

Н.Д. Арутюнова

на длительной работе с информантами, дают наиболее подробный и достоверный материал об айнских диалектах, который ныне уже нельзя пополнить. До сих пор наиболее известной японской публикацией по айнскому языку была книга [Shibatani 1990], включающая в себя очерки айнского и японского языков. Однако, как отмечается в предисловии К. Мацумура к рецензируемому изданию (с. vii), эта книга целиком опирается на языковой материал, представленный в публикациях айноведов, прежде всего самой С. Тамура. Это же относится и к последнему по времени публикации очерку айнского языка, изданному по-русски [Алпатов 1997].

Теперь, наконец, читатель, не владеющий японским языком, имеет возможность получить информацию об айнском языке "из первых рук". Сам очерк С. Тамура во многом представляет собой итог ее многолетней работы. Текст, изданный в 1988 г., печатается почти без изменений; лишь в библиографии добавлены наиболее важные издания последующих лет. Книга переведена выпускником университета Гавайев Б. Эриксоном, перевод отредактирован автором книги.

Во вводной части книги даны краткие сведения о географическом распространении и диалектном членении айнского языка; здесь же в очередной раз констатируется полная неясность вопроса о его генетических связях. Отметим, что уже не одно десятилетие исследователи пишут о том, что айнский язык в его естественном виде сохранился в памяти лишь нескольких очень старых людей и скоро исчезнет. Тем не менее, кончина этого языка все время откладывается и, по-видимому, судя по данному изданию, не произошла и к 2000 году. Некоторым пробелом очерка является отсутствие сведений о тех айнах, которые после их массового отъезда с Сахалина в Японию после Второй мировой войны остались на прежнем месте. Из текста выходит, что айны покинули Сахалин полностью.

Однако экспедиция Института востоковедения АН СССР в 1978 г. обнаружила, что по крайней мере несколько десятков человек остались на Сахалине, а их айнскую речь этнографы в 50-е гг. даже записывали на магнитофон (к сожалению, очень некаленифицированный). Последний достоверно выявленный носитель айнского языка умер в доме престарелых города Анива в 1975 г.; в 1978 г. еще можно было встретить людей с айнским антропологическим типом, однако они не владели айнским языком. Дается краткий, но информативный исторический очерк описания айнского языка и издания айнских текстов от первых сведений итальянского иезуита Джелорамо де Ангелиса (1602) и русского ученого XVIII в. С.П. Крашенинникова до современности.

Фонологический и грамматический очерки основаны, прежде всего, на материале диалекта сару, ставшего благодаря автору книги самым изученным из айнских диалектов. Отмечаются также наиболее существенные отличия других диалектов Хоккайдо и Сахалина (о курильских диалектах, существовавших еще в первой половине XX в., известно очень мало).

При переводе книги стояла нелегкая задача приспособления к иностранному читателю терминологии, тесно связанной с японской традицией. Адекватные эквиваленты не всегда было легко выработать. В целом эта задача была выполнена достаточно успешно, хотя в ряде случаев читатель, незнакомый с традиционными японскими подходами, может принять их влияние за специфические особенности айнского языка. Например, это относится к разделу о частях речи (с. 35–36). Как одна из частей речи выделены так называемые приименные (*adnominals*) – неизменяемые слова, употребляемые лишь в позиции определения, а союзами (*conjunctions*) именуется не служебные, а вполне самостоятельные слова, стоящие в начале предложения и связывающие данное предложение с предыдущим, вроде *yakka* "однако". Такие части речи вполне могут быть найдены, однако их выделение – дань традиции, принятой для японского языка. Впрочем, класс айнских приименных имеет особенность: в него входят числительные, чего нет в японском языке.

Лишь небольшая по объему, но достаточно информативная глава (с. 17–24) посвящена фонологии и морфонологии; даются сведения о составе фонем, структуре слога, ударении, фонотактике и чередованиях. Основной объем книги (с. 25–252) составляет грамматический очерк. Автор отказывается от традиционного типа описания, в котором сначала

рассматривается морфология, а затем – синтаксис: прежде всего, описываются порядок слов и основные синтаксические структуры, затем рассматривается каждая часть речи, причем их анализ начинается с наиболее сложно устроенной части речи – глагола. Затем вновь, но уже более детально рассматривается структура предложения. После этого описываются словообразование и, наконец, предложения с особой структурой: вопросительные, повелительные, восклицательные и т.д. В целом грамматический очерк дает четкое представление о структуре айнского языка, прежде всего, диалекта сару. Безусловно, он может много дать типологам.

Отмечу лишь некоторые типологические черты айнского языка (все они свойственны любому из описанных его диалектов). В системе глагола четко противопоставлены класс переходных и класс непереходных глаголов; они различаются и синтаксически, и морфологически, по-разному спрягаясь. Вероятно, их можно было бы отнести к двум частям речи, чего С. Тамура не делает, очевидно, из-за нетрадиционности такого решения. Но прилагательные никаких особых синтаксических или морфологических свойств не имеют, не отличаясь от непереходных глаголов. В айнском языке одинаково себя ведут такие слова, как *mina* "смеяться", *hosipi* "возвращаться" и такие слова, как *poro* "большой", *rewre* "молодой" (точнее, "быть большим", "быть молодым"). Различие двух классов глаголов тесно связано с особым распределением семантических ролей ядерных актантов: имеются три класса личных показателей, согласующиеся соответственно с единственным актантом непереходного глагола, агенсом и пациенсом переходного глагола. Впрочем, все три показателя различаются лишь в инклюзивной и эксклюзивной формах 1 л. ед. числа (форма инклюзива в ряде диалектов также имеет значение неопределенного агенса и вежливости по отношению к 2-му лицу). Такая сравнительно редкая в языках мира стратегия уже рассматривалась типологами, в том числе и у нас [Кибрик 2003: 146]. Глаголы айнского языка имеют развитую систему префиксов, повышающих или понижающих валентность; они могут также вносить добавочные значения: каузативные, реципрокные и др. Имеется также развитая система показателей характера протекания действия; при этом в айнском языке вовсе нет категории времени.

В книге имеется краткий очерк айнской лексики; отмечается бедность абстрактной лексики и значительное развитие словаря, связанного с охотой, рыболовством, собирательством. Особо рассмотрены счет, в кото-

ром комбинируются десятиричная и двадцатеричная системы, и система демонстративов. Описаны контакты между японским и айнским языками. В последний период существования айнского языка в нем имелось много заимствований из японского, однако в основном они появились уже в поздний период; обратное влияние проявляется почти исключительно в топонимике. Завершают книгу краткие сведения об айнском фольклоре и аннотированная библиография, включающая в основном книги на японском и английском языках.

Безусловно, английский перевод книги ведущего исследователя айнского языка дает возможность ввести в научный оборот интересный с типологической точки зрения материал этого языка и познакомить лингвистов с судьбой этого языка, почти уничтоженного

менее чем за столетие и сейчас с большим трудом искусственно возрождаемого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алпатов 1997 – *В.М. Алпатов*. Айнский язык // Языки мира. Палеоазиатские языки. М., 1997.
- Кибрик 2003 – *А.Е. Кибрик*. Константы и переменные языка. М., 2003.
- Невский 1972 – *Н.А. Невский*. Айнский фольклор. М., 1972.
- Ainugo 1964 – *Ainugo-hoogen-jiten* (Словарь айнских диалектов). Tokyo, 1964.
- Shibatani 1990 – *M. Shibatani*. The languages of Japan. Cambridge, 1990.

В.М. Алпатов

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

24–25 сентября 2003 года во Владимирском государственном педагогическом университете состоялась пятая научная конференция "Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект", посвященная 50-летию кафедры русского языка ВГПУ. В конференции приняли участие ученые педагогических и научных учреждений Владимира, Москвы, Астрахани, Волгограда, Дзержинска, Иванова, Казани, Кирова, Коломны, Краснодара, Нижнего Новгорода, Орехово-Зуева, Самары, Саранска, Таганрога, Ярославля. В течение двух дней работы было заслушано 44 доклада.

Пленарное заседание открылось докладом П.А. Леканта (Москва) "Парадигма русского предложения с семантикой эмоционального состояния", посвященным анализу семантической структуры предложений эмоционального состояния лица, формам представления предиката эмоционального состояния, их изосемичности и варьированию. Были рассмотрены основные типизированные формы таких предикатов: глагол, предикатив, имя существительное и описательный оборот. Докладчик отметил, что все модели предложений, формирующих семантику эмоционального состояния лица, находятся в отношениях синтаксической синонимии и представляют парадигму: *Девушка печалится; Девушка печальна; Дева печальна сидит...* (А. Пушкин); *Девушке печально; Девушка в печали; У девушки печаль; Девушку охватывает печаль*. В разных формах предиката семантический инвариант представлен вариантами (оттенками): *печалится* – 'состояние в виде действия', *печальна* – 'пребывание в состоянии', *в печали* – 'погруженность в состояние', *печально* – 'независимость состояния от воли субъекта' и др. П.В. Чесноков (Таганрог) проанализировал два типа функционально-семантических полей (ФСП): во-первых, ФСП с онтологическим расслоением, в

которых конститuentы микрополей различаются по объективному содержанию выражаемых ими мыслей, во-вторых, ФСП с гносеологическим расслоением, в которых конститuentы микрополей отличаются лишь по форме выражения. По мнению автора, в ФСП второго типа наблюдаются различия конститuentов микрополей как по направленности отношений между компонентами конститuentов, так и по характеру этих отношений. В.Н. Немченко (Н. Новгород) в докладе "Спорные вопросы теории морфемы" особое внимание уделил определению понятий морфемы и морфа, а также взаимодействию данных единиц. На основе усматриваемого докладчиком изоморфизма отношений номинативных и неноминативных знаковых единиц было предложено квалифицировать семантически тождественные сегменты слова, полностью различающиеся фонемным составом, типа *-к* и *-оч* (*сварка – сварочный*), в качестве разных морфем и по той же аналогии выделять наряду с формальными семантические морфы. В докладе Л.Г. Зубковой (Москва) "О природе флективного слова" были раскрыты последствия четкого разграничения лексического и грамматического в плане содержания флективных языков и завершенности членения языкового целого благодаря последовательности проведенной категоризации. К свойствам флективного слова, выделяющим характерную для флективных языков мощь синтеза, автором отнесены: многомерность морфологической структуры, категориальная мотивированность звуковой формы, полифункциональность флексии и алломорфного варьирования корня / основы. В докладе А.Б. Копелова и Ча (Владимир) "Межсловные связи: сильные и слабые позиции" доказывалось единство внутренней (согласование по роду и числу) и внешней (управление) синтагматики сочетания "адъектив + субстантив" вне зависимости от функций, выполняемых его компонентами, на основании отмеченной до-

кладчиком соотносительности слабых и сильных позиций морфологически выраженных видов синтаксических связей. В.И. Фуршов (Владимир) в докладе "О полевой структуре, шкале переходности и синкретизме", высоко оценив шкалу переходности В.В. Бабайцевой ($A - AB - AB - aB - B$), предложил использовать следующие цифровые индексы: $a_4 - a_3\theta_1 - a_2\theta_2 - a_1\theta_3 - \theta_4$, где a_4 , и θ_4 , например, типичное определение и типичное дополнение (*книжная торговля и торговать книгами*), занимающие сильные позиции; $a_3\theta_1$ и $a_1\theta_3$ – синкретичные второстепенные члены в слабой позиции частичной нейтрализации, где синкретизм разрешается в пользу определения (ср. *дом отца и отцовский дом*), или дополнения (ср. *выполнение задания и выполнять задание*); $a_2\theta_2$ – синкретичный второстепенный член в слабой позиции полной нейтрализации, где синкретизм неразрешимый (ср. *торговля книгами – книжная торговля и торговать книгами*). М.В. Пименова (Владимир) рассмотрела традиционные лексико-семантические семасиологические категории (моносемия, полисемия, омонимия), обратив внимание на синкретичные языковые явления, которые, по мнению докладчика, позволяют говорить о существовании особой лексико-семантической категории – синкретсемии.

На заседании секции "Общее языкознание. Теория текста" доклад И.В. Крюковой (Городище) был посвящен синтагматическим возможностям словесных товарных знаков (прагматонимов) в рекламном тексте и наблюдаемому в последние десятилетия процессу узуализации прагматонимов, т.е. преобразованию авторской языковой единицы в факт языкового узуса, происходящему благодаря многократным повторениям названий в современном рекламном тексте. В докладе Л.Н. Хорева (Владимир) была предпринята попытка выявить на материале немецкого языка особые грамматические конструкции, которые в силу транспозиции в другую функциональную сферу приобретают на синтагматическом уровне несвойственное им семантическое и коннотативное значение. В.П. Важенина (Владимир) представила некоторые особенности ретроспективного повествования в романе Харпер Ли "Убить пересмешника", связанные с субъективацией повествования посредством как собственно лингвистических (ср. модальность, синтаксическое время, категория персональности), так и внеязыковых категорий (ср. пространство, бытие, время). В.В. Чалый (Краснодар) исследовал семантику и стилистику конструкций с синтаксической аппликацией в

произведениях А.П. Чехова и пришел к выводу о том, что эмоционально-оценочное значение лексических единиц, усиливая экспрессивную основу высказывания, расширяет функционирование данных конструкций в тексте. О.Д. Плышевская и Е.А. Абрамова (Владимир), опираясь на понятие синтагмы как минимальной семантической единицы речи, обратились к содержательному аспекту филологического анализа художественного текста в школе на материале рассказов И.А. Бунина и В.М. Шукшина. Н.В. Юдина (Владимир) посвятила свой доклад синтагматическим особенностям лексических единиц с позиций когнитивного подхода к анализу языковых явлений и представила проект словарной статьи для "Когнитивного словаря сочетаемости слов" (на материале словосочетаний "имя прилагательное + имя существительное" в современном русском языке).

На заседании секции "Синтаксис" Е.А. Красина (Москва) в докладе "Перформативные высказывания и глагол *говорить*", критически осмыслив соображения ряда зарубежных и отечественных языковедов, пришла к заключению, что данный глагол не является перформативным: он используется в области имплицитного модуса по отношению к перформативному высказыванию в целом и обозначает иллюкутивную цель как семантический компонент любого перформативного предиката. Т.Е. Шаповалова (Москва) в докладе "Категория синтаксического времени в сложноподчиненном предложении с уступительными отношениями" показала, что сущность указанной категории заключается в связи означаемого (отношений одновременности, предшествования и следования) и означающего (интонационных, морфологических, лексических и конструктивно-синтаксических средств языка). Доклад Т.С. Монинной (Орехово-Зуево) "Залог как интерпретационная грамматическая категория" был посвящен установлению соотношения между субъективным и объективным содержанием в грамматической категории залога; содержание этой категории в основном формируется синтаксической структурой высказывания и актуализируется в дискурсе: в художественном тексте преобладает субъективное содержание, в научном – объективное. Е.Н. Лагузова (Ярославль) в докладе "Влияние французского языка на развитие описательно-именных оборотов" проследила основные линии формирования в русском языке под влиянием французского некоторой части устойчивых сочетаний, в которых стержневой глагольный компонент

в определенной степени лексически десемантизируется, а грамматически зависимое имя существительное оказывается семантическим ядром всего сочетания: *принять решение / решить* (ср. франц. *prendre une resolution*). В докладе Л.А. Черновой (Коломна) "Особенности синтагматики составных именных членов предложения" рассматривались аналитические сочетания, состоящие из связочного глагольного и именного компонентов и функционирующие как синкретичные именные составные члены предложения, причиной синкретизма которых является их аналитичность, а следствием – осложненный характер синтагматических отношений в предложении. Доклад Т.А. Лобановой (Иваново) "Статус служебного слова *но* в рядах однородных и неоднородных членов предложения" содержал обоснование неодинаковой частеречной квалификации данного слова: в ряду однородных членов *но* выступает в качестве союза, при неоднородных членах – в качестве частицы. Е.Н. Варюшenkova (Владимир) в докладе "Инфинитив как дуплексив при существительных со значением 'побуждение к действию'" показала, что присубстантивный инфинитив приобретает качества дуплексива в объектной конструкции и при наличии в предложении каузативного глагола в роли сказуемого. Н.В. Иосилевич (Владимир) на основе анализа дифференциальных признаков детерминирующих членов предложения (отсутствия предопределенной грамматической связи, наличия сочетаемости с разными структурными схемами предложений, положения в абсолютном начале предложения при нейтральном порядке слов и др.) пришла к выводу об особом статусе детерминантов как членов предложения. Доклад О.Ю. Ремянниковой (Киров) "Отражение в конструкциях с фазисными глаголами мотивационной сферы человека" содержал анализ возможных вариантов мотивации: если автор высказывания подразумевает наиболее вероятный мотив, то оставляет его в пресуппозиции; если мотивация менее вероятна и не очевидна для восприятия, то мотив представлен вербально. С.В. Мещеряков (Владимир) в докладе "Пояснительная конструкция и сочиненный синтаксический ряд" определил поясняющий компонент как грамматически зависимый, а не сочиненный: он занимает обособленную позицию, находится в непосредственной связи с поясняемым, тогда как связь поясняющего с другими членами предложения является опосредованной – через поясняемое. В докладе Ю.С. Ивановой (Владимир) "Об атрибутивной валентности синсемантических существительных" было

выделено шесть разновидностей имен нарицательных, которые в процессе синтаксического функционирования без атрибутивных распространителей не выражают требуемых смысловых отношений и только в составе синтаксически нечлененных сочетаний выступают в роли членов предложения. Доклад О.И. Соколовой (Владимир) "Обособленные сочиненные ряды при определяемом имени собственном" содержал анализ обособленных сочиненных рядов определений, в состав которых включаются в ряде случаев и предикативные соединения слов.

На заседании секции "Морфология и словообразование" в докладе Р.В. Железновой (Москва) были представлены проблемы формирования (с XIV в.) и развития суффикса *-чик (-чик)* агентивно-профессиональной семантики во всех его алломорфах и диалектных разновидностях. В докладе М.А. Рыбакова (Москва) говорилось о своеобразии взаимодействия синтагматики и парадигматики морфем на формальном и семантическом уровне как отражении характерных морфологических и словообразовательных особенностей языков разного типа. И.В. Приорова (Астрахань) в докладе "Несклоняемые имена в аспекте синтагматических отношений" отметила, что субстантивы названного типа характеризуются имплицитностью морфологических категорий, экспликация которых производится синтагматически связанными с этими субстантивами согласуемыми словами, последние квалифицируются как вспомогательные аналитические элементы. В докладе "Типология согласовательных моделей (на материале старофранцузского языка)" А.С. Кабанова (Владимир) представил систему атрибутивных и предикативных конструкций, характеризующих отношения предметных и согласуемых с ними слов по категориям рода и числа (внутренняя синтагматика) на определенном этапе истории французского языка. Основное внимание в докладе Е.В. Лапко (Владимир) "Средства выражения именной категории лица" было уделено описанию особенностей системы родо-половой корреляции в современном французском языке на лексическом, морфологическом (словообразовательном), синтаксическом уровнях в сопоставлении с аналогичной системой русского языка. Н.О. Поплавская (Владимир) в докладе "Одушевленные существительные среднего рода в классической латыни" привела заслуживающие внимания факты, вступающие в явное противоречие с широко бытующим в лингвистике мнением о том, что "средний род возник первоначально

как обозначение вещи" (А. Мейе) и чего-то инертного, неактивного.

На заседании секции "История языка. Диалектология" Н.Р. Рогоза (Иваново) выступила с докладом "История глаголов с корнем *дом* в русском языке", в котором проследила эволюцию глагольной подсистемы, выявив спектр значений, словообразовательные связи и особенности функционирования данных лексических единиц в разные исторические периоды. В докладе О.И. Жмурко (Иваново) "Родо-видовые названия природных объектов в диалектном языке: семантическая парадигма" на материале словарей русского языка исследовались отражающие традиционную народную культуру и народный язык лексические единицы, выражающие архаическое понятие 'гады'. В докладе Э.Н. Акимовой (Саранск) с диахронической и синхронической точек зрения рассматривался вопрос о синтаксическом статусе инфинитивного целевого оборота в высказывании. Т.П. Романова (Самара) представила локально-темпоральные эргонимы рекламного характера, выделяя реально (метонимически) и символически (метафорически) мотивированные собственные имена. В докладе В.В. Носковой (Владимир) говорилось об именах собственных типа "*Норд-Ост*", "*Тату*", "*Чубайс*" и подобные, которые, оказавшись в центре социального внимания, образовали новые ряды синонимов, антонимов, словообразовательных гнезд. А.В. Горюнов (Владимир) обобщил итоги преподавания древних языков на филологическом фа-

культете ВГПУ с точки зрения преподавателя Духовной семинарии. Т.А. Алиев (Владимир), сопоставив изданный текст памятника первой четверти XVII в. "Хождения купца Федота в Персию" с рукописью, обратил внимание на искажение первоисточника (*башалак* вм. *башмак*), отраженное в исторических словарях. О.Д. Лукошина (Дзержинск) посвятила свой доклад проблеме хронологизации историко-морфологического процесса утраты именных родозменяемыми словами родовых различий во множественном числе. Р.Р. Сабитова (Казань) в докладе "Семантическое образование форм прошедшего времени в разножанровых русских повестях XVII в." представила особенности функционирования темпоральных форм семантического образования в диахронии. О.Л. Бергер (Н. Новгород) рассмотрела синхронический и диахронический аспекты системного описания русской синтаксической терминологии, уделив внимание парадигматике и синтагматике, а также способам создания терминов и их семантике. И.И. Исаев (Владимир) описал вокализм частной диалектной системы (говор д. Уляхино Гусь-Хрустального р-на Владимирской обл.) в рамках малой истории языка (1940–2000 гг.). М.В. Артамонова (Владимир) исследовала выражающие нерасчлененное значение парные именования как один из видов устойчивых сочетаний древнерусского текста.

А.Б. Копелиович, М.В. Пименова,
В.И. Фурашов, Н.В. Юдина (Владимир)

В Киевском национальном лингвистическом университете 25–27 сентября 2003 года в шестой раз прошла международная научная конференция "Проблемы сопоставительной семантики", которая осуществляется с периодичностью один раз в два года. Инициатором этого масштабного научного проекта и неизменным ответственным редактором сборников научных статей является доктор филологических наук, профессор кафедры общего и украинского языкознания КНЛУ Михаил Петрович Кочерган.

В конференции согласились принять участие научные работники из разных стран – из Беларуси, Болгарии, Латвии, Литвы, Польши, России, Узбекистана, Чехии. Самая многочисленная делегация была представлена украинскими учеными из Донецка, Запоро-

жья, Киева, Кировограда, Луцка, Львова, Одессы, Переяслава-Хмельницкого, Ужгорода, Черновцов, Черкасс.

В традициях конференции в определенных направлениях работы плодотворно функционировало пять секций: "Общие проблемы сопоставительной семантики", "Лексика и фразеология", "Словообразование. Грамматика", "Семантика текста. Перевод", "Сопоставительная семантика в лингводидактическом аспекте".

Участники собрания имели возможность ознакомиться с новейшими профессиональными научными результатами ученых ряда стран: Украины – М.П. Кочергана, А.Э. Левичко, Н.Г. Озеровой, Л.Ф. Омельченко (Киев), Л.В. Бублейник (Луцк), В.М. Манакина (Кировоград), М.П. Фабиан (Ужгород); Чехии – И. Андерша (Оломоуц); России – Л.К. Байрамовой (Казань), Польши – Д.В. Буд-

няк (Кельди); Беларуси – Н.Б. Мечковской (Минск).

Теория сопоставительной лингвистики нуждается в продолжении исследований, направленных на выяснение проблем общего и специфического в системах разных языков, обусловленных как внеязыковыми (социальными, культурными и т.д.) факторами, так и собственно языковыми. Совокупность названных факторов (этнокультурных, этнолингвистических и т.п.) способствует выявлению глубинных связей и отличий как родственных, так и неродственных языков.

Все доклады вызвали оживленную дискуссию в самом зале и в кулуарах.

Большой интерес представили как пленарные и секционные заседания, так и кулуарные дискуссии, а также "текстовый" вариант конференции в виде напечатанного сборника – "Проблемы сопоставительной семантики. Сборник научных статей". Выпуск 6 / Отв. ред. Кочерган М.П. К.: Вид. Центр. КНЛУ, 2003. 474 с. (на укр. яз.).

В сентябре 2005 года планируется проведение следующей конференции.

Л.М. Дяченко-Лысенко (Киев)

2–4 октября 2003 г. в Луврене (кантон Нёшатель, Швейцария) состоялась международная конференция "Дискурс о языке в тоталитарных режимах" ("Le discours sur la langue dans les régimes autoritaires"), организованная кафедрой славистики Лозаннского университета и Центром исследований в области сравнительной эпистемологии центрально- и восточноевропейской лингвистики, созданным профессором П. Серно. В конференции приняли участие и выступили в дискуссиях исследователи из Швейцарии, Франции, Бельгии, Италии, Великобритании, России, Молдавии, Албании, Алжира, Египта, Турции, Гонконга, Бразилии. Собравшиеся прослушали 21 доклад. К конференции был издан сборник тезисов.

"наделенного властью") с одной стороны, и теорией и практикой речи, называемой литературной и определяемой через установление кодифицированных языковых норм, с другой (к примеру, в словарях и грамматиках).

Большая часть докладов была посвящена дискурсу о языке в тоталитарных обществах в историческом аспекте, начиная с древних эпох. М. Дюбуссон (Бельгия) сделал доклад о так называемой "классической латыни", языке во многом искусственном, сам процесс образования которого, по его мнению, может служить яркой иллюстрацией вмешательства власти в естественную языковую ситуацию. Начиная примерно со II века до н.э., правящий класс в Риме активно воздействует на язык. Речь идет, во-первых, о существенном ограничении сферы распространения греко-латинского двуязычия в пользу латыни, а во-вторых, в какой-то степени, о попытке насильственной остановки эволюции латыни как естественного языка (строгое закрепление порядка слов во фразе, морфологических форм и т.д.). Языковая политика Цезаря, автора известного трактата по грамматике, является в этом смысле более чем показательной иллюстрацией попытки установления контроля над языком. П. Ларше (Франция) посвятил свое сообщение теологии и филологии в средневековом исламе. Главной фигурой доклада А. Шварца (Швейцария) стал прусский король Фридрих II, царствовавший с 1740 по 1786 гг. По мнению докладчика, он был первым немецким монархом – автором известных на сегодняшний день работ о языке. В частности, речь шла о его известном памфлете 1740 г., посвященном немецкой литературе. Э. Мерлен-Кайман (Франция) рассказала о французском языке и языковой политике во

Открыл конференцию доклад А. Табуре-Келлер (Франция), посвященный сравнительному анализу выражений, обозначающих понятие "родной язык" в европейских языках. В отличие от русского языка, во многих из них в соответствующих выражениях употребляется прилагательное или существительное, обозначающее 'материнский' (ср. *langue maternelle* во французском, *Muttersprache* в немецком, *mother tongue* в английском и т.д.). По мнению докладчицы, за всеми этими выражениями могут стоять единые (общие) семантические представления. При анализе данной гипотезы А. Табуре-Келлер строит свое исследование на историческом и функциональном подходах, различая при этом этимологический, семантический и социолингвистический уровни исследования. К докладу А. Табуре-Келлер тематически примыкало сообщение П. Косса (Франция) о существовании связей между практикой "авторитарной речи" (речь, исходящая от лица

Франции в XVII в., а Ф. Дуэ (Франция) сделала доклад о проблемах "рационализации" французского языка в эпоху Французской революции. Речь шла о мерах трех порядков, условно обозначенных докладчицей как "униформизация" (установление новых языковых норм в целях существенного ограничения языковой вариативности), "универсализация" (обобщение соответствующих новых форм) и, наконец, закрепление данного порядка в соответствии с кажущимися более "естественными" и "рациональными" началами.

В целом ряде сообщений рассматривались языковые ситуации и дискурсы о языке в XX столетии. Так, в докладе П. Серико (Швейцария) речь шла о советской лингвистике 1920–1930 гг., одной из ключевых проблем которой был вопрос об отношении индивида к коллективу. В аксиологическом контексте все "коллективное" объявлялось стоящим на шкале ценностей выше "индивидуального". В то же время, в двадцатые–тридцатые годы, существовало несколько возможностей определять "коллектив" как объект дискурса, в частности, "по вертикали" (когда понятие "коллектива" фактически приравнивалось к целой "нации", вне зависимости от разделения общества на классы и прочие социальные группы) или "по горизонтали" (что, напротив, предполагало определенное социальное разделение общества). Один из парадоксов, которого коснулся докладчик, состоял в поразительном сходстве аксиологического принципа принижения индивидуального в угоду коллективному, широко распространенного в двадцатые–тридцатые годы в СССР, с аналогичным лозунгом, пропагандируемым на столетие раньше такими контрреволюционно настроенными интеллигентами эпохи Реставрации, как Ж. Де Местр и Л. де Бональд. В докладе Е. Вельмезовой (Россия – Швейцария) "Николай Марр и Иосиф Сталин" речь шла о возможных причинах появления известной статьи Сталина в газете "Правда" 20 июня 1950 года, в которой И.В. Сталин выступил с резкой критикой марризма. М. Узман (Турция) рассказал об утопической теории "языка-солнца", возникшей в Турции в тридцатые годы. Согласно этой теории, турецкий язык был предком всех остальных языков, причем возможно было установить его очевидные связи с языками других семей (в частности, с индоевропейскими языками), а также с исчезнувшими языками великих цивилизаций древности. Особый интерес собравшихся вызвал анализ исторических условий и общего эпистемологического контекста в интеллектуальной жизни Турции, в которых могла появиться такая теория.

К. Хаттон (Гонконг) рассказал о лингвистических и расовых теориях, возникших в нацистской Германии. Основным исходным тезисом доклада послужило положение о разном идеологическом наполнении концептов 'язык' и 'нация' для нацистских теоретиков. Центральной фигурой доклада Д. Саватовского (Франция) стал немецкий лингвист В. Клемперер: автор анализировал языковую политику "Третьего рейха". Г. Клейн-Доссу (Италия) рассказала о языковой политике в фашистской Италии (1923–1943). В центре дискуссии стояли такие проблемы, как создание "унифицированного" итальянского языка (что во многом преследовало цель установления однозначного соответствия между понятиями "нация" и "язык"), "очищение" итальянского языка от заимствований из других языков и т.д. Языку гуарани в эпоху военной диктатуры в Парагвае начиная с сороковых годов XX столетия был посвящен доклад К. Родригес (Бразилия). Фигуры Дж. Оруэлла и Н. Хомского были центральными в докладе Дж. Джозефа (Великобритания), рассказавшего о попытках "контролировать" мышление через язык в Великобритании в период между двумя мировыми войнами.

Многие доклады были посвящены описанию социолингвистической ситуации в современных обществах.

Доклад А. Гужон (Франция) был посвящен языковой политике в Белоруссии после обретения ею независимости. А. Лента (Молдавия) выступил с докладом об истории молдавского языка и об отношении этого языка к румынскому. М. Самара (Албания) выступил с докладом о языковой политике и работе албанских лингвистов в эпоху авторитарного режима 1945–1990 гг. Основное внимание докладчик уделил проблеме стандартизации албанского литературного языка, ее теоретическим и философским основаниям, а также соответствующим практическим решениям данного вопроса. Ж.-Ж. Куртин (Франция) посвятил свое сообщение анализу рекомендаций и нормативных стандартов, запрещающих употребление тех или иных слов и выражений в школьных учебниках в США (речь идет, к примеру, о замене слова *слепой* выражением "плохо видящий", слова *инвалид* – выражением "человек с ограниченными физическими способностями" и т.д.). Докладчик обратился к истокам и постепенному распространению в США дискурса соответствующего типа, традиционно определяемого как "политически корректный". М. Мамудян (Швейцария) рассказал о языковой ситуации – соответствующих за-

конах и реальном положении дел – в Иране. Как подчеркнул докладчик, за исключением статьи конституции, объявляющей персидский язык государственным, практически никакие другие тексты не касаются проблемы статуса языков в Иране. В то же время, те языки, на которых говорит население Ирана, имеют различный социальный статус и сферы распространения в общественной жизни – будь то пресса, радио, телевидение, сфера образования и т.д., причем во многом эта ситуация определяется причинами исторического вооружения. Н. Тигзирри (Алжир) посвятила свой доклад вопросу отражения языковой проблематики в принятых в разное время алжирских конституциях. В отдельной

части сообщения докладчица сопоставила соответствующие государственные документы, принятые в Алжире, Марокко и Тунисе.

Подводя итоги заседаний в заключительной дискуссии, участники конференции в особенности подчеркнули ее новаторский характер и, поблагодарив организаторов, выразили надежду на продолжение встреч и совместной научной работы. Доклады, прозвучавшие на конференции, предполагается опубликовать в серии периодических изданий Института наук о языке, созданного при Лозаннском университете.

Е.В. Вельмезова (Москва)

С 13 по 15 ноября 2003 г. в г. Брно проходила ставшая уже традиционной международная конференция богемистов "Чешский язык: Универсалии и специфика", в которой нам довелось участвовать уже во второй раз (2000 и 2003 гг.). Организатором конференции является Институт чешского языка при философском факультете университета им. Т.Г. Масарика в Брно.

Выступая на открытии конференции с приветственным словом, директор Института профессор Я. Плескалова подчеркнула, что главное желание организаторов заключается в том, чтобы всемерно способствовать взаимному сближению "всех тех, кто отдает силы на благо изучения чешского языка". И действительно, в огромном зале Краевого представительства гетмана Южной Моравии собрались богемисты, приехавшие из разных уголков не только Чешской республики, но и зарубежья. Многие из них участвуют в этом научном форуме не впервые.

В конференции 2003 г. принимали участие богемисты из 10 стран, в том числе из Австрии (2 участника), Великобритании (1), Германии (9), Голландии (1), Италии (2), Польши (1), России (2), США (3), Франции (2), Чехии (50). Что касается Чехии, то она была представлена учеными из таких научных центров как Брно, Зноймо, Оломоуц, Опава, Пльзень, Прага. Наибольшее количество ученых приехало из Праги (29 человек).

Конференция проходила под патронатом гетмана Южноморавского края – Ст. Юранека, обратившегося к присутствующим с приветственным словом.

Интерес к симпозиуму стремительно, год от года, возрастает, соответственно увеличивается и количество его потенциальных участников. Это обстоятельство несомненно радует его организаторов, подтверждая целесообразность и актуальность проводимого мероприятия. Вместе с тем оно создает для них и немалые сложности, поскольку трудности с привлечением спонсорских средств не позволяют проводить встречи богемистов с той периодичностью, с какой хотели бы участники, а, возможно, и сами организаторы. В силу данных обстоятельств программа конференции 2003 г., рассчитанная на два с половиной дня, была очень насыщенной и напряженной.

Для оптимального решения организационных и финансовых проблем организаторам симпозиума пришлось пойти на некоторую селекцию поступивших заявок. Так, уже вторично (впервые это было сделано в 2001 г.) при участии анонимных рецензентов был проведен предварительный конкурс тезисов заявленных докладов. Найден был и еще один выход из положения, позволивший расширить количество участников, прежде всего за счет привлечения молодежи – это организация заседания с так называемыми "стендовыми" докладами.

По сложившейся традиции гостеприимные организаторы конференции намеренно держались как бы "в тени", давая возможность выступить докладчикам из других чешских городов, а также зарубежных стран. Это решение, разумеется, было вынужденным, поскольку научный авторитет брненских ученых, а также их вклад в развитие не только богемистики, но и языкознания вообще исключительно велик. Назовем лишь не-

которые имена ныне уже покойных корифеев чешской лингвистики, таких как Б. Гавранек, Я. Белич, М. Докулил и др.

Устроители научного форума, также по доброй традиции, были не только заботливыми хозяевами и прекрасными организаторами – в числе последних следует назвать особенно Зд. Гладку и П. Карлика (первая выступала на открытии симпозиума; второй подвел его итоги на заключительном заседании). Они активно участвовали в дискуссиях по важнейшим проблемам современного языкознания; некоторые из них выступили со "стендовыми" докладами.

На конференции было заслушано 67 докладов: 25 – на четырех пленарных заседаниях; 16 – на заседаниях секционных, посвященных вопросам стилистики, генеративной грамматики, дескриптивной грамматики, фонетики и фонологии; со "стендовыми" докладами выступили 26 человек, из них 8 ученых из Брно. Рабочим языком конференции был чешский.

В настоящем обзоре практически невозможно перечислить, а тем более проанализировать все зачитанные доклады, поэтому нам придется ограничиться лишь беглой характеристикой их тематики, а также используемого методического подхода.

В центре внимания всех докладов вполне естественно находился чешский язык, его структура и функционирование, рассматривались также внутриуровневые и межуровневые взаимосвязи. Назовем лишь выборочно доклады Т. Бергера (Тюбинген), Л. Веселовской (Оломоуц), Н. Ньюблера (Киль), Зд. Палковой (Прага), О. Уличного и Э. Граховиновой (Прага), М. Гиршовой (Оломоуц), Т. Шера (Ницца), Фр. Штихи (Прага) и мн. др. Следуя своим личным пристрастиям, отметим доклады М. Некулы (Регенсбург) и М. Зиковой (Брно), посвященные рассмотрению деминутивов и феминативов, весьма активизировавшихся в современном словоупотреблении в результате усилившегося влияния разговорного языка.

Основное внимание участников конференции привлекало изучение современного среза чешского языка; явления более ранних хронологических срезов освещались в четырех докладах: Б. Выкпел (Брно) "Коммутация в глоссематике и фонологии: плавные в древнечешском языке"; Ш. Лешнерова (Прага) "Ритмическая организация предложения в чешском языке эпохи гуманизма"; Ш.М. Неверкла (Вена) "Йозеф Валентин Злобичский"; М. Питликова (Прага) «Эк-

виваленты "терминологического характера" в первом древнечешском переводе Библии».

Факты чешского языка исследовались как самостоятельно, так и на фоне других языков, главным образом близкородственных (славянских) – лишь в одном докладе для этой цели использовался родной для автора японский язык – М. Фидлер (Провайденс) "Звуковой символизм в чешском языке (на фоне японского)".

Результаты использования метода системно-функционального сопоставления продемонстрировали в своих докладах участники конференции из России: В.Ф. Васильева (Москва) "Межъязыковая функциональная асимметрия как проявление специфики родственных языков (на материале чешского и русского языков)" и Г.П. Нецименко (Москва) "Об усилении конвергентных тенденций в развитии современных славянских языков". Назовем в этой связи также доклад П. Косты и Е. Фрасека (Потсдам) "Неаккузативы vs. неэргативы в чешском, польском и других славянских языках", Б. Скарабелы (Бостон) "Монолексемные посесоры в чешском и в других языках" и т. д.

За последние десятилетия метод системно-функционального сопоставления стал, в том числе и благодаря заслугам чешских лингвистов, одним из ведущих в языкознании. Он продуктивно используется для выявления общеязыковых универсалий, а также сходных и специфичных черт близкородственных языков.

Предметом рассмотрения на конференции явились и некоторые универсальные языковые тенденции, например, языковой вариантности в докладе Ф. Чермака (Прага) "Языковая вариантность на материале пословиц", тенденций конвергентности – дивергентности, а также аналитичности – синтетичности в славянских языках (ср. упоминавшийся выше доклад Г.П. Нецименко) и т. д.

В поле зрения исследователей находился и феномен валентности – доклады Я. Паневой и М. Лопатковой (Прага) о валентности определенных групп глаголов и Р. Блатной (Прага) о сочетаемости сложных предлогов с номинативом. Представлены были и доклады, исследующие явления, значимые как для отечественных, так и для зарубежных богемистов – назовем доклад К. Олявы (Прага) "О грамматических и неграмматических конструкциях с относительными местоимениями *který* и *jenž*", разграничение последних может доставлять трудности не только носителям чешского языка, но и иностранцам.

Интерес вызвали доклады, посвященные изучению специфики речевого поведения – см. доклады Я. Гофмановой (Прага) о речевых ухищрениях в коммуникативной стратегии чешских политиков, П. Мареша (Прага) "Игра в неформальность в современных чешских профессиональных текстах", Л. Гашовой (Прага) "Коммуникация в дискуссиях с иностранцами и об иностранцах на телевидении" и др.

Одной из центральных проблем, обсуждаемых на конференции, была проблема чешской языковой ситуации под разными ракурсами. Назовем некоторые из зачитанных докладов; ср.: П. Сгалл (Прага) "К проблеме обогащения литературного чешского языка"; Дж. Куммин (Нью-Орлеан) "Морфология разговорного языка в современной коммуникативной ситуации и беллетристике: твор. мн. числа на *-ma*"; "Специфика использования феномена *obecná čeština* на материале польских переводов новейшей чешской прозы" Й. Мельчарек (Торунь). Взаимоотношению чешского языка и среднего европейского стандарта посвящен доклад М. Гигера (Прага).

В этой же связи заслуживает упоминания и "панельный" доклад К. Каргановой (Прага), проинформировавший о некоторых результатах социолингвистического обследования общественного мнения, проводившегося сотрудниками отдела стилистики и лингвистики текста Института чешского языка в Праге. Цель обследования – выявление состояния современной речевой культуры, уровня публичной речи, динамики нормы литературного чешского языка и т. п. Думается, что результаты этого обследования будут весьма полезны в том числе и при выработке ориентиров современной культурно-языковой политики.

С названными выше вопросами тематически связан и коллективный доклад Я. Млейнецкой, М. Правдовой, К. Смейкаловой (Прага), посвященный актуальным проблемам в деятельности языковой консультации Института чешского языка Чешской АН. Не можем не отметить, что под руководством Л. Углиржовой данное подразделение Института чешского языка ведет не только консультативную, но и важную исследовательскую работу.

Проблеме самоидентификации (оппозиция "свой – чужой") посвящен доклад Св. Чмейрковой и Ф. Данеша (Прага).

Конференция в Брно отчетливо показала возрастание интереса к "корпусной" лингвистике и, в частности, к лексикографическим коллекциям Чешского национального кор-

пуса Карлова университета в Праге и примающих к нему языковых корпусов Брно и Оломоуца.

Все большее количество исследователей прибегает к этим архивам при разработке лингвистической проблематики – это наглядно показали доклады Н. Бермеля (Шеффельд), Я. Вейвдовой (Прага), М. Копршивовой (Прага), В. Петкевича (Прага), П. Поржизека (Оломоуц), Й. Шимандла (Прага), Ф. Эсвана (Неаполь) и др.

В нашем обзоре мы, конечно, не могли охватить всю проблематику, рассматривавшуюся на конференции богемистов в Брно. Можем лишь еще раз сказать, что это было важное событие в научной жизни не только богемистов, но и лингвистов вообще. Думается, что опубликованные в итоговом сборнике доклады участников конференции – а такое издание предполагается – будут востребованы научной общественностью.

Заключая, мы хотели бы отметить важную координирующую роль Института чешского языка Брненского университета. Говоря это, мы имеем в виду не только организацию престижных международных форумов богемистов, вызывающих, как уже говорилось, огромный интерес специалистов. Большого внимания заслуживает и собственно исследовательская и публикаторская деятельность языковедов этого института. В их ряду нельзя не назвать в частности создание "Энциклопедического словаря чешского языка" (*Encyklopedický slovník češtiny. Praha, 2002*), собравшего вокруг себя видных ученых, в том числе и из Института чешского языка Чешской АН, Карлова университета в Праге и т.д.

Данное издание можно назвать в полном смысле слова образцовым. Словарь представляет собой ценнейший тезаурус, включающий в себя сведения по широкому кругу проблем современного языкознания. Его словарные статьи знакомят читателя как с классическими, так и с новейшими концепциями, содержат они и ключевые библиографические источники. При его подготовке к печати были продуманы все детали. Так, несмотря на большой объем (604 с.), словарь очень удобен для пользования (достаточно отметить хотя бы наличие цветного предметного указателя).

Нельзя не упомянуть и такой важный труд, неготовленный в свое время учеными из Института чешского языка Брно, как чрезвычайно востребуемую грамматику чешского языка (1995 г.) – *Příruční mluvnické češtiny*, переиздававшуюся и переводившую-

ся на ряд языков (см. нашу рецензию на эту фундаментальную книгу в ВЯ. 2000. № 1).

Не можем также не отметить, что ученые Института чешского языка в Брно вместе со своими коллегами из Института чешского языка Чешской АН, Карлова университета, а также Института славистики Польской АН поддерживают творческие научные контакты с Институтом славяноведения РАН. Мы имеем в виду работу над международными

целевыми программами по сопоставительному изучению славянских языков, а также по систематическому, комплексному, многоаспектному, междисциплинарному изучению феноменов "язык", "культура", "этнос", в рамках которых было опубликовано семь коллективных монографий.

Г.П. Нецименко (Москва)

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

1 *Рукописи* представляются в двух экземплярах текст и подстрочные примечания *должны быть набраны* через два интервала *на машинке или* через полуторный интервал *в электронном виде* После подписи указываются сведения об авторе фамилия, имя, отчество, место работы, занимаемая должность, ученая степень, домашний адрес, телефон, E-mail адрес

1.1 Редакция также принимает электронную версию материалов, полностью идентичную напечатанному оригиналу В состав электронной версии статьи должны входить файл, содержащий текст статьи, и файл(ы) содержащий(е) иллюстрации Если текст статьи вместе с иллюстрациями выполнен в виде одного файла, то необходимо дополнительно представить файлы с иллюстрациями На дискете желательно продублировать материалы в разных каталогах (на случай брака дискеты) Во избежание технических неполадок запись на дискете рекомендуется тестировать и проверять на вирусы

1.2 *Подготовка электронной версии основного текста*

Желательно представление основного текста статьи в формате Microsoft Word for Windows При наборе используйте стандартные Windows True Type шрифты (например, Times New Roman, Courier New, Arial и т.п.) Все использованные в статье шрифты с нестандартными знаками желательно сохранить как отдельные файлы на дискете Размер шрифта – 12

Обращаем Ваше внимание на то, что строки текста в пределах абзаца не должны разделяться символом возврата каретки (обычно клавиша Enter) Тексты с разделением строк в пределах абзаца символом возврата каретки не могут быть использованы

1.3 *Подготовка электронной версии графического материала*

При подготовке графических файлов мы просим Вас придерживаться следующих рекомендаций:

– для растровых рисунков использовать формат TIF с разрешением 600 dpi, 256 оттенков серого, – векторные рисунки должны предоставляться в формате программы, в которой они сделаны CorelDraw (до версии 8.0), Adobe Illustrator (до версии 8.0), FreeHand (до версии 8.0) или в формате EPS

– для фотографий использовать формат TIF не менее 300 dpi

Если программа не является распространенной, то желательно дополнительно сохранить файлы рисунков в формате WMF или EPS

Графические файлы должны быть поименованы таким образом, чтобы был понятен порядок их расположения Каждый файл должен содержать один рисунок

2 *Примеры* в журнале принято давать курсивом (подчеркивать в рукописи волнистой чертой), а значения их в кавычках

3 *Библиография* в журнале оформляется следующим образом

3.1 Список использованной литературы дается в конце статьи по алфавиту фамилий авторов и оформляется так

– "Код работы" (фамилия, год выхода цитируемой работы), тире, инициалы и фамилия автора, название работы В случае, если авторов больше двух, допустимо указывать только одного автора плюс выражение типа "и др." или "et al"

– Если это монография, то после точки указываются место и год издания, например Успенский 1994 – Б.А. Успенский Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.) М., 1994

– Если это статья, то после двойного слэша (//) указывается журнал (допустимы при этом стандартные сокращения) или выходные данные сборника, например

Трубецкой 1990 – Н.С. Трубецкой Общеславянский элемент в русской культуре // ВЯ 1990 № 2, 3

– Если это сборник или иное аналогичное издание, то 'кодом' является одно из двух

а) фамилия редактора (или редакторов, допустимы сокращения как и в ссылке на авторскую работу, см. выше) и год, тире, инициалы и фамилия редактора с указанием "ред." (для других языков – ed., hrsg. и т.п.),

б) сокращенное название и год

Greenberg 1978 – *J Greenberg ed Universals of human language V I Method and theory Stanford (California) 1978*

Universals 1978 – *Universals of human language V I Method and theory Stanford (California), 1978*

3 2 **В тексте ссылки на литературу** даются в квадратных скобках, фамилия (и инициалы автора, если это необходимо во избежание недоразумений), год публикации работы с указанием цитируемых страниц (если это существенно) Например [В В Иванов 1992 34], [W Jones 1890] Если в библиографии упоминаются несколько работ одного и того же автора и года, используются уточнения типа [W James 1890a]

4 **Подстрочные примечания** имеют сквозную нумерацию

5 Непринятые рукописи не возвращаются

6 Статьи опубликованные или направленные в редакции других журналов, не принимаются

7 Рецензии должны присылаться в редакцию вместе с экземпляром рецензируемой книги (по просьбе автора рецензии книга будет ему возвращена)

Статьи, оформленные не в соответствии с указанными выше правилами, к рассмотрению в журнале "Вопросы языкознания" не принимаются.

**СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ РУССКИХ И ИНОСТРАННЫХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ
И ПРОДОЛЖАЮЩИХСЯ ИЗДАНИЙ, ПРИНЯТЫХ В ЖУРНАЛЕ
"ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ"**

- БЕ – Български език
ВДИ – Вестник древней истории
ВИ – Вопросы истории
ВСЯ – Вопросы славянского языкознания
ВФ – Вопросы философии
ВЯ – Вопросы языкознания
ЕИКЯ – Ежегодник иберийско-кавказского языкознания
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
ЗВО РАО – Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ИАН СЛЯ – Известия АН СССР Серия литературы и языка
ИКЯ – Иберийско-кавказское языкознание
ИОРЯС – Известия Отделения русского языка и словесности Имп Акад наук (Росс АН)
АН СССР
ИЯШ – Иностранные языки в школе
РЯНШ – Русский язык в нач школе
РЯШ – Русский язык в школе
СбНУ – Сборник за народни умотворения
СТ – Советская тюркология
ФН – Доклады высшей школы Филологические науки
ADAW – Abhandl der Deutschen (Berliner) Akad der Wissenschaften Klasse fur Sprachen, Literatur und Kunst
AfsIph – Archiv fur slavische Philologie
AGL – Archivio glottologico Italiano
AKGW – Abhandl der Konigl Gesellschaft der Wissenschaften zu Gottingen
AL – Acta linguistica
AmA – American anthropologist
ANF – Arkiv for nordisk filologi
AO – Archiv orientální
APAW – Abhandl der Preussischen Akad der Wissenschaften Philosoph hist Klasse
BCLC – Bulletin du Cercle Linguistique de Copenhague
BPTJ – Buletyn Polskiego towarzystwa językoznawczego
BSLP – Bulletin de la Societe de linguistique de Paris
BSOS – Bulletin of the School of Oriental studies
BzNf – Beitrage zur Namenforschung
CAJ – Central Asiatic Journal
CFS – Cahiers F de Saussure
CJ – The classical journal
FPhon – Folia phoniatrica
FuF – Finnisch-ugrische Forschungen
GL – General linguistics
HR – Hispanic review
IF – Indogermanische Forschungen
IJ – Indo-Iranian journal
IJAL – International journal of American linguistics
JA – Journal asiatique
JASA – Journal of the Acoustical society of America
JEGPh – Journal of English and Germanic philology
JL – Journal of linguistics
JP – Język polski
JRAS – Journal of the Royal Asiatic society
JSFOu – Journal de la Societe finno ougrienne
JФ – Южнославенски филолог
KZ – Zeitschrift fur vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen
LaPh – Linguistics and Philosophy

Lg – Language
 LIn – Linguistic Inquiry
 LM – Les langues modernes
 MM – Maal og minne
 MSFOu – Memoires de la Société finno-ougrienne
 MSLP – Memoires de la Société de linguistique de Paris
 MSOS – Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen zu Berlin
 NSS – Nysvenska studier
 NTS – Norsk tidsskrift for sprogvidenskap
 PBB – Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur
 PMLA – Publications of the Modern Language Association of America
 RES – The Review of English studies
 REG – Revue des études grecques
 RESI – Revue des études slaves
 RF – Romanische Forschungen
 RKJL – Rozprawy Komisji językowej Łódzkiej t-wa naukowego
 RKJW – Rozprawy Komisji językowej Wrocławskiej t-wa naukowego
 RLing – Russian linguistics
 RLR – Revue de linguistique romane
 RO – Rocznik orientalistyczny
 RS – Rocznik slawistyczny
 SaS – Slovo a slovesnost
 SDAW – Sitzungsberichte der Deutschen Akad. der Wissenschaften Phil-hist., Klasse für Sprachen
 Literatur und Kunst
 SL – Studia linguistica
 SMS – Sbornik matice slovenskej pre jazykozpyt, narodopis a literárnu históriu
 SPAW – Sitzungsberichte der Preussischen Akad. der Wissenschaften
 StO – Studia orientalia
 SWAW – Sitzungsberichte der Wiener Akad. der Wissenschaften
 TA – Traduction automatique
 TCLC – Travaux du Cercle linguistique de Copenhague
 TCLP – Travaux du Cercle linguistique de Prague
 TIL – Travaux de l'Institut de linguistique
 TPhS – Transactions of the Philological society
 UAJb – Ungarische Jahrbücher
 VR – Vox Romanica
 WW – Wirkendes Wort
 ZAS – Zentralasiatische Studien
 ZCPH – Zeitschrift für celtische Philologie
 ZDA – Zeitschrift für deutsches Altertum
 ZDMG – Zeitschrift der Deutschen morgenländischen Gesellschaft
 ZDPH – Zeitschrift für deutsche Philologie
 ZMaF – Zeitschrift für Mundartforschung
 ZNS – Zeitschrift für neuere Sprachen
 ZPhon – Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft
 ZRPPh – Zeitschrift für romanische Philologie
 ZSL – Zeitschrift für Slavistik
 ZSLPh – Zeitschrift für slavische Philologie

CONTENTS

A.M. Moldovan (Moscow). Slavistics today (following the 13-th International Congress of slavists in Ljubljana); A.A. Zaluznjak, E.N. Nosov, V.A. Janin (Moscow). Birch codices from the Novgorod excavations of 2003; S.A. Burlak, I.B. Itkin (Moscow). The Tocharian text A 446: one more manuscript of the Tocharian version "Maitreyasamiti-Nātaka"; V.V. Levickij (Chemovci) Anomalous ablaut in Indo-European and Germanic; O.N. Krasavina (Moscow). The use of the demonstrative group in Russian narrative discourse; V.V. Gurevič (Moscow). Different conceptions of the actual sentence perspective; A. Mustajoki, M. Kopotev (Helsinki). On the status of word-equivalents of the type *потому что, в зависимости от*; Reviews: N.N. Boldyrev (Tambov), E.S. Kubriakova, E.V. Petrušina (Moscow). A.V. Bondarko The theory of meaning in the system of functional grammar (founded on the materials of the Russian language), N.A. Kupina, O.A. Mikhailova (Ekaterinburg). The contemporary Russian language. social and functional differentiation, N.D. Arutjunova (Moscow). *Tang Aoshuang* The problems of hidden grammar. syntax, semantics and pragmatics of an isolating language, V.M. Alpatov (Moscow) *Suzuko Tamura*. The Ainu language. **Chronicle features**

Сдано в набор 20 02 2004	Подписано к печати 16 04 2004	Формат 70 × 100 ¹ / ₁₆		
Офсетная печать	Усл печ л 11,7	Усл кр отт 18,0 тыс	Уч.-изд л 14,0	Бум л. 4 5
	Тираж 1509 экз	Зак 8305		

Свидетельство о регистрации № 0110167 от 4 февраля 1993 г
в Министерстве печати и информации Российской Федерации
Учредитель Российская академия наук

Адрес издателя 117997, Москва, Профсоюзная, 90
Адрес редакции 119019, Москва, Г-19, ул Волхонка, 18/2 Институт русского языка
телефон 201-25-16

Оригинал-макет подготовлен МАИК "Наука/Интерпериодика"
Отпечатано в ППП "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6